Ю.С.
АРАКЧЕЕВ
В СТРАНЕ
СИНИХ
МАХАОНОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Ю. С. АРАКЧЕЕВ

В СТРАНЕ СИНИХ МАХАОНОВ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1985

28.691.89
А79

Консультант — доктор биологических наук
Н. Г. Васильев

Художник В. Кафанов

Фотографии автора

Ю. С. Аракчеев

А79 **В** стране Синих махаонов. Научно-художественная лит-ра / Художник В. Кафанов.— М.: Дет. лит., 1985.—208 с, фотоил.

В пер.: 2 р.

Книга рассказывает об уникальной природе Дальнего Востока, об охране растительного мира и насекомых, о замечательных людях — энтузиастах этого края Фотографии автора.

Л $\frac{4802000000—469}{М101(03)85}$ 072—85

ББК28.691.89
592

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1985 г

Часть I

ЖЕНЬШЕНЬ, ЛОТОС И ПЕНЕЛОПА

НЕМНОГО О ПРИМОРЬЕ

Однажды я прочитал замечательную книгу. Она называлась так: «Путешествие с Чарли в поисках Америки». В ней американский писатель Джон Стейнбек рассказывал, как он вдвоем с пуделем Чарли проехал несколько тысяч километров по дорогам Соединенных Штатов на автомашине.

И я подумал: а почему бы и мне не сделать то же самое? Только по дорогам не Америки, а своей страны. И не с пуделем, которого у меня не было, а в одиночестве? И не на автомашине, которой у меня тоже не было, а на велосипеде? Ведь я очень люблю велосипед.

Идея!

И я отправился из Москвы в Винницу, прокладывая маршрут не только по шоссейным дорогам, но и по проселочным, ночуя главным образом у местных жителей, купаясь в каждой встречной речке, крутя педали и глядя во все глаза.

И это были счастливейшие дни моей жизни. Двенадцать дней, которые я провел в пути, остались в памяти как бесконечный, солнечный, насыщенный разнообразными событиями праздник.

В этом путешествии я, кажется, понял, какой может и какой должна быть жизнь человеческая. Узнал цену времени, отпущенного нам судьбой. Догадался о том, как

важно быть в жизни внимательным. И добрым. К тем, кто живет с тобой на земле. Конечно же, к людям! Но не только к ним.

Потом были еще путешествия на велосипеде. Однако первое оказалось самым счастливым.

А самым длинным стало другое. Самое длинное — это как раз то, в котором я впервые увидел Приморье.

Дальний Восток! Приморье! Самая удаленная от столицы область нашей страны. Ну, может быть, Камчатка, Чукотка, Курилы могут с ней поспорить. Но там суровый климат. А вот Южное Приморье...

Кто из нас в юности не читал знаменитые книги В. К. Арсеньева «Дерсу Узала», «По уссурийскому краю»? Река Уссури дала название и краю, и тамошнему лесу. Уссурийская тайга... Уссурийский тигр — «амба», как называл его спутник Арсеньева, гольд Дерсу Узала. Женьшень, лотос. Пятнистые олени. У М. М. Пришвина есть замечательная повесть «Женьшень» или «Корень жизни», там прекрасно описаны охотники за корнем жизни, и среди них китаец Лувен, тоже, как и Дерсу Узала для Арсеньева, ставший для автора другом, подаривший ему женьшень...

Теперь я знаю, что Приморский край занимает площадь около 170 тысяч квадратных километров, это территория целого государства — чуть меньше, чем полуостров Корея, почти половина территории всей Японии. На западе он граничит с Китаем, на крайнем юге с Кореей, а на восток от него, за морем, лежат Японские острова.

Столица Приморского края — город Владивосток. Это самый большой порт Дальнего Востока, один из крупнейших портов мира, юго-восточные ворота нашей Родины. Здесь на рейде в бухте Золотой Рог стоят суда из разных стран, отсюда отплывают наши корабли в Китай, Японию, КНДР, в Индию, Африку, Америку, к островам Океании и Малайского архипелага.

Удивительная природа Приморского края сочетает в себе северные и южные элементы: здесь можно встретить северянку-пихту, ель, сосну, могучие кедры, а по соседству с ними произрастают, например, субтропические деревья амурского бархата, который называют также пробковым деревом. Рядом с березой и рябиной — маньчжурский орех, близкий родственник ореха грецкого, вместе с кленами — ильм, монгольский дуб, тис, аралия, а также красивое, стройное дерево чозения, что в переводе с

латыни означает «кореянка»... В густой Приморской тайге нередки настоящие субтропические лианы — амурский виноград, актинидия, лимонник. Северянин бурый медведь уживается здесь со своим южным родственником белогрудым медведем, жители северной тайги — соболь, рысь, рябчик, глухарь — соседствуют с типичными южанами — леопардом, уткой-мандаринкой, изумрудно-синим широкоротом. Много кабанов, изюбрей, пятнистых оленей, а также белок, зайцев, барсуков. Встречается очень редкое горное парнокопытное животное — горал. И наконец, наиболее знаменитое из дальневосточных животных — хозяин тайги уссурийский тигр.

Но может быть, самое интересное в природе Приморья — это реликты. Слово «реликт» означает «остаток давнего прошлого», «пережиток». Великое оледенение четвертичного периода земной истории, сковавшее почти всю территорию, на которой теперь располагается наша страна, дошло до Приморского края лишь частично. Поэтому здесь сохранились растения и животные той древней поры, когда на земле господствовал теплый и влажный климат. Это было несколько миллионов лет назад, а ту пору, которая предшествовала оледенению, археологи назвали третичным периодом.

Аккуратно ведя цепочку поколений, передавая в генах основные свойства организмов, реликты третичного периода дожили до нашего времени почти в том самом виде, в каком они существовали в давние-давние времена, и до ним мы можем хотя бы отчасти представить себе, какой была тогда природа планеты.

Итак, не только северяне и южане благополучно уживаются в этом удивительном крае, но также современные и древние растения и животные, что делает природу Приморья особенно любопытной, неодолимо привлекательной для каждого, кому интересен окружающий нас мир.

Все это я знаю теперь, но тогда о Приморье я знал очень мало. Конечно же, я читал книги В. К. Арсеньева, но мне и в голову не приходило, что когда-нибудь самому придется побывать в тех местах.

О своем первом путешествии на велосипеде я написал приятелю в Магадан. Этот мой приятель закончил институт в Москве и уехал работать на Восток, там ему понравилось, он там и остался. Прочитав мое письмо, он предложил мне совершить еще более далекое и, наверное,

еще более интересное и рискованное путешествие на велосипедах вдвоем: из Владивостока в Москву.

Из Владивостока — в Москву! На велосипедах! Как же на такое не согласиться?

И я принял его предложение.

Сначала я отправил свою двухколесную машину марки «Прогресс» поездом во Владивосток. А сам полетел в Магадан на самолете. Там мы с приятелем сели на пароход «Александр Можайский», проплыли по Охотскому и Японскому морям через пролив Лаперуза до Находки (четверо с половиной суток!), а затем на электричке прибыли во Владивосток.

В столице Приморского края мы прожили почти пять дней. Но, увы, не потому вовсе, что осматривали город и никак не хотели с ним расстаться. А потому, что все это время — почти пять суток без перерыва —лил бесконечный, нудный, хотя и теплый дождь.

Мы, конечно, ходили по Владивостоку, но под дождем все казалось тусклым и серым. За четыре дня мы так и не смогли как следует осмотреть его. Корабли в бухте Золотой Рог выглядели уныло сквозь сетку дождя, и трудно было представить себе, что они побывали в далеких странах, тропических южных морях, где горячее солнце прокалило их снасти.

Наконец, на пятый день наше терпение лопнуло. Впереди — тысячи километров неведомых дорог, а мы сидим здесь и киснем от скуки. Вспомнили, что у нас есть с собой штормовки, а еще полиэтиленовые пленки. Упаковались, оделись, накрыли пленками все, что могли, и — выехали наконец.

В первый день проехали под дождем километров семьдесят, ночевали в селе с хорошим русским названием Раздольное, а на другое утро дождя не было, и когда мы подкатили к городу Уссурийску, уже и солнце выглянуло. От Уссурийска мчались, страдая не от дождя, а от жары, которая была в тени свыше тридцати, а уж какая на солнце — и говорить не приходится.

Но еще больше мы страдали не от жары, а от мошек и гнуса, который на ходу, правда, не так привязывался, но стоило остановиться, как мы просто не знали куда деваться. Во-первых, разного рода слепни, которые, словно пули, настигают и тотчас впиваются, проделывая в коже своим острым хоботком такие дырки, что даже когда слепня убьешь, из дырки все равно кровь сочится.

Во-вторых, комары. В-третьих — и это самое неприятное,— мошки. Маленькие, с аккуратно сложенными крылышками, они облепляли главным образом ноги, а боль от укуса была словно удар иглы. Потом это место мучительно чесалось и выступали лиловые пятна, не проходившие неделями.

Однако самыми опасными были, конечно же, энцефалитные клещи. Живьем мы их не видели. Пока. Но чуть ли не в каждом поселке встречали плакаты, на которых клещи эти были крупно изображены. Плакаты предупреждали о вероятности заражения клещевым энцефалитом. Из разговоров с местными жителями мы уже знали о случаях такого заражения, которое оканчивается, как нас заверяли, смертью *в лучшем случае*. А в худшем — безобразным уродством на всю жизнь, потому что вирус, переносимый клещом, поражает нервную ткань спинного и головного мозга...

Отходить от шоссейной дороги хотя бы на несколько десятков метров мы не решались, и хотя однажды все-таки набрались мужества и нарвали пышный букет полевых цветов, однако считали, что совершили при этом подвиг. Цветы были прекрасны и своей красотой затмевали садовые: оранжево-красные, огненные, испещренные темными точками, крупные лилии (они называются «тигровые»), желтые и лиловые нежные ирисы, ярко-оранжевые ослепительные жарки...

Конечно, мы не могли не восхищаться живописнейшей природой Приморья. На горизонте постоянно голубела волнистая линия сопок Сихотэ-Алиня, а по берегам речек и озер росли оригинальной формы деревья... Незадолго перед поездкой я побывал на выставке японских художников — на многих картинах там были точно такие деревья. Особенно часто я вспоминал картины художника Хокусаи. Это имя запомнилось потому еще, что на выставке было с десяток, а может быть, и больше акварелей одной и той же горы — Фудзиямы. А всего у него как будто бы тысяча таких акварелей, о чем уважительно сообщалось в проспекте, и все они написаны чуть ли не с одного и того же места, но только в разное время года и дня. Вот что значит внимательно относиться к природе! Помню, меня это прямо-таки потрясло.

Но еще больше удивило, что каждая из этого множества акварелей была, как говорят, признана шедевром, причем рисунки при всей одинаковости сюжета были все-

таки разными. И не только потому, что они написаны в разное время года и дня. А потому еще, что ведь и сам художник менялся от рисунка к рисунку, менялось его настроение, состояние...

Да, верно, мы действительно изо дня в день меняемся, и считается даже, что в течение семи лет все до одной клетки нашего организма заменяются новыми. Память сохраняется, способности сохраняются, генетически сохраняется форма и строение тела, а вот сами клетки, все атомы и молекулы — другие! И каждый день мы разные — сегодня не такие, как вчера, а завтра будем не такие, как сегодня.

И не удивительно, что акварели Фудзиямы, написанные одним и тем же человеком, но в разное время, тоже были все разные.

Но одно дело понимать это теоретически, а совсем другое — осознать по-настоящему, то есть прочувствовать и самостоятельно убедиться.

Итак, пейзажи Приморья были удивительно живописны, а люди, которых мы встречали тогда, останавливаясь пообедать в какой-нибудь столовой или на ночлег, тоже, как правило, нравились нам.

Разумеется, мы постоянно ожидали встречи с тигром. Хотя и понимали, что тигры навряд ли будут выходить на шоссейную дорогу или поджидать в придорожных зарослях двух беспечных велосипедистов, но ведь кто знает, как у них здесь принято. Местами дорога шла по настоящему дремучему лесу.

Однако опасности никогда еще не останавливали истинных путешественников, мы мужественно и быстро преодолевали километры дорог и пересекли весь огромный Приморский край за какую-нибудь неделю...

Кстати, за все это время мы так и не видели ни одного тигра, ни одной ядовитой змеи и ни одного клеща. И если о первом и втором все-таки немножко жалели, то о последнем — ничуть.

И только когда Приморье осталось позади, я вдруг осознал: ведь мы о нем почти ничего не узнали и видели только мельком.

Вот тебе и раз...

ПРИГЛАШЕНИЕ

Ровно через год после того велосипедного путешествия неожиданно посетило меня увлечение, которое сыграло прямо-таки историческую роль в моей жизни. Я начал фотографировать крупным планом, с близкого расстояния, мир насекомых, пауков, улиток, растений — удивительный мир мелких существ, которые окружают нас буквально со всех сторон, но которых мы как-то не замечаем, а если и замечаем, то не придаем им особенного значения.

А потом в издательстве «Мысль» вышла моя книга «Джунгли во дворе», где описывались первые путешествия с фотоаппаратом в травяных «джунглях». И однажды заведующий редакцией географической литературы Анатолий Петрович Воронин пригласил меня к себе в кабинет и сказал, что есть возможность принять участие в экспедиции НИИ Природы и Заповедного дела, которая посетит несколько заповедников Южного Приморья.

— Экспедиция отправится в конце августа,— сказал Анатолий Петрович сдержанно, однако чувствовалось его скрытое волнение.— Я еду туда простым рабочим. Постарайтесь взять командировку от Союза писателей, а я о вашем участии уже говорил. Доктор биологических наук Васильев, руководитель экспедиции, в принципе не возражает. Несколько академиков едет — из Москвы и Новосибирска... Самые лучшие места Южного Приморья. И время самое лучшее — говорят, там в конце августа — сентябре «золотой сезон». Подумайте. Такая возможность не часто представляется.

Вот когда вспомнил я про экзотику и реликты! Вновь и вновь рассматривал цветную таблицу в 3-м томе «Жизни животных», выпущенном издательством «Просвещение»,— таблицу, которая была посвящена насекомым Дальнего Востока. Хвостоносец Маака — фантастически синий махаон огромных размеров; прекрасная темно-коричневая с голубым радужница Шренка; гигантский реликтовый усач — самый крупный жук в Советском Союзе, достигающий в длину одиннадцати сантиметров; голубой с черными пятнами жук-дровосек — розалия уссурийская... Неужели есть вероятность увидеть хоть кого-то из них в естественных условиях, в загадочном дремучем лесу, почти тропическом, возраст которого измеряется миллионами лет, в котором произрастает женьшень,

аралия, лимонник и множество других таинственных реликтов?

— Прививку надо бы сделать нам с вами. От энцефалитного клеща,— сказал Анатолий Петрович, когда я вновь побывал у него и сообщил о своем несомненном согласии.— Вы такую прививку никогда не делали? — спросил он, внимательно глядя на меня своими серо-голубыми глазами.— Говорят, очень болезненно: три укола в продолжение трех месяцев. Первый надо будет делать уже в мае. Будем делать или нет, как вы считаете? С одной стороны, в конце августа, когда мы там окажемся, активность энцефалитного клеща, как говорят, резко спадает. А с другой стороны... Все-таки... Постарайтесь узнать, где можно сделать такую прививку, хорошо? — сказал Анатолий Петрович на прощанье.

Я старался узнать, но навалились обычные текущие дела и заботы. И ни я, ни Анатолий Петрович сделать прививку так и не успели. Командировку в Союзе писателей мне обещали на тридцать дней.

Наконец, в июле, доктор Васильев сообщил: на 22-е августа намечена встреча всех участников экспедиции во владивостокском аэропорту, который расположен в городе Артеме. Оттуда экспедиция и начнется. А закончится десятого сентября. Итого двадцать дней. Значит, у меня в запасе остается около десяти.

Временами я спохватывался и думал: «Неужели и правда такое возможно? Неужели и правда я опять смогу побывать там? В краю экзотики и реликтов, в краю, который так захватывающе описан В. К. Арсеньевым...»

СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ

Первая книга, которая попала мне в руки, когда я начал готовиться к экспедиции и читать соответствующую литературу, была: «Булавоусые чешуекрылые Дальнего Востока», атлас-определитель А. И. Куренцова. Я уже знал, что Алексей Иванович Куренцов — один из самых крупных современных исследователей Приморья, ученый-биолог, главным образом энтомолог, зоогеограф и путешественник.

Впервые я узнал эту фамилию из статьи, опубликованной в газете «Комсомольская правда» еще в 1970 году. Тогда я уже начал фотографировать насекомых, статья

меня заинтересовала и очень обрадовала, хотя я, конечно, не предполагал, какие далеко идущие последствия для меня она будет иметь. И не только для меня!

Статья была коротенькая и называлась так: «Охота за Пенелопой». Из древнегреческой мифологии известно, что Пенелопа — жена легендарного Одиссея, чьи долгие странствия описаны в знаменитой поэме Гомера, которая так и называется «Одиссея». И «одиссея», и «пенелопа» стали именами нарицательными: первое означает долгие, полные приключений странствия, второе — верная жена. Оказалось, что именем Пенелопы энтомолог Шредингер назвал когда-то редчайшую и красивую серебристо-зеленую перламутровку, которую нашел теперь среди скал Сихотэ-Алиня отважный советский энтомолог Куренцов, причем «с риском для жизни». Бабочка считалась вымершей, только два экземпляра ее, пойманные в прошлом веке коллекционерами братьями Доррис в Южном Приморье, были собственностью Лондонского энтомологического музея. По ним Шредингер и составил свое описание бабочки и дал ей имя. И вот она, редчайшая, прекраснейшая «серебристо-зеленая перламутровка скал», Пенелопа, поймана у нас, в советском Приморье! Событие это оказалось настолько значительным, что поймавший ее А. И. Куренцов удостоился поздравлений множества энтомологов мира и в их числе — бразильцев, что особенно почетно по двум причинам: во-первых, бразильская фауна бабочек богатейшая в мире, а во-вторых, именно в джунглях Бразилии водится великолепная перламутрово-синяя бабочка, имя которой — Улисс, или Одиссей...

Ни до того, ни после я в центральных газетах ничего о бабочках не встречал, поэтому та заметка осталась в памяти особенно. И, как я узнал несколько позже, сыграла очень серьезную роль в жизни еще одного человека.

Итак, я теперь читал атлас-определитель А. И. Куренцова, с интересом рассматривал иллюстрации — рисунки дальневосточных бабочек, и среди них Пенелопы,— но, увы, узнал печальную для себя новость. Оказалось, что большинство этих прекрасных созданий летает не в конце августа — сентябре, когда наша экспедиция отправится в путь, а в середине лета. В июле и в самом начале августа. И многих я могу не застать.

Тут надо сказать, что у всех насекомых, и у бабочек тоже, образ жизни строго сезонный. По тому, например, какие именно бабочки летают на какой-нибудь поляне

в Подмосковье, можно с довольно большой точностью определить не только месяц, но и число. То же самое и в любом другом месте. И в Приморье тоже.

Как же быть?

Поехать пораньше, самостоятельно, до начала экспедиции? Ведь у меня в запасе целых десять дней. Помогут ли они? Пожалуй, стоит над этим подумать.

Нельзя не сказать, что время экспедиции было выбрано удачно с другой точки зрения. В сентябре — октябре в Приморье наступает «золотой сезон»: кончаются дожди и почти без перерыва должно светить солнце, спадает активность энцефалитного клеща, меньше становится комаров, слепней, совсем нет мошек...

Как всегда в жизни: теряя одно, приобретаешь другое. То, что меньше станет надоедливых и опасных кровососов,— очень хорошо. Но с другой стороны... Зачем же мне ехать, если бабочек тоже почти совсем не будет?

Итак, что делать? Ехать раньше на десять дней, чтобы застать хотя бы середину августа, или лететь к началу экспедиции — двадцать второго?

ВОЛНУЮЩАЯ ОХОТА

И вот тут, пожалуй, самое время пропеть мне в который уж раз благодарственный гимн своему увлечению — фотографии крупным планом.

О, как прекрасен сущий мир, когда он раскрывает свои таинственные глубины терпеливому и внимательному наблюдателю! Как захватывает его многоцветная и многообразная красота! Сколь много нового можно увидеть в том, что кажется подчас таким обычным!

Никогда не забуду «исторического» дня, когда впервые заглянул в «джунгли» старого московского дворика при помощи фотоаппарата, снабженного насадочными кольцами и заряженного цветной обратимой пленкой. Какой новизной и свежестью засиял для меня привычный, казалось бы, мир природы! Моя собственная жизнь окрасилась значительностью и смыслом...

Ведь как часто в повседневном быту столь многое проходит мимо нас, оставляя в памяти лишь поверхностный след. Все зависит от того, *как* смотреть: мир может казаться неинтересным и плоским, мы можем даже скучать в нем, не находя пищи для своих чувств, во-

ображения и ума, а может... «Все во всем!» — как говорил древнегреческий философ и ученый Анаксагор. Но как же, как это «все» увидеть?

Наверное, существуют разные способы. А я открыл свой. Фотография крупным планом! Прекрасное, захватывающее увлечение, источник непреходящей радости, волнующий метод познания мира!

Итак, что же здесь главное, в чем суть? Наверное, вот в чем. Чем внимательнее, чем подробней и тщательней разглядываешь какое-нибудь крошечное живое создание, тем интересней оно кажется. А если к тому же хоть в общих чертах знаешь о его образе жизни и, наблюдая, знакомишься с повадками, «характером», даже пытаешься иной раз представить себя на его месте, давая волю воображению, а попутно стараешься еще и запечатлеть его в наиболее характерной, естественной и эффектной позе, то все это становится интереснейшей, волнующей, полной приключений охотой. Да, именно охотой — за знаниями, за красотой. И охотой бескровной — вот что еще важно!

Из чего же, однако, охота складывается?

Ну, сначала нужно интересующее вас существо обнаружить. Если это бабочка, то необходимо знать, где, в каких местах и когда она летает. Если это юношеская форма бабочки — гусеница, то пригодится знание ее кормовых растений. То же касается и любого другого маленького существа. Здесь-то во всей своей прелести и торжествует извечный инстинкт охотника и путешественника! Мало того, что ты ходишь по прекрасным, живописным местам — у тебя появляется цель. Цель непростая: ведь отыскать редкое, да еще и подвижное насекомое — особенно если это именно бабочка или стрекоза, оса, жук — очень нелегко, к тому же мало отыскать его, необходимо подобраться к нему на достаточное расстояние. Возникает интерес и спортивный...

К примеру: чтобы найти Пенелопу, Куренцову понадобилось путешествовать не один год, причем в скалах, «с риском для жизни». А он не фотографировал ее — просто ловил, что несравнимо проще!

И именно потому, что объекты охоты — существа мелкие, которые подчас могут прятаться среди листвы или травы, да еще искусно маскироваться там, твой глаз приобретает особую зоркость, внимательность; детали, которые обычно игнорируются, становятся очень важными,

все окружающее наполняется значительностью и глубиной. Так развивается наблюдательность.

Необходима также физическая выносливость и ловкость. Охота за бабочками, например, вдвойне интересна как раз потому, что они пугливы, и даже когда обнаружишь красавицу, ты еще вовсе не знаешь, удастся ее сфотографировать или нет. Поймать что! Подбежал, подкрался на два-три метра, взмахнул сачком — готово! Но для того чтобы сфотографировать, подойти, то есть подкрасться, нужно гораздо ближе, расстояние будет измеряться не метрами, а сантиметрами, да еще и ракурс необходимо подыскать эффектный и выразительный, уловить позу, момент... Нужна осторожность, нужна легкость и ловкость движений — легкая рука! И — спокойная совесть. Да, именно спокойная совесть, потому что иначе будут дрожать руки и излишней нервозностью ты выдашь себя и вспугнешь объект своей охоты. И нужен чистый глаз, потому что только тогда ты уловишь именно тот самый ракурс, ту самую позу, тот самый момент.

О, как нелегко сдерживать свое взволнованное дыхание, успокаивать выпрыгивающее сердце, как трудно совладать с дрожью в руках, когда предмет твоих давних мечтаний — прекрасная бабочка — вот она, в трех, в двух, в одном метре, а вот уже в десятках сантиметров перед тобой и вот-вот улетит. Живая!.. Ты смотришь уже только в видоискатель фотоаппарата, видишь ее пока еще размытый облик, еще чуть-чуть — и восхитительное изображение заполнит все пространство, станет резким и нужно будет только нажать на спуск затвора... Но нет. Рано! Одной только резкости мало.

Возникает вторая задача: надо найти такую точку съемки, так иной раз чудовищно извернуться — может быть, на корточки сесть, опуститься на локти, а то и вообще лечь — на камни, на грязь, на колючки, чтобы образ красавицы воссиял в видоискателе во всей своей выразительности, чтобы поза ее была динамичной, естественной, чтобы изображение прекрасных крыльев гармонировало с фоном, чтобы видны были и глаза ее, и усики, и хоботок... На крыльях некоторых бабочек бывает отлив, и вот его-то запечатлеть особенно трудно, потому что он виден лишь под определенным углом и, находя этот угол, надо ведь, чтобы и все остальное из поля зрения не пропадало, да еще и оставалось резким.

А выдержка? Как угадать верную выдержку, которая только и позволит получить технически полноценный кадр? А диафрагма? Выдержка и диафрагма взаимозависимы, но если от выдержки зависит, будет ли изображение движущегося объекта размазанным или резким, то диафрагма определяет глубину резкости, то есть влияет на резкость далеких и близких деталей изображения. Чем меньше, короче выдержка — тем лучше, потому что тогда можно не опасаться размытости движущегося существа. Но чем меньше выдержка, тем больше приходится открывать объектив, то есть меньше его диафрагмировать, а с этим уменьшается и глубина резкости — и все равно детали изображения будут размытыми! Приходится точно угадывать наилучшее соотношение между выдержкой и диафрагмой, находить самый выгодный компромисс, что очень нелегко при небольшой чувствительности цветной обратимой пленки.

И все же самое основное ни то, ни другое, ни третье. Самое важное — настроение снимка, тот невыразимый словами смысл, который он должен нести, то впечатление, которое он вызовет потом у тех, кто его увидит. Искусство начинается там, где возникает чувство, и чтобы вызвать его, нужно нечто большее, чем механически профессиональный выбор фона и ракурса согласно законам правильной композиции. Вызвать чувство гораздо труднее, чем подобрать технически верную выдержку и соответствующую диафрагму, сделав объект достаточно освещенным и резким. Как добиться этого, объяснить трудно, но главное, что нужно — смелость поиска, раскованность воображения: чистый глаз! Тогда и только тогда можно надеяться, что изображение, может быть, разбудит чувства, породит яркие ассоциации, вызовет восхищение перед красотой великой природы, а то и даст толчок мыслям.

Тут есть свои маленькие секреты, и то, например, что диафрагма не всегда позволяет получить большую глубину резкости, можно обратить себе на пользу. Именно резкостью можно выделить главное в снимке, подчеркнуть то, на что хочешь обратить внимание, а второстепенное оставить нерезким... Нет худа без добра! То же самое и с освещенностью. Иной раз именно передержка или недодержка создают нужное настроение. То же с «неправильностью» композиции и необычностью ракурса... Главное — смелость!

Да, много задач надо решать при съемке, причем очень быстро. Ведь бабочке что? Взмахнула крылышками, и — до свиданья! Но зато какая радость, если тебе все-таки удается сделать хороший снимок, который потом можно будет другим показывать и делиться радостью. Разделенная радость — радость вдвойне! И сколько же двойной радости испытал я, когда видел восхищенные глаза зрителей! И еще добирал крупицы, когда те, кто смотрел слайды, говорили потом, что видели живых бабочек и других «букашек» — жуков, кузнечиков, стрекоз, пауков — в лесу, на лугу, во время туристического похода или на дачном участке и не пытались их поймать и убить, а с новым интересом наблюдали за ними... Ради такого стоит ложиться на острые камни, на колючки, в грязь, подползая к бабочке или пауку, стоит поломать голову над выдержкой и диафрагмой, стоит так извернуться, чтобы найти, наконец, тот самый ракурс, стоит затаив дыхание ждать, чтобы нажать на спуск затвора именно в т о т с а м ы й момент! Стоит и потом, уже в Москве, сосредоточенно возиться с химическими растворами, сначала тщательно отвешивая их составные части на точных весах, потом аккуратно растворяя в двухлитровых бутылях, а потом — уже через сутки — начиная долгий и сложный процесс цветного капризного проявления... Стоит!

И я считаю, что по-настоящему хорошая фотография маленького жителя травяных джунглей — бабочки, жука, паука — в тысячу раз ценнее, чем засушенный и распятый труп этого же самого существа, помещенный в застекленную коробку. Для ученых засушенное насекомое, может быть, и имеет особую ценность, но для большинства людей гораздо важней и приятней увидеть изображение живого, здравствующего существа в естественных условиях, в выразительной позе, во всем великолепии благодарного земного существования.

Как счастлив я, что судьба наградила меня моим увлечением! Как по-новому стал я смотреть на мир окружающий! В малом иной раз заключено большое, а в большом, наоборот, малое. Масштаб не имеет значения, имеет значение суть. «Все во всем» — верно! Да ведь и на самом деле: в крошечном семени заключено будущее растение, подчас огромное дерево. Человеческий организм программируется всего-навсего двумя клетками, несущими основу наследственности — гены. Падающее яблоко

натолкнуло Ньютона на закон, которому подчинено мироздание. Крошечная букашка несет огромную информацию о великом мире живого...

ФАНТАЗИИ

И теперь, в ожидании экспедиции, я, конечно же, видел в воображении живописнейшую долину среди голубых сопок Приморья. Долина пестрела от множества разных цветов, огромные бабочки летали над цветами в невообразимых количествах. И самые красивые среди них были — Синие махаоны, хвостоносцы Маака.

Да, эти бабочки особенно завладели моим воображением.

Помнится, в давней велосипедной поездке мы с приятелем ни разу ни одного хвостоносца не видели — если бы видели, то, наверное уж, запомнили бы. Но совсем недавно мой бывший спутник, приятель из Магадана, был в туристическом лагере недалеко от Владивостока и оттуда прислал бандеролью одного из таких красавцев. Раскрыв коробочку, я увидел темно-сине-зеленое переливающееся чудо: махаон был огромный, 11 сантиметров в размахе крыльев! На каждом заднем крыле — длинный «хвостик», за что, собственно, бабочка и получила название «хвостоносец». Сердце мое замерло: я видел, что он настоящий, никакой не искусственный, а значит, такие на самом деле летают там и у меня есть шансы увидеть его живым и, может быть, даже сфотографировать.

В атласе Куренцова было сказано, что летают эти изумительные бабочки до середины сентября, к тому же они «довольно обычны» в Приморье. Да и в других книгах, помнится, я когда-то читал, что Синие махаоны составляют «неотъемлемую и характерную часть колорита» Приморья.

Но ведь то было раньше! А как теперь? Неизвестно. В Подмосковье, например, обычных бабочек становится с каждым годом все меньше и меньше. Две трети бабочек Европы вообще близки к исчезновению и нуждаются в охране, сто четыре вида бабочек нашей страны занесено в новое издание Красной книги. На всем земном шаре идет борьба за охрану «окружающей среды» — не случайно.. Так достаточно ли много Синих махаонов теперь?

Предметом моей мечты были не только хвостоносцы Маака. В атласе Куренцова я увидел и других красавцев,

экзотических, необычных по внешнему виду. Серицин — светло-кремовый, почти белый, с темными и красными полосками и точками, с хвостиками на крыльях, изящный, утонченный, воздушный. Альциной — похожий на хвостоносца Маака, но еще более тщательно «сделанный», благородного фиолетово-коричневатого цвета, с красными пятнами у основания хвостиков-шпор. Поразили меня зефиры — особенно восточный и бриллиантовый, с ярко-зеленым отливом на крыльях. Они небольшие по сравнению с хвостоносцами, однако для фотографии ведь не имеет решающего значения величина, и я в восхищении представлял себе зефира, снятого во весь кадр в таком ракурсе, чтобы отлив на крыльях был как сияние.

Да что там говорить! А ксут, отчасти похожий на обыкновенного (и прекрасного!) желтого махаона, но — опять же необычный, «тропический» из-за густо-черных полос на желтом фоне? Черное с желтым — это классическое сочетание! А зубокрыльница «золотое-С»? «Зубокрыльница» — звучит грубо, не понимаю, почему так назвали очаровательное нежное создание с затейливо вырезанными крылышками (действительно зубчиками, но не «зубами» же!), с черными и голубыми — небесно-голубыми! — пятнами на оранжево-коричневом фоне и четко «выписанной» буквой «С» на темном исподе, причем «буква» действительно отливает золотом!

Или вот еще прекрасная бабочка — радужница Шренка, эндемик Приморья, очень многочисленная там как будто бы, представляющая, как и хвостоносец Маака, типичный вид: темно-коричневая, почти черная с синеватым отливом, большими перламутрово-голубыми пятнами с наружной стороны крыльев и оранжево-голубым — и опять перламутровым! — исподом.

Правда, и зефиры, и радужница Шренка, судя по атласу, вряд ли встретятся в середине, а тем более в конце августа, но серицин, альциной, «зубокрыльница», а также много других — ну, например, тоже прекрасная бабочка, бархатница Шренка (со многими крупными «глазками», словно стрелковыми мишенями на исподе крыльев), не говоря уже о разнообразных ночных— их-то должен я повстречать! Да и не только бабочки. Разве не интересны по-своему жуки? Уже упоминавшийся реликтовый усач — каллипогон реликтус по-латыни — достигает в длину 11 сантиметров, не считая усов! Или — голубая с черным розалия уссурийская... Должна встретиться и крупная — самая крупная в нашей стране — божья коровка, которая называется «удивительная». Кстати, и бабочки есть с подобными эмоциональными названиями: «пяденица великолепная», «ленточница исключительная». Можно встретить и очень красивого жука — жужелицу изумрудную. А пауки? А гусеницы? А стрекозы и осы? А клопы, наконец!

Да, фантазия моя разыгралась.

И хотя я еще не решил окончательно, когда ехать — до экспедиции или к началу ее,— и если до, то в какое именно место Приморья, но все-таки взял билет на самолет заранее. На всякий случай. В ночь с 13-го на 14-е августа.

ЗАОЧНЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Однажды — за несколько лет до экспедиции, но уже после появления статьи о Пенелопе в газете «Комсомольская правда» — я получил письмо.

«Уважаемый товарищ Аракчеев! — писал юношеским почерком автор письма.— Мне двадцать один год. Насекомыми занимаюсь давно. Люблю «охотиться» за бабочками, наблюдать их, возиться с гусеницами и выращивать бабочек из этих гусениц.

Работая еще на Магнитогорской станции юннатов, я прочитал на страницах «Комсомольской правды» небольшую заметку о профессоре А. И. Куренцове. В заметке было написано, что А. И. Куренцов поймал редчайшую бабочку-перламутровку Пенелопу, которая водится на скальных обнажениях Сихотэ-Алиня. И поимка ее сопряжена с трудностями. Я буквально загорелся от этой статьи. Долго описывать, как я попал на Дальний Восток, как встретился и познакомился с А. И. Куренцовым, как охотился за Пенелопой.

Когда я служил в армии, то мне опять повезло: встретил человека, увлеченного фотографией. Мы с ним много разговаривали, и он убедил меня заняться фотоделом. И тут я вспомнил ваши статьи с прекрасными фотографиями. Значит, это возможно — показать красоту бабочек не в коробках под стеклом, а в природе, посредством фотографии.

Сейчас я располагаю «Зенитом-Е» и летом собираюсь заняться «охотой» с фотоаппаратом. Знаю, это ремесло

трудное, и прошу у вас совета, что нужно иметь и уметь для съемки в полевых условиях. Владимир Мещеряков, г. Арсеньев, Приморского края».

Я тогда не обратил особенного внимания на адрес, но меня тронуло это письмо. Разумеется, я на него ответил. Письмо было прислано в редакцию журнала «Знание — сила», где уже не раз печатались мои статьи и были опубликованы снимки. И письмо Мещерякова, и мой ответ были напечатаны в журнале тоже.

Написал я и «частное», не журнальное, письмо Владимиру Мещерякову. Он ответил, хотя и с большим опозданием, но с подробностями. Описывал, как познакомился с А. И. Куренцовым, как охотился за Пенелопой и, наконец, поймал ее. И как потом включился в кампанию за сохранение реликтовых видов насекомых Приморья. А его слайдфильм «Пустеющий ковчег» занял второе место на краевом конкурсе, посвященном охране природы.

Но это было несколько лет назад, а теперь, получив приглашение в экспедицию, я, конечно, вспомнил о Володе Мещерякове, проживающем в городе Арсеньеве, и послал ему книгу с цветными иллюстрациями, напечатанными со слайдов. Я написал, что еду в экспедицию и — если представится такая возможность — загляну в гости. Хотя про себя думал, что вряд ли: ведь город Арсеньев находится в стороне от маршрута экспедиции, и его расположение в центре Южного Приморья, далеко от морского побережья, не выгодно. Самые красивые, самые реликтовые бабочки, казалось мне, должны встречаться южнее, где-то ближе к тому району, где А. И. Куренцову удалось впервые поймать Пенелопу...

Еще в письме я спросил Володю, есть ли у них в продаже дефицитная обратимая пленка, которой было у меня маловато, и как насчет энцефалитных клещей.

В ответ пришла телеграмма:

«Спасибо за книгу жду вашего приезда звоните Арсеньев музей клещей пленки нет. Владимир».

Ну, что ж, хорошо, что нет клещей, а пленку буду расходовать очень бережно, экономно. В Арсеньев заеду, но лишь в том случае, если поблизости окажусь. Что вряд ли.

Однако теперь, всерьез раздумывая, лететь ли до начала экспедиции, и если да, то в какое именно место, я опять вспомнил о Володе Мещерякове. Вот бы с кем посоветоваться!

Раз уж он смог найти и поймать Пенелопу...

Но прежде я начал спрашивать у своих знакомых, не знает ли кто человека, который бывал в Приморье, интересовался бабочками и может проконсультировать меня на этот счет. И один мой знакомый коллекционер, прекрасный человек, подполковник Павел Иванович Бегов, о котором я специально расскажу в какой-нибудь книге, дал мне телефон своего знакомого. Этот знакомый Павла Ивановича, которого зовут, как и Мещерякова, Володей, часто бывал в Приморье, в разное время года, он буквально каждый год ездит туда, собирает бабочек, гусениц, и он-то как раз может дать мне самый квалифицированный совет.

Очень довольный тем, что наконец-то все выяснится и я смогу точно наметить место своей поездки, я набирал номер Володи.

— Что? Едете в Приморье? Когда? В середине августа, в ночь на четырнадцатое? Вы опоздали! Поздно, поздно... Надо ехать в июле, а сейчас бесполезно, вы ничего хорошего не увидите.

Голос Володи звучал очень уверенно, а ведь Павел Иванович говорил, что он авторитет по части Приморья, и сердце у меня упало.

— Володя, понимаете ли... — попытался я вставить, словно оправдываясь.— Ведь я читал атлас Куренцова, там сказано, что Синий махаон, например, ну, то есть хвостоносец Маака, летает до середины сентября, и...

— До середины? Да что вы! Он уже сейчас концы отдает. Это раньше, может быть, так было, а сейчас нет. Ну, может быть, одного-двух встретите, потрепанных... Вы что думаете, они прямо так и летают стаями? Ничего подобного. Книги — это одно, действительность — совсем другое!

— А ксуты? — пролепетал я, чувствуя, как радужные мои фантазии тают неудержимо.

— Ха! Ксуты! Ксутов вообще очень мало осталось. Их и в разгар лета, спасибо, если встретишь, а сейчас

и говорить нечего. Вы что же думаете: Приморье — это рай земной, что ли?

Честно говоря, я так думал. Но теперь...

— А серицин, альциной? — робко продолжал я, разумеется, понимая уже, что если повстречать Синих махаонов и ксутов не удастся, то... И зачем только я заранее взял билет на самолет?

Услышав о серицине и альциное, Володя как будто даже поперхнулся. Я почувствовал себя назойливым, наглым нахалом.

— Серицин! Альциной! Да вы что? Их и раньше-то практически не было, так, одного-двух за лето встречали. Куренцов и то пишет, что их почти не осталось. Кирказон — вы знаете, что они на кирказоне кормятся, лиана такая? — так вот кирказон почти весь сведен, так, кое-где остался, местами, по одной-двум речкам, да и то мало кто знает. Я знаю одно место такое, но никогда никому не скажу, я там бываю иногда, есть одна популяция. Крошечная! И она на исходе. О них и не мечтайте, это просто смешно.

— А зефиры? — не унимался я.

— Ну, эти-то давно отлетали. В июле. Я вообще-то по зефирам как раз специализируюсь. Вы ведь фотографируете, да? Так вот сфотографировать зефира практически невозможно. И не надейтесь. Летает он высоко, в лесной чаще. Очень пугливый, к себе близко ни за что не подпустит. Поймать зефира — и то очень трудно. Я обычно гусениц собираю. Бабочек ловить бесполезно, они, как правило, все облетанные. Если хотите хороший экземпляр, надо гусениц собирать. И выводить. А ловить бесполезно.

— А вы часто в Приморье бываете? — все-таки спросил я.

— Да почти каждый год.

— А где?

— В районе заповедника «Кедровая падь». Самое лучшее место. Но туда пропуск нужно, пограничный район. И вообще места надо знать, так ехать бесполезно, все равно ничего не найдете.

— А если в район Партизанска? — все еще не унимался я, словно бы уговаривая Володю, словно бы даже прося пощады.— Долина реки Партизанской? А? Сергеевка, Молчановка, а? Эти вот поселки... Что если в тот район?

С неприязнью к самому себе я почувствовал, что в голосе у меня появились жалобные нотки.

— Эти места не знаю,— сказал Володя, кажется, чуть смягчаясь.— Попробуйте. Но вообще-то вы ничего хорошего там не встретите, я уверен. Раньше надо было.

«Раньше, раньше...» Какой смысл говорить о «раньше», когда оно уже прошло? Мне было грустно.

— Володя, я ведь, собственно, с экспедицией еду, она отправляется двадцать второго. Просто у меня возможность выехать пораньше, я уже билет взял на четырнадцатое. Но если вы говорите, что бесполезно...

— Конечно, бесполезно! Вы, разумеется, можете поехать четырнадцатого, ваше дело. Походите, посмотрите. Но ничего особенного не ждите. Встретите то же, что и у нас, в средней полосе. Павлиний глаз, траурница, репейница, белянки... Да и то немного. В это время у нас бабочек больше. Я вот решил в этом году вообще не ехать. Там погода плохая, толку не будет. Дожди сплошные, тайфуны. Да, с клещом осторожнее! Его, правда, сейчас меньше, чем летом, но все-таки осматривайтесь почаще. Еще змеи там, щитомордник. Укус не смертелен, но приятного мало. Смотря куда укусит, а то и... Медведи еще. Тигры, конечно...

Я положил трубку совершенно обескураженный. Такой вот холодный душ. Что делать?

А газеты действительно сообщили, что в Хабаровском крае прошел сильнейший тайфун, он затронул Приморье, и вообще погодные условия в этом году небывало суровые по всей Сибири и Дальнему Востоку.

И я заколебался всерьез. Разумеется, не было речи об отказе от экспедиции. Но ехать раньше, не зная мест, услышав обескураживающую информацию от человека, который бывает в Приморье чуть ли не каждый год и заявляет, что ничего хорошего я там не встречу... Какой смысл? К тому же в Москве у меня очень много работы. Стоит ли ее бросать из-за бесполезной поездки?

Ночь с десятого на одиннадцатое я проворочался с боку на бок. Снились клещи, тигры, тайфуны. Бабочки летали где-то высоко над деревьями, а если и спускались чуть пониже, то исчезали, лишь только я к ним приближался. Утром я решил свой билет сдать и взять на Двадцать первое. Чтобы приехать как раз к экспедиции.

Но тут меня осенило позвонить другому Володе,

Мещерякову. Прямо в Арсеньев, в музей. Он же сам предложил.

— Махаоны? — донесся слабый голос моего заочного знакомого бог знает из какой дали.— Конечно, будут. Они у нас летают очень долго, до середины сентября. Ксуты? И ксуты будут. Они вместе с махаонами встречаются, в тех же местах. Серицина не обещаю, а вот альциноя сфотографируете. Вы приезжайте прямо к нам, в Арсеньев. Может, даже Пенелопу удастся снять, во всяком случае, попробуем. Это хорошо, что вы раньше едете, больше застанете. Четырнадцатого? Правильно! Во Владивостоке садитесь на поезд, он ночью идет, утром пятнадцатого будете в Арсеньеве, и — прямо в музей. Какое место? Район Партизанска? Сергеевка, Молчановка? Очень хорошее место, но надо знать, где что. Нет, вы лучше прямо сразу в Арсеньев. Мы с вами вместе походим. Клещей? Клещей нет, они больше весной... Погода пока не очень хорошая, но должна же наладиться. **Нет,** тайфун до нас не дошел. Приезжайте, приезжайте, я вас жду.

И словно бы повеяло на меня приморским теплом и экзотикой. И вспыхнули опять в воображении яркие пейзажи Приморья. И бабочки приветливо распахнули свои отливающие разными оттенками крылья.

Два человека — два характера.

Я решил ехать в Арсеньев.

ЗДРАВСТВУЙ, ПРИМОРЬЕ!

Наконец-то! Наконец-то, я выезжал.

И теперь даже то, что сборы мои проходили в сомнениях, составило свою прелесть. Того, что слишком легко и быстро дается, мы обычно не ценим.

Обратимой пленки я достал всего-навсего сорок катушек. Но решил, что буду тратить ее очень бережно, и должно хватить. Взял два фотоаппарата — наш «Зенит-Е» и немецкую «Практику», купленную накануне. Два комплекта насадочных колец, телеобъектив «Юпитер-37-а» и на всякий случай сачок.

Тринадцатого вечером я покинул свою квартиру и в три часа ночи четырнадцатого сел в самолет, который взял старт на Владивосток. Это был один из **самых** первых в Союзе рейсов пассажирского Ил-62, пересекающего всю

огромную территорию нашей страны с запада на восток и переносящего больше полутора сотен пассажиров из Москвы во Владивосток без посадки.

Когда в аэропорту Домодедово было три часа ночи, во Владивостоке рабочий день давно уже начался — десять часов утра. А на аэродроме в Артеме мы приземлились в восьмом часу вечера по местному времени.

От аэропорта автобус мчал по хорошему шоссе, справа и слева был лес, потом дачные поселки, наконец стало видно море — Амурский залив. Удивительно происхождение этого названия — ведь до Амура отсюда чуть ли не тысяча километров, почему же залив назван Амурским? Владивосток расположен на полуострове, и если с запада омывают его воды Амурского залива, то восточный залив назван Уссурийским, хотя и он никак не связан с рекой Уссури, одним из главных притоков Амура. Почему же их так назвали?

Позже начальник экспедиции Николай Григорьевич Васильев рассказал, что таково было знание географии в те времена, когда давали наименования этим заливам. Считали, что именно где-то здесь должны впадать в Японское море Амур и Уссури.

Мы подъезжали к Владивостоку, а я с тревогой смотрел на небо. Владивосток ведь так и остался в моей памяти самым дождливым городом в Советском Союзе. И действительно: над аэропортом в Артеме было безоблачно, а над Амурским заливом плыли отдельные облака. Когда же мы приблизились к бухте Золотой Рог, на берегах которой, на сопках, раскинулся большой красивый город, столица Приморского края, облака сгустились, и вечерняя синь неба просвечивала лишь кое-где.

Сосед по автобусу рассказал, что если дожди во Владивостоке все же идут не каждый день, особенно в сентябре-октябре, когда здесь действительно наступает золотой сезон, то влажность воздуха в городе почти всегда приближается к ста процентам.

И все-таки последние лучи солнца иногда пробивались сквозь тучи и освещали кварталы новых домов, живописно разбросанные на сопках, листву деревьев, здания железнодорожного и морского вокзалов, большие и маленькие корабли, стоящие на рейде в бухте Золотой Рог.

Я выволок из автобуса свой рюкзак и направился сначала в камеру хранения, а потом — налегке — в кассу.

покупать билет на Арсеньев. Поезд отправлялся что-то около полуночи по местному времени.

Как передать это настроение о ж и д а н и я? Я ходил по морскому порту, наблюдал за разгрузкой большого парохода «Сергей Есенин». Разгружали пшеницу два огромных подъемных крана. Они зачерпывали золотое зерно где-то в недрах корабля, поднимали его в подъемниках, словно в гигантских горстях, и высыпали в квадратный приемник, напоминающий воронку. Внизу у этой «воронки» был широкий брезентовый рукав, из которого пшеница сыпалась в подъезжающие под «воронку» вагоны длинного товарного состава. Слышался сухой шорох зерна, легкими клубами поднималась золотистая пыль. Ослепительно светили прожектора, работа, несмотря на ночное время, кипела. Пахло зерном, машинным маслом, слабый ветерок доносил соленый аромат моря... Пароход приплыл из каких-то неведомых дальних стран, и за ним во мраке ночи видны были другие морские корабли. В свете прожекторов рябили мелкие волны...

Совсем еще недавно я покинул уютную московскую квартиру, а вот уже стою где-то на краю земли, передо мной тихоокеанский порт, живущий таинственной ночной жизнью, в кармане у меня лежит билет на Арсеньев — город, расположенный в дебрях Уссурийского края, и ждут меня новые встречи с людьми и невиданные пейзажи... Что будет завтра?

УТРО

Утро было ненастное. В Арсеньев поезд прибыл около девяти часов. Долго я простоял на вокзале в ожидании автобуса, но его не было, и, узнав, что до музея всего две или три остановки, я пошел пешком. Арсеньев — город зеленый, много деревьев, но в утренней хмари выглядел он не слишком весело.

Постепенно светлело, правда, а когда я подходил к улице Ломоносова, на которой расположен музей — «Музей краеведения города Аресеньева»,— появились первые лучи солнца. Я постучал в запертую застекленную дверь, но никто не ответил: музей для посетителей был закрыт. Я вспомнил, что сегодня суббота. Все же я ожидал несколько другой встречи. Заочно представлял Володю Мещерякова высоким, очень молодым, худощавым, серьезным — этаким ярко выраженным типичным студентом. Мне казалось, что при первом же стуке в дверь он выйдет радостным и приветливым, дождавшимся, наконец, встречи с человеком, с которым переписывался в течение нескольких лет, а недавно даже получил в подарок книжку.

Однако он не появлялся. Никто вообще не появлялся, хотя свет где-то в глубине музея горел.

Так я простоял минут двадцать у запертых дверей, периодически постукивая в дверное стекло и совершенно не зная, что предпринять: никакого другого адреса, кроме адреса музея, я не знал. Небо очистилось от облаков, но было затянуто дымкой, сквозь которую с трудом пробивалось солнце. Наконец что-то мелькнуло за дверьми, и я тотчас постучал опять. Женщина подошла к стеклу, приоткрыла дверь и спросила, что мне нужно, ведь закрыто. Я спросил Володю Мещерякова.

— А, так вы тот самый человек, который должен был из Москвы приехать?

Потом выяснилось, что это директор музея Клавдия Федоровна Кресс, она провела меня сквозь комнаты с экспозицией в глубину помещения. Там в ярко освещенной небольшой комнатушке мы и увиделись с Володей Мещеряковым, который спешно готовил экспозицию о А. И. Куренцове к воскресенью, когда ожидался приезд вдовы покойного ученого, Галины Эразмовны Куренцовой.

— Знаете, я совсем забыл, что вы должны приехать,— сказал он, растерянно посмотрев на меня.

Во-первых, он оказался старше, чем я думал,— было ему лет двадцать шесть. Как-то незаметно пролетело пять лет с тех пор, как он прислал первое письмо в журнал! Во-вторых, не было в нем почему-то ни особой радости, ни приветливости, а только лишь озабоченность. Был он худощавый, подвижный, невысокий, с пышной кудрявой шевелюрой, в очках. Живость в нем чувствовалась, однако сейчас он был сосредоточен исключительно на том, что делал,— на экспозиции об А. И. Куренцове.

Несколько обескураженный встречей, я рассматривал материалы о Куренцове, пока Володя что-то доклеивал. Наконец он доклеил и сказал, что мы сейчас пойдем в квартиру Клавдии Федоровны, там позавтракаем — есть свежий борщ,— а потом, если я хочу, то могу сегодня же пойти в горы, благо погода хорошая. Фактически это один из первых хороших дней, а то все были дожди и дожди. Он, Володя, сегодня пойти со мной не сможет.

Вышли на улицу, я увидел, что дымка рассеялась, ярко светит солнце, город ожил. Люди ходили по улицам — чувствовался выходной день, суббота,— вокруг было много зелени и цветов, а на горизонте голубела знакомая по давним воспоминаниям волнистая линия сопок.

— Вон, видите — телевышка на сопке? — показал мой строгий хозяин из окон квартиры Клавдии Федоровны, которая была на четвертом этаже.

Да, можно было заметить тоненькую палочку на далекой вершине лесистой сопки.

— На эту сопку вы и пойдете. Доехать можно на автобусе, предпоследняя остановка. Сейчас я нарисую план.

Едва сутки прошли с тех пор, как я вышел из московской квартиры. А уже проделал огромный путь и теперь в Арсеньеве разговариваю с Володей Мещеряковым, который хотя и оказался не таким, как я ожидал, но все же рисует мне план, и неужели сейчас — вот прямо тут же, после того, как он нарисует план,— я отправлюсь в сопки, в настоящие приморские дебри, пусть даже на окраине города, но именно настоящие? Володя подчеркивал, что они почти не тронуты человеком, лишь недавно проложена щебеночная автодорога к телевышке в девственном лесу.

— А Синие махаоны там могут быть? — спросил я осторожно.

Володя строго посмотрел на меня как на человека, никак не понимающего того, что он только что объяснил.

— Я же говорю, что там настоящий лес. Хвостоносцев Маака я там встречал даже больше, чем где-нибудь еще. Конечно, должны быть. Я же вам говорю, что это очень хорошее место. Вот автобусная остановка, а вот дорога...— Он показал на свой план.— Здесь самые хорошие места... И здесь, у этого поворота. А тут вы можете даже сефизу встретить, если повезет. Именно здесь я и поймал тех, которые в музее. Видели?

Еще бы! Музейный экземпляр сефизы-самца оказался даже красивей, эффектней, чем нарисованный в атласе Куренцова. В атласе яркая в желтовато-оранжевую и черную крупную клетку сефиза терялась среди других бабочек на странице, а в естественном виде она действительно была очень красива. И все-таки особенно замирало сердце при мысли о Синих махаонах. Удивительная их окраска, не похожая ни на чью другую, оригинальная форма, величина... Неужели я увижу их живыми уже сегодня?

С тревожной подозрительностью смотрел я на небо, но оно было совершенно безоблачным, солнце сияло.

Быстро снарядил я свою фотосумку, взял оба фотоаппарата, Володя дал маленький пустой рюкзак на всякий случай и раскладной сачок. Мы вышли из квартиры в солнечное великолепие дня, прошли к остановке автобуса, в ожидании его я купил помидоры у какой-то старушки и хлеб в булочной. Автобуса не было очень долго, но около часу пополудни он наконец появился.

ПЕРВЫЙ МАХАОН

Первое — всегда самое волнующее. Первая встреча, первая любовь...

Автобус миновал городские кварталы, выехал в дачный пригород. Замелькали в окнах маленькие аккуратные домики, садовые участки с подсолнухами и лилиями. Сопки, по мере приближения к ним, вырастали. Они были сплошь покрыты лесом. Сопки высились слева, а справа, за дачными участками, угадывалась река. За ней тоже виднелись сопки. Мы ехали по долине реки Дачной. Раньше она называлась Халаза.

Наконец моя остановка. Я вышел. Автобус укатил.

Солнце и тишина. Влажность и терпкий аромат зелени. Передо мной были две дороги. Они ответвлялись от той, по которой ходил автобус. Одна шла чуть вверх и вправо. Другая — тоже чуть вверх, но влево. Судя по плану, именно эта была моя. Лес начинался от самой автобусной остановки, дорога тотчас ныряла в него. Деревья были высокие, стояли плотной стеной, дорога таким образом скрывалась в зеленом ущелье. Я увидел дорожный «кирпич» — знак, что проезд запрещен, это был указанный Володей ориентир,— и убедился, что действительно дорога моя.

Отойдя буквально метров на двадцать от автобусной остановки, я оказался в сказочном мире. Мире, о котором столько мечтал. Столько раз видел его в воображении и во сне. Сердце билось, от волнения я как будто бы даже плохо видел. Это и есть загадочные полутропические дебри Приморья! Некоторые из деревьев имели мелкоразрезные листья, синева неба сквозила в них, стволы и ветви были довольно тонкие, стройные, покрытые морщинистой светло-коричневой корой. Ну, конечно же, тот самый амурский

бархат, реликтовое дерево тропиков, и именно с ним связана неразрывно судьба хвостоносцев Маака и ксутов, гусеницы которых кормятся его листвой. Бархатное дерево... Наконец-то я вижу его не на картинке, не на экране телевизора или кино, а в действительности!

Тихо было в зеленом ущелье. Только слышны голоса птиц. В отличие от разреженных, просторных внизу лесов Севера и умеренного пояса, растительность здесь занимала все «этажи». Сойти с дороги казалось почти немыслимым — под большими деревьями пространство заполняли деревья поменьше, еще ниже зеленели кустарники, травы. Раскрытыми веерами торчали папоротники. У самой дороги теснились кусты, очень похожие на малину, тоже колючие, на них рдели ярко-красные ягоды. Как будто бы малина, но не совсем. В отличие от крупных, душистых и слегка матовых ягод нашей малины эти были помельче, поярче, они блестели, как лакированные, и не ощущалось знакомого аромата.

Ярко-белые цветы-звездочки в широких плоских соцветиях, какие-то желтые цветы... Наконец, крупные соцветия желтоватых мелких цветочков, собранные в конические кисти. Пальчатые крупные листья, огромные колючки на стволе и на ветвях... Ба, да это ведь аралия маньчжурская, «дальневосточная пальма», типичный представитель здешней флоры, ближайший родственник легендарного женьшеня, который тоже относится к семейству аралиевых! Аралия цвела, и вокруг ее желтовато-белых соцветий с гудением вились осы, пчелы. На разные голоса щебетали птицы. Летали бабочки, которых так, сразу я еще не успел разглядеть. Жизнь явно кипела вокруг! Экзотическая, совершенно незнакомая мне, таинственная жизнь джунглей. Здесь ведь и тигры есть, вспомнилось мне. Конечно, они вряд ли будут тотчас набрасываться на вышедшего из автобуса путника, но сознание потенциального присутствия тигров придавало ощущениям остроту.

О страхе не было и речи. Страхи такого рода если и посещают меня, то в городе. Оказываясь в естественной обстановке, я всегда испытываю ощущение доброжелательного родства со здешними обитателями. Путешествия научили меня важнейшему правилу, которое хорошо выражено в старой пословице: «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». Это относится не только к людям, но — ко всему живому. Гость — исследователь. Завоеватель — не гость. Первая заповедь гостя, а, следовательно,

и путешественника — уважение к тем, к кому ты пришел. Это лучшая визитная карточка, и только в этом случае ты имеешь полное право рассчитывать на уважение хозяев. Уважение и внимательность.

Так вот они, дебри Уссурийского края...

Моя совесть была чиста, я был преисполнен высшего и естественного уважения и почтения. Если есть справедливость в мире, то кто же ответит на мое уважение злом? А в том, что справедливость есть по крайней мере в мире природы, я уверен. Конечно, есть хищники и есть жертвы, и очень возможно, что кто-то из хозяев «монастыря», в котором ты оказался, увидит в тебе потенциальную жертву. В этом нет несправедливости, в этом тоже естественность. Для того, чтобы избежать участи жертвы, необходимо знание и умение защищаться. И — опять же — внимательность.

Словно в подтверждение этой мысли, я ощутил, что руки мои, оголенные до локтей, уже зудят от комариных укусов. Да, комары нападали средь бела дня, при солнце,— тотчас вспомнились давние муки от мошек, страхи перед клещом. Дебри вокруг меня таили, разумеется, не только красивые тайны, в них, как и во всем в жизни, была и опасность. Первая мера самозащиты выразилась в том, что я опустил и застегнул рукава рубашки. Штормовка была с собой, но надевать ее в такую жару очень не хотелось. Я решил, что буду просто-напросто чаще осматривать себя, чтобы вовремя обнаружить клещей. Володя сказал, что хотя их практически нет, но все же следить надо — теоретически они еще могут напасть.

Прошли первые минуты ошеломления, я начал внимательнее осматриваться по сторонам. Дорога, усыпанная щебенкой, шла чуть вверх, делая первый виток «серпантина». Я сразу понял, что сходить с дороги в лес бесполезно, да и невозможно: дебри почти непроходимы. А значит, все, что я увижу, будет на самой дороге или рядом с нею, в этом зеленом «ущелье».

Бабочки были. С замиранием сердца я начал приглядываться к ним. Первые же, которых я увидел,— белянки и. перламутровки. На миг вспыхнуло разочарование: неужели прав был скептик Володя из Москвы? Но вот я внимательнее разглядел одну из светленьких бабочек, которая опустилась на белое соцветие. Уссурийская пеструшка! Ну конечно, я вспомнил изображение ее в атласе Куренцова. Светло-клетчатая, с коричневыми пятнами и

едва заметным, но очень красивым зеленовато-красноватым отливом... Это уже абориген! Руки так дрожали, что я едва мог открыть футляр фотоаппарата, снять крышку, убрать ее в карман, достать насадочные кольца... Все это не так скоро, и пеструшка, разумеется, ждать не стала. Какая досада!

Но вокруг летали еще такие же, много. Я понял, что они не денутся никуда, можно не торопиться. Торопливость всегда вредит! Но как же не торопиться...

Да, как же не торопиться! Во-первых, погода. Володя сказал ведь, что едва-едва установились ясные дни, а то все дожди и дожди. Вдруг опять дождь пойдет? Во-вторых... Да, пеструшки есть, но ведь не они главное, а другие... Ведь последние дни!

Нет, надо, надо торопиться, мне и так повезло с этим погожим днем!

И вот на таком же соцветии белых звездочек я увидел что-то желтенькое. Осторожно приблизился. Желтый зефир! Родственник наших очаровательных голубянок, только чуть побольше и не голубой, а желтый и с хвостиками на задних крыльях. Увлеченный сбором нектара, он подпустил меня совсем близко, удалось сфотографировать его во весь кадр. И это был первый, «исторический» снимок.

Тихо пошел я дальше и заметил какое-то движение справа в кустах. Несколько больших желтоватых бабочек гонялись друг за другом. Это были ксуты. Боже мой, так сразу! Я вообще-то не очень надеялся их встретить, и вот... Мне казалось, что все происходит во сне. Ксуты, настоящие ксуты, бабочки с явно «тропическим» рисунком, они были для меня почти столь же желанны, как Синие махаоны, и Володя Мещеряков, кстати, сказал, что они встречаются реже. Их было штук пять. Они не садились, и я понял, что могу упустить свой единственный шанс. Сачок — раскладной Володин сачок — был в рюкзаке, я лихорадочно скинул рюкзак, вытащил и расправил сачок, но половинки никак не закреплялись винтом, и пока я возился с сачком, от пяти осталось только два ксута, а когда мне удалось наконец сачок расправить и, держа его прямо так, без палки, ринуться в кусты, беспомощно им махая, оставшиеся тоже исчезли. Я успел заметить, что они действительно не очень свежие, «облетанные», тем более, значит, важно хотя бы поймать, потому что вот-вот их вообще не будет. Яички они наверняка отложили.

Да, ксуты исчезли, как будто только пригрезились. И махаонов нет.

Я сделал еще несколько шагов по дороге и увидел что-то темное на камнях впереди. Сердце тотчас подпрыгнуло — темное не было похоже на камень, все камни на дороге светлее...

Да, это был махаон. Синий махаон, хвостоносец Маака. Мертвый, сбитый, очевидно, машиной. Брюшко расплющено, одно крылышко сломано, однако цвет крыльев невыразимо прекрасен. Синева и зелень пробивались сквозь густую черноту — сапфир и изумруд сквозь черный бархат,— поражала его непохожесть на все окружающее, он был как будто бы совершенно неуместен в этом солнечном светлом мире, где нет ни черноты, ни столь густой синевы. Задние крылья затейливо вырезаны, а у самого основания хвостиков — по пятну, совсем черному, угольно-черному, отороченному красно-синей каймой. Самец... Как передать восхищение этой красотой природного создания? Сколько таланта, усилий, изобретательности понадобилось бы человеку, чтобы создать модель, только модель этой фантастически прекрасной бабочки! Она была мертва, но ведь совсем недавно она летала над дорогой, над лесом, и крылья ее отливали на солнце... Да, ее красота казалась нездешней, ни на что не похожей, что-то ночное и сказочное было в ее бархатистых огромных крыльях... Я осмотрелся вокруг. Действительно ничего общего с окраской окружающего. Словно не от мира сего. Осколок неведомой, таинственной красоты.

Аккуратно я положил махаона в коробочку. Дома подклею сломанное крыло. Удивительно, что крылья совсем не потертые, свежие, а значит, махаоны *летают*, причем не «облетанные»? Странные мысли владели мною. Пеструшка, зефир, ксуты, теперь сбитый машиной махаон... Первый же махаон, встреченный здесь,— мертвый. Это показалось мне символическим.

Сбитая, раздавленная, поруганная красота.

Дорога, проложенная по живому телу сопки... Сбитая машиной удивительно красивая бабочка... Нет, я вовсе не против прогресса, и то, что дорога проложена к телевизионной вышке, тоже само по себе не вызывает протеста. И все же... Перед тем, как поехать на Дальний Восток, я разъезжал по стране — был в Крыму, на Тянь-Шане, на Алтае — и везде сталкивался с тем, о чем так много пишут и говорят сейчас. Природа под угрозой. Прекрасная,

многоцветная солнечная планета уже не та, какой была еще совсем недавно. Если мы не задумаемся всерьез, положение станет катастрофическим. И первое, что страдает от нашего неуважения, от грубости и близорукости нашей — красота.

Ведь до сих пор ни одному из философов не удалось с точностью определить, что же это такое — красота. Но не только философы, не только художники и писатели, а очень многие люди поняли: красота — непременный спутник жизни. Без красоты истинной жизни нет.

ЖИВАЯ ГОРА

Впереди, словно птица, над верхушками деревьев неспешно пролетел махаон. Живой! В первый миг я даже подумал, что это именно птица, но успел разглядеть крылья с хвостиками и понял, что нет. Он пересек «ущелье» дороги поверху и скрылся в кущах амурского бархата. Так, значит, летают! Конечно же, не последний черно-синий красавец был сбит машиной.

У первого поворота «серпантина» открылась небольшая полянка, свободная от высоких деревьев, густо поросшая травами и кустарником. Здесь-то я и увидел индийского адмирала. Летали и репейницы — вот вездесущая бабочка, где только я ее не встречал: и в Средней полосе, и в Крыму, и на Кавказе, и в горах Средней Азии! — но среди этих старых знакомых, словно принц из далекой страны, мелькнул сначала, а потом сел на теплый камень у дороги индийский адмирал. Конечно, он был прекрасен, как прекрасны вообще все бабочки, но своеобразное очарование было и в имени его. Индийский адмирал! В нашей стране он водится только здесь, в Приморье. Крылья его — нечто среднее между крыльями нашего обычного адмирала — ванесса аталанта — и репейницы, которая у французов зовется, между прочим, «красавицей», а у англичан «разукрашенной дамой». Ярок и пестр он был, как «красавица», но одновременно строг и торжествен, как адмирал. Индийский принц...

Сфотографировать я не успел. Но не расстроился вовсе. Как это не раз уже бывало, появилась уверенность в непременном везении. Ведь вокруг такое солнечное великолепие, такое бурное кипение жизни! Сфотографирую еще, успею.

Зашелестело в кустах. Мгновенно напрягшись, я обернулся. Из кустов вышел дед с корзинкой. Он собирал малину.

— Махаонов ловишь, сынок? — спросил он.

— Да вот что-то мало их,— сказал я.— И не ловлю, собственно. Фотографирую.

— Это зачем же? Наука такая?

— Для книги. Для журналов. Чтобы люди видели, какие у вас здесь красивые бабочки летают.

— А... Раньше их много было. Сейчас меньше. Но ты иди, иди, должны быть еще. Летают. Все химия. Раньше, бывало, у воды на дороге махаоны по сотне сидели. Сейчас меньше стало, не сравнить.

— А малина есть? — спросил я, кивнув на корзинку.

— Да не созрела еще. Я так, понемножку.

— Это и есть ваша малина? — показал я на куст.— На нашу не похожа, я думал, не ядовита ли.

— Это и есть. Не ядовита, нет. Можно кушать, не бойся... А ты сам-то откуда же? Из России?

— Да, из Москвы.

— А, ну-ну. Удачи тебе.

И пошел потихоньку вверх по дороге.

Я присел на камень. Удивительно: я чувствовал себя точно так же, как где-нибудь в подмосковной деревне. Другой пейзаж вокруг, другие бабочки и комары, другой воздух. Если бы не существовало самолетов, поездов и машин,— а так было совсем недавно! — то отсюда до дома пришлось бы добираться, наверное, не один год. Мы на велосипедах до Новосибирска добирались два месяца, причем больше половины — от Хабаровска до Улан-Удэ, а потом еще от Иркутска кусок — ехали на поездах. А что говорить о путешествиях, например, Арсеньева! Дни, недели, месяцы тяжелых испытаний в диких, неприветливых дебрях, суровая, долгая дорога...

И все-таки я чувствовал себя дома. Не было ничего чуждого мне вокруг. Моя земля, мое солнце. Моя живая зелень, мой добрый знакомый — дед.

«Наша так думай: это земля, сопка, лес — все равно люди»,— вспомнил я милый говор Дерсу Узала. Да, все у него были «люди» — и тигр, и кабаны, и лес, и сопки, и камни, и костер, у которого, с его точки зрения, менялось «настроение», и даже вода в чайнике, потому что, закипая, она так жалобно запела — так жалобно, что, не в силах

вынести этого, Дерсу снял чайник с костра и вылил воду на землю...

Да, все живым было вокруг него, и я так понял вдруг этого милого человека. Ведь вся сопка, по которой я шел и на склоне которой теперь сидел, была живая. Живая, теплая, радующаяся своей яркой и пестрой жизни гора.

Словно в сказочном сне — только сон этот был наяву — зашагал я дальше вверх по дороге. И скоро опять увидел летящего махаона. Он летел мне навстречу, издалека, сердце мгновенно подскочило. Не раздумывая, я махнул сачком.

Махаона не стало. Неужели... Неужели он в сачке?

Да, он был там, спокойно лежал, сложив крылышки. Дрожащими пальцами я вытащил его, осторожно выпутал из мягких марлевых складок. Жесткокрылый, угловатый, черный житель этой неведомой страны. Крылья сильно потрепаны — нет шпор, стерлась пыльца. И все же это был он, Синий махаон, хвостоносец Маака — у основания крыльев еще остался изумрудно-синий блеск, фантастически красивый отлив.

Подивившись вволю, я отпустил потертую, облетанную бабочку. Как ни в чем не бывало она взлетела к вершинам деревьев.

И опять я шагал по дороге, внимательно оглядываясь по сторонам. Среди листвы ольхи и еще каких-то невысоких деревьев я заметил темные комочки. Рассмотрев поближе, понял: это коконы павлиноглазок, или сатурний, крупных ночных бабочек.

Природа горазда на выдумки! Коконы были словно сплетенные из коричневого капрона жесткие мешочки — «авоськи», внутри которых перекатывались крупные темные куколки — удивительное произведение!

Перед тем как погрузиться в таинство превращения, гусеница сатурнии — толстое, неповоротливое существо — выпускает жидкость, которая тут же на воздухе застывает, образуя тончайшие шелковые нити, связывающие друг с другом несколько древесных листьев. Затем в этом подобии шалаша она строит прочную «капроновую» клетку, открытую с одного конца. Отверстие снабжено множеством длинных жестких волосков, направленных наружу и соприкасающихся своими концами — так, что выйти из клетки можно, а войти непрошеным гостям нельзя. Рыболовная верша, только наоборот. Сплести такое сооружение нелегко даже действуя снаружи, каково же гусенице создавать его изнутри, да еще при том, что она не имеет длинных лапок, неповоротлива и тяжела? Лишь закончив это строительство, гусеница может наконец отдохнуть и, временно уйдя в небытие, отдаться во власть таинственного природного метаморфоза. Просыпается она обновленной, совсем другой, нежели была раньше. Неповоротливый, толстый червяк превращается в крылатое существо. Бабочка взламывает тонкую куколочную скорлупу, протискивается в отверстие, обрамленное волосками, и — беззащитная, мягкая, влажная, со сморщенными пока что, похожими на мятые тряпочки крылышками — поскорее ищет такое место, где может зацепиться ножками и повиснуть так, чтобы внутренняя жидкость наполнила сосуды крыльев, словно воздух — надувную игрушку. Проходит минут сорок — и за это время сморщенные тряпочки становятся большими, прекрасными, прочными, покрытыми чешуйками-волосками и украшенными изумительным рисунком крыльями, которые выводят существование бывшей гусеницы на совершенно новую орбиту.

Летает сатурния со скоростью в десятки километров в час, самец этой бабочки может отыскать самку — то ли по запаху, то ли по еще каким-то неизвестным нам признакам — на расстоянии в несколько километров. Помогают ему в этом большие пушистые усы-антенны.

Несколько «шалашиков» с «клетками-авоськами», в которых перекатывались куколки, поместилось в кармашке моей фотосумки. Мало ли, вдруг не удастся встретить павлиноглазок во взрослом состоянии.

Опять встречалась аралия, на ее крупных соцветиях кормились мухи, пчелы и бабочки перламутровки. Летали переливницы, но не садились. Несколько раз я видел ксутов, и одного из них, черно-желтого, совершенно «тропического» по облику, но, правда, с обломанными шпорами, удалось сфотографировать на листьях кустарника. Пролетали и Синие махаоны, раза два еще я их ловил на лету, но опять отпускал: они были облетанные.

И только у второго поворота — места, отмеченного Володиным крестиком на плане,— я наконец увидел Синих махаонов по-настоящему во всем блеске. Вернее, синим был один — медленно пролетел он над дорогой на некотором расстоянии от меня, освещенный косыми лучами солнца, и крылья его сверкали сапфиром. Сапфировый махаон — так и назвал я его для себя. А другой отливал изумрудом. Он продемонстрировал этот удивительный

отлив, когда я уже сидел на втором повороте, тоже на камне, чувствуя себя словно в джунглях какого-нибудь далекого Калимантана.

Калимантан — это Индонезия, и в своих мечтах я обычно бывал именно в Индонезии, может быть, потому, что как раз там летают самые красивые бабочки Старого Света. Но все относительно. Елена Михайловна Антонова, старший научный сотрудник Зоологического музея МГУ в Москве, одна из крупных наших специалистов по чешуекрылым, сказала как-то, что известнейший путешественник, где только не побывавший — и в тропиках тоже! — географ, зоолог и энтомолог Григорий Ефимович Грум-Гржимайло, с трудом добравшийся до берегов большой реки в сибирской глуши (тогда еще не было самолетов), с волнением произнес: «Наконец-то мечта моей жизни осуществилась: я стою на берегу Иртыша». Стремясь к тому, что труднодоступно и далеко, мы часто недооцениваем того, что у нас под боком. Какие захватывающие приключения переживал я в самые первые месяцы после своего открытия «травяных джунглей» — во дворе московского дома, в городском парке, на полянах вокруг подмосковной деревни Подушкино! А все-таки тянет побывать на Калимантане...

Конечно, можно в своем дворе увидеть больше, чем в заморской стране, если умеешь смотреть. Но в заморской стране увидишь другое. И может быть, именно то, что увидишь за морем, поможет по-настоящему разглядеть свой двор. Люди всегда стремились к дальним путешествиям, но часто как раз в путешествии они начинали по-новому, по-настоящему любить то, что покинули,— свою Родину. Большое видится на расстоянье.

У второго поворота махаоны уже летали вовсю, я насчитал их не меньше десятка за несколько минут, и одного — тоже совершенно сапфирового, «тропического»,— удалось наконец сфотографировать. Загадочная красота! Уже в который раз задавал я этот вопрос: зачем? Внимательно разглядывал деревья амурского бархата. Светло-коричневая, ребристая, бархатная на ощупь кора, светло-зеленые разрезные листочки... Все в пастельных тонах, неяркое. Именно на этих деревьях кормятся гусеницы хвостоносцев Маака и ксутов. Откуда, от чего берется их яркость? И какой несет она смысл? Ведь по мнению многих ученых, окраска живого существа и, в частности, насекомого, как правило, гармонирует с окружающей обстановкой, а то и «выражает собою общее ощущение» от нее. В данном случае было совсем не так.

За вторым поворотом, на чуть более крутом подъеме, журчал родник, у родника белела маленькая эмалированная кружечка. Специально кто-то оставил. Вода оказалась вкуснейшей. А вот красивая, «лакированная» малина Приморья менее вкусна, чем наша, подмосковная — не так сладка и душиста, не так тает во рту. Много раз я внимательно осматривал себя, ища клещей. Не нашел ни одного. Не было клещей. Вот только комары.

Вечерело. Солнце, опускаясь, желтело. Я решил возвращаться.

ВЕЧЕР

Дорога, зеленое это «ущелье», казалось, была обжита мною. Хотя и хранила множество тайн. Солнце садилось. Появились другие бабочки. Крупные, пепельно-коричневые, они колдовским мягким полетом, словно крадучись, выпархивали из зарослей и тотчас вновь ныряли в переплетение ветвей.

Осторожно подобрался я к одной из них, севшей на ствол ольхи. На меня словно глянули круглые странные «очи» с белым зрачком, черной радужкой и желтой окантовкой — их было по нескольку на задних крыльях. Я узнал бархатницу Шренка. Этих бабочек было довольно много, однако они прятались в листве, где сидели со сложенными крылышками,— так что в сумерках не сразу и разглядишь. Взлетали они внезапно, я взволнованно следил за их неровным полетом, но тотчас же они исчезали в зарослях. Я попытался поймать хотя бы одну, но это оказалось совсем непросто. При кажущейся медлительности и вялости полета бабочки были очень чуткими.

Махаонов стало меньше. Лишь изредка темный силуэт мелькал над верхушками деревьев. В природе наступил тот предзакатный час, который, наверное, почти одинаков на всех широтах и меридианах планеты. Многозначительность перехода. Все затихло, и резкое движение, громкий звук казались в этой торжественной тишине кощунством.

Потихоньку я спустился к остановке автобуса. Я был благодарен и счастлив. Что бы ни было дальше, какие бы козни ни подстроила погода, знакомство состоялось.

Только в автобусе почувствовал, как устал. Ведь не отдыхал по-настоящему после выхода из московской квартиры. В самолете не сон — восемь с половиной часов в

кресле были скорее мучительными, чем спокойными. В поезде на Арсеньев тоже пришлось забыться лишь ненадолго. А еще смена времени — разница на семь часов — и хождение по горам. Непременно нужно устроиться в гостинице и — спать.

В этот-то вечер и суждено мне было узнать таинственную благотворную силу дальневосточных растений! Когда я вернулся в музей, было уже около девяти часов по местному времени. Володя все еще оформлял стенды о А. И. Куренцове, а мы с Клавдией Федоровной направились сначала к ней домой, чтобы я смог переодеться, а потом в гостиницу, которая находилась тут же, недалеко от ее дома. Клавдия Федоровна предлагала мне остаться у них, но я посчитал более удобным снять номер, где можно будет и отдыхать, и работать, никого не стесняя. Но прежде, чем лечь спать, я обещал Клавдии Федоровне побывать у нее в гостях, на чае.

Разложив в номере свои вещи, приняв душ, я отправился в гости и шел в полусне от усталости. Мы сели за электрический самовар, к Клавдии Федоровне зашел сосед, преподаватель института в Арсеньеве, разговаривали о разном, а угощала нас хозяйка плодами лимонника в сахаре, дала попробовать и настойку женьшеня.

Слово за слово, я и не заметил, как на часах была уже полночь, а усталость моя прошла. Да, казалось, что я и не проделывал этот огромный путь из Москвы, не ходил по горам, не перебивался почти без сна две ночи!

Видимо, это лимонник. Потом я не раз еще слышал о чудодейственной силе его плодов, испытывал на себе. Рассказывают множество случаев, когда лимонник спасал заблудившихся или просто поддерживал силы путников. Проводили эксперименты: в поход шли две партии, одна из них ела лимонник, другая — нет. Говорят, что разница была очень существенная.

Дальневосточная флора — впрочем, как флора и многих других мест — таит в себе еще много загадок. И вот одна из них: чуть ли не все реликтовые растения Приморья, пережившие четвертичный, ледниковый период, целебны для человека.

Я вернулся в гостиницу в первом часу ночи и уснул счастливый.

ВОЗВРАЩАЮЩИЙ МОЛОДОСТЬ

«Вот тут-то я и увидел впервые Женьшень, Корень жизни, и столь драгоценный и редкий, что для переноса его назначено было шесть сильных и хорошо вооруженных молодцов,— писал М. М. Пришвин в своей знаменитой повести «Женьшень» (первоначальное название «Корень жизни»).— Из лубка кедра был сделан небольшой ящик, и в нем на черной земле лежал небольшой корешок желтого цвета, напоминающий просто нашу петрушку. Все китайцы, пропустив меня, снова погрузились в бессловесное созерцание, и я тоже, разглядывая, с удивлением стал узнавать в этом корне человеческие формы: отчетливо было видно, как на теле расходились ноги, и тоже руки были, шейка, на ней голова, и даже коса была на голове, и мочки на руках и ногах были похожи на длинные пальцы. Но приковало мое внимание не так совпадение вида корня с формой человеческого тела,— мало ли в капризных сплетениях корней можно увидеть каких необыкновенных фигур! Приковало меня к созерцанию корня молчаливое воздействие на мое сознание этих семи человек, погруженных в созерцание Корня жизни. Эти живые семь человек были последними из миллионов за тысячи лет, ушедших в землю, и все эти миллионы миллионов так же, как эти последние живые семь человек, верили в Корень жизни, многие, может быть, созерцали его с таким же благоговением, многие пили его. Я не мог устоять против этого внушения веры, и, как все равно на берегу морском отдавался на волю какого-то большого планетного времени, так точно теперь отдельные жизни человеческие были мне как волны. И все они ко мне, живому, катились, как к берегу, и как будто просили понимать силу корня не по себе самому, которого скоро тоже размоет, а в сроках планетного, и может быть, еще и дальнейшего времени. Впоследствии я узнал из ученых книг, что женьшень — это реликт из аралиевых, что общество окружавших его растений и животных в третичный период земли теперь неузнаваемо переменилось, и вот это знание не вытеснило во мне, как это часто бывает, волнения, внушенного верой людей: меня и теперь, при всем моем знании, по-прежнему волнует судьба этой травки, за десятки тысяч лет переменившей в обстановке раскаленный песок на снег, дождавшейся хвойных деревьев и среди них медведя...»

Как было не помнить этого классического описания

встречи с женьшенем здесь, в краю, где корень жизни до сих пор произрастает!

А вот и еще более древнее и более строгое описание:

«ЖЕНЬШЕНЬ (по-японски Нин-Си) — китайское многолетнее растение из семейства аралиевых. Всего в роде панакс известно до 25 видов, но самым интересным является вышеназванный, корень которого считается у китайцев всеисцеляющим и способным даже продлить жизнь человеческую. Встречается вообще редко и с трудом отыскивается в дебрях лесов и по горам Маньчжурии, где почти исключительно и водится... Разведение и собирание женьшеня в Китае принадлежит исключительно казне, корни ценятся страшно дорого, дороже золота, и во внешнюю продажу не поступают. Исследования корня, неполные еще по трудности получения точных и свежих образцов, не открыли пока никакого специального лечебного вещества».

Брокгауз и Ефрон, «Новый энциклопедический словарь», т. 17, с. 823.

Это было известно о легендарном корне жизни в XIX веке, но с тех пор, конечно, многое изменилось. И в наше время загадочна необычайная лекарственная сила корней женьшеня, однако стала ясна биология этого удивительного растения, выделены вещества, которые так благотворно действуют на человеческий организм, исследован сам характер его воздействия.

Женьшень — один из представителей древнейшего семейства аралиевых, цветковых растений, в массе произраставших на земле в третичный период, а сейчас распространенных в тропических и субтропических областях Юго-Восточной Азии и Америки. В этом семействе насчитывается около восьмисот видов, и поразительно то, что почти все они обладают свойствами, целебными для человеческого организма... У нас аралиевые встречаются на Дальнем Востоке и главным образом — в Приморье.

Большинство аралиевых — деревья и кустарники, но знаменитый род панакс, к которому относится и легендарный женьшень, составляют только травянистые растения. Греческое слово «панацея» означает «лекарство от всех болезней», не таково ли и происхождение слова «панакс»? По крайней мере шесть из двадцати пяти видов рода панакс считаются уникальными по своим лекарственным свойствам. Это — панакс трехлистный, произрастающий в Северной Америке и Канаде; панакс пятилистный — также в Северной Америке; панакс перистонадрезный — Индия и Китай; панакс ложный женьшень — северная Индия, Индокитай и запад Китая; панакс японский — Япония.

И наконец, панакс женьшень настоящий — корень жизни, тот самый, о котором ходят легенды, уникальнейший из уникальных, который лечит от всех болезней и якобы возвращает человеку самое ценное — здоровье и молодость. Этот панакс женьшень настоящий растет только в северо-восточном Китае, на полуострове Корея и в нашем советском Приморье.

Размножается женьшень семенами, и первое цветение в естественных условиях наступает только через восемь — десять лет, а иногда и через двадцать. Живет это растение приблизительно около ста лет, хотя бывает и дольше. Не будем увлекаться мистикой, но как не вспомнить, что эти сроки — полового созревания и всего цикла жизни — схожи с такими же сроками у человека...

Вес корней 20—25-летних растений редко превышает 30 граммов. Но у старых, многолетних корни могут достигать 70 сантиметров в длину при диаметре 4—5 сантиметров. По свидетельству И. В. Дардымова, автора книги «Женьшень, элеутерококк» («Наука», 1976), максимальный вес корня, отмеченный в последние 15 лет, составил 407 граммов. Такой корень-великан был найден в горах южного Сихотэ-Алиня. Возраст его остался неизвестным...

В Москве я слышал, что совсем недавно, в 1982 году, найден корень еще более крупный, около 420 граммов. Об этом сообщали газеты. Цена такого гиганта поистине неисчислима. А возраст, возможно, несколько сотен лет.

И все-таки: откуда эта целебная сила женьшеня? Одного корешка весом в несколько десятков граммов хватает на много приемов — как правило, делают настойку корня на спирту. Он действует укрепляюще на весь организм, поистине как бы вдыхает в нас новые силы, тонизирует, омолаживает, вселяет бодрость и оптимизм.

«Первые попытки исследования химического состава корня женьшеня относятся к прошлому веку, когда Гаррикс впервые выделил из корней американского женьшеня аморфное вещество панаквилон,— пишет И. В. Дардымов в уже упомянутой книге.— Затем его исследовали японцы в 1906—1930 годах... Древние рекомендации нашли научное подтверждение. Назначение экстракта женьшеня при подготовке больных к тяжелым полостным опера-

циям позволяет избежать многих осложнений. Обнадеживающие результаты получены при назначении женьшеня больным в период реконвалисценции (выздоровления от болезни) и терапии туберкулеза в комплексе со специфическими средствами, при лечении малярии, гастритов, болезни Боткина, диабета, половых расстройств, старческого атеросклероза. Разумеется, женьшень не является панацеей, поэтому серьезные исследователи при лечении того или иного заболевания никогда не делали ставку на женьшень как на единственное средство. Тем не менее при его назначении все авторы отмечали улучшение общего состояния больных (повышение жизненного тонуса), улучшение аппетита, антропометрических показателей и в подавляющем большинстве возвращение работоспособности...

Женьшень вызывает повышение общего тонуса у больных независимо от заболевания. Это действие препарата в чистом виде удобнее наблюдать на здоровых людях при явлениях переутомления...

Положительное влияние женьшеня обнаружено при испытании его на умственную работоспособность... Он улучшает ее качество».

Да, словно бы таинственную целебную силу матери-Земли несет это загадочное реликтовое растение через века! Природа как бы протягивает руку помощи пострадавшим, усталым, разочарованным детям своим. Не удивительно, что становится этого растения на Земле все меньше и меньше — ведь так медленно, так трудно растет оно, крупицами, каплями набирая, концентрируя в себе силу жизни. Ко всему прочему, женьшень очень чувствителен ко всяким нарушениям природного равновесия — лесным пожарам, рубкам леса, изменениям атмосферного и почвенного составов.

Растение это занесено в Красную книгу, однако до сих пор его собирают, выкапывают, находя в самых потаенных уголках леса, по склонам гор — что же остановит человека, стремящегося продлить свою молодость, сохранить здоровье? Размножается женьшень семенами, и благородный долг каждого, нашедшего женьшень, аккуратно собрать и рассеять в окрестностях его семена — тем более, что поиск корня жизни ведется как раз тогда, когда ярко-красные, издалека видные плоды его, похожие на крупные ягоды костяники, собранные в «зонтик» из полутора-двух десятков, уже созрели.

Понятно, конечно, что людей издавна занимал вопрос: а нельзя ли выращивать женьшень на плантациях, в культуре?

Пытались пересаживать молоденькие растения из отдаленных мест поближе к жилью, в одно общее место, стараясь создать подходящие для них условия. Пробовали размножать женьшень семенами — и в диком лесу, и ближе к жилью, даже чуть ли не на огородах. Известно, что Дерсу Узала подарил Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву целую плантацию женьшеня, расположенную где-то в дебрях, окружающих речку Илистую, однако местонахождение ценнейшей и дикой плантации этой сейчас никому не известно.

Издавна выращивание корня жизни принято в Китае, Японии, но лучше всего это удалось корейцам. Продажа корней женьшеня на экспорт играет большую роль в экономике КНДР. Культивируется женьшень в США и Канаде.

Искусственно выращивают это ценнейшее растение и у нас, в Советском Союзе. Экспериментальная плантация есть в районе Теберды на Северном Кавказе и даже под Москвой.

Но самая большая и самая ценная плантация искусственно выращиваемого женьшеня расположена на Дальнем Востоке, в Приморье,— как раз в районе города Арсеньева, где я волею судеб оказался.

РАСТИТЕЛЬНОЕ ЭЛЬДОРАДО

Утро, как я и подозревал, было пасмурным. Серая хмарь затянула весь сущий мир, и вчерашний мой выход в горы тем более выглядел волшебным сном. Было ли все то? Были ли изумрудный и сапфировый махаоны, ксуты, бархатницы, был ли дед, собиравший малину, была ли на самом деле Живая гора, так спокойно и щедро открывавшая мне свои тайны?

Коконы павлиноглазок я поместил в тумбочку, пристроил в ней стоймя вешалку, чтобы бабочкам, если они вздумают появиться на свет, было за что уцепиться, свесив вниз растущие крылышки.

И направился в музей.

Клавдия Федоровна и Володя Мещеряков были уже тут как тут. При ярком освещении ламп дневного света они

заканчивали экспозицию о А. И. Куренцове в маленькой комнатке.

И вовремя. Хотя жена А. И. Куренцова, Галина Эразмовна, не смогла приехать по причине болезни, однако гости все-таки были. Из городка Кромы Орловской области, где учился знаменитый теперь ученый, в Арсеньев прибыла небольшая делегация земляков Алексея Ивановича: учительница Нина Михайловна и две десятиклассницы, обе Лены.

Тут-то и было решено совершить экскурсию в селение Староварваровка, где расположен совхоз «Женьшень». Правда, на плантацию женьшеня вход посторонним строго-настрого запрещен, но мы могли хотя бы посмотреть на нее издалека и к тому же побывать в единственном в Советском Союзе музее, целиком посвященном женьшеню и его ближайшим родственникам, представителям целительной дальневосточной флоры.

По пути остановились у памятника знаменитому путешественнику, чьим именем назван самый молодой город Приморья, преобразованный из рабочего поселка Семеновка 24 декабря 1952 года. Городу Арсеньеву, таким образом, не исполнилось и тридцати лет, а поселок Семеновка был основан в 1900 году — именно тогда недалеко от места впадения в реку Арсеньевку речки Халазы (теперь она называется Дачная), на ее нравом берегу поселился первый житель будущей Семеновки, Семен Гурьев...

Представляю себе, как ехали поселенцы в поисках новых земель, как увидели эту речку меж лесистыми склонами сопок и именно здесь решили остаться. Как рубили деревья и строили избу, вскапывали девственную землю под огород...

Только через полгода, уже в 1901-м, сюда же прибыло еще четыре семьи из Черниговской губернии, а к осени 1901-го здесь было уже 28 семей. Понравилось, видно, место. Семеновкой это село назвали, однако же, не по имени Семена Гурьева, а потому, что именно так называлось родное село переселенцев на западе.

Так обживали люди Уссурийскую тайгу.

Высокая фигура Арсеньева, вытесанная из серого камня, стоит на возвышенности, откуда хорошо виден весь молодой город, расположенный между Синим и Восточно-Синим хребтами Сихотэ-Алиня, а рядом лежит огромная глыба, и на ней высечены черты его верного спутника

Чаща леса и белые цветы-звездочки
Так встретила меня Уссурийская тайга

Ярко-красная малина, голубые цветочки
и очаровательная солнечная бабочка - желтый зефир
Первые снимки, ставшие для меня «историческими» .

Уссурийские кущи.

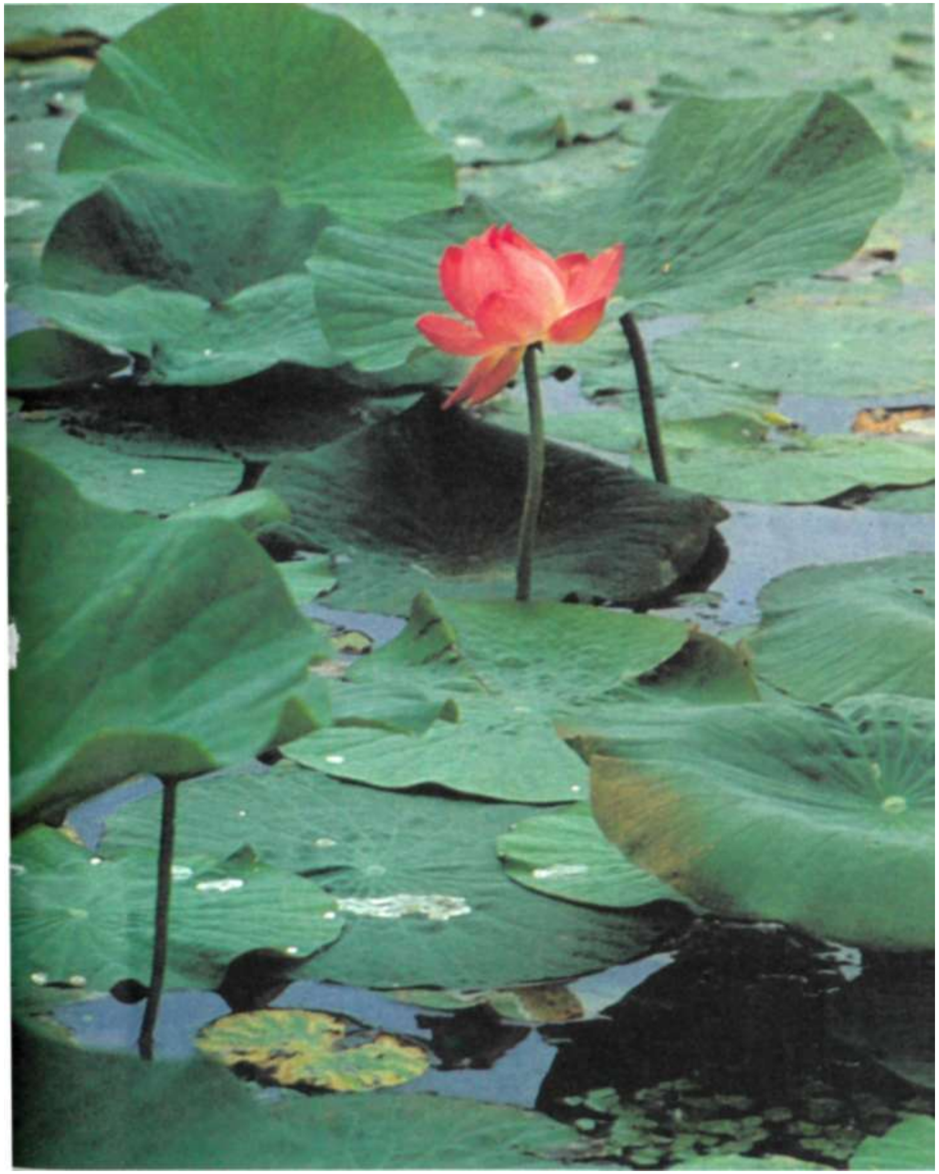
Эти пестрые, бросающиеся в глаза цветы так и называются тигровые лилии.

Бабочка Дриада.

Дневные бабочки Южного Приморья: ленточница Прейра, репейница и сефиза (самка)

Бархатнииа Шренка.

Это и есть легендарный женьшень, который выращивают на плантации в Староварваровке Плоды, корень и целое растение.



Предмет поклонения восточных народов — священный цветок лотос. Он сфотографирован на Ореховом озере в окрестностях города Арсеньева.

Шелкопряд монашенка.

Пяденица зеленая.

< Павлиноглазка дубовая.

Медведица кайя.

Две японские павлиноглазки.

Пяденица кишмишевая. >

Ночная уссурийская пяденица в позе «угрозы».

«Портрет» китайской павлиноглазки.

Павлиноглазка артемида.

Пяденица великолепная.

Павлиноглазка китайская.

Вот она, редчайшая перламутровка скал — Пенелопа!

Самец Пенелопы, пойманный Володей Мещеряковым для музея города Арсеньева.

Гусеница бабочки павлиноглазки.

гольда Дерсу Узала. Город Арсеньев, которого во времена путешествий В. К. Арсеньева не было и в помине, теперь насчитывает больше ста тысяч жителей. Есть здесь заводы, дома культуры, школы, музей...

Дорога шла по долине реки Арсеньевки, я внимательно смотрел по сторонам и, хотя погода была пасмурная, несколько раз видел пролетающих вдоль дороги или пересекающих ее иссиня-черных хвостоносцев Маака. А вокруг поднимались зеленые, поросшие густым лесом сопки.

Селение Староварваровка на первый взгляд ничем не отличалось от других селений в долине Арсеньевки. Небольшие домики с приусадебными участками, на которых желтели подсолнухи (чувствовалось, что живут здесь люди, чья бывшая родина — юг России или Украина), пестрели разнообразные цветы, главным образом лилии. У одного из таких домиков мы остановились. Это было жилище директора музея женьшеня Виктора Георгиевича Ивлякова.

Виктор оказался молодым человеком, медлительным и задумчивым. Пока мы шли по направлению к музею, он, казалось, додумывает какую-то давнюю думу. И даже когда, отперев двери музея и пропустив нас, он взял указку и водил нашу немногочисленную делегацию по двум маленьким залам и очень толково рассказывал о женьшене и его ближайших родственниках из семейства аралиевых — элеутерококке, заманихе, аралии маньчжурской,— а также о лимоннике и других лекарственных растениях Дальнего Востока, препараты которых были выставлены на стендах, он, казалось, все еще пытается додумать что-то, решить в уме...

Чуть позже я разговорился с Виктором. Оказывается, жил он себе спокойно в Хабаровске, как говорится, горя не ведая, но потом «заболел» женьшенем. Пошел в библиотеку, в надежде найти хоть какую-то книжечку об этой целебной траве, а оказалось, что книжечек таких много — целая литература. И много еще неясностей, и даже простые вопросы биологии, например, толкуются у разных авторов по-разному... Вот и приехал он в этот совхоз «Женьшень», стал наблюдать и думать и назначен был директором первого в Союзе музея загадочной дальневосточной травы.

Плантация женьшеня в Староварваровке действительно крупнейшая в Союзе, существует она семь лет, но, несмотря на этот короткий срок, поставляет довольно мно-

го корней. В текущем году уже сдали государству 800 килограммов корней, а на международном рынке, между прочим, килограмм сухого корня стоит 25 тысяч долларов... В культуре женьшень растет намного быстрее, чем в диком виде, средний вес корней здесь составляет у двухлетних — 4 грамма, у трехлетних — 20, у четырехлетних — 40 граммов, а у пятилетних — уже до 100—200 граммов, а то и более. Пять — семь лет — это оптимальный возраст, в дальнейшем корень становится подвержен разнообразным болезням. Столь быстрое развитие корня культурных растений объясняется, конечно, особым уходом, специальным составом почвы, удобрениями, регулируемым световым режимом. Хотя считается, что по своему составу корень культурных растений ничем не отличается от корней диких, однако на международном рынке корни дикого женьшеня ценятся намного выше.

Да, корень действительно похож на человечка... В банке со спиртом он, правда, выглядел совсем неэффектно — выцветший, жалкий, очевидно, отдавший всю свою волшебную силу жизни тому самому спирту, в котором он находился... Интересно, что настой женьшеня нужно принимать в зимнее и весеннее время — именно тогда действие его наиболее эффективно.

И конечно, вспоминалось описание М. М. Пришвина. Встреча с корнем в дикой тайге, в атмосфере таинственности и мистической недосказанности, постоянной опасности со стороны ли хищников — тигра, медведя, ядовитых змей,— со стороны ли недоброго человека, окружало невзрачный корешок этот таким волшебным сиянием, таким облаком «биоизлучения», что, очевидно, и действие его как лекарства возрастало, усиленное гипнотическим самовнушением. Все-таки недаром, наверное, дикий женьшень растет так долго в лесу, недаром, может быть, и сроки его созревания и жизни схожи со сроками человека... Уже доказано, что в других местах страны — не на Дальнем Востоке — женьшень, выращенный культурно, уступает по своим показателям культурному женьшеню дальневосточному. Очевидно, играет роль состав почвы, воздуха, климат... Да мало ли что! Ведь столько еще непознанного и в биологической природе человека, такую огромную роль в жизни нашей играет психический, эмоциональный момент! Новейшие исследования физиологов говорят: в каждом человеке функционируют два мозга: один — интеллектуальный, другой — эмоциональный. И эмоции

как раз играют в жизни — и в отношении здоровья тоже! — колоссальную роль.

Впрочем, организм человека действительно так устроен, что даже ничтожные количества вещества могут оказывать колоссальное воздействие на него — например, яды змей, пауков, растений, насекомых, других животных, а также искусственно полученные химические вещества: транквилизаторы, лекарства, наркотики...— и приходится только вновь и вновь поражаться сложностям материального мира и волшебству нашего существования в нем. Биология — это в значительной мере химия, любопытно, что даже такое свойство человеческого мозга, как память, многие ученые связывают именно с химией.

Я с волнением смотрел на выцветший, белесый корешок в банке со спиртом. Ведь люди использовали женьшень для лечебных целей, для «возвращения молодости» еще пять тысяч лет назад...

Плантация женьшеня в Староварваровке, как оказалось, началась с инициативы всего-навсего одного человека. Агроном Николай Павлович Смирнов, как и многие, был заинтригован целебным растением. Найдя в тайге несколько маленьких корешков, он посадил их на своем приусадебном участке, выращивал новые растеньица из семян, наладил обмен с опытным хозяйством в Теберде, получал в обмен семена из Японии... А потом передал все это совхозу. Теперь Николай Павлович именуется старшим научным сотрудником Дальневосточной зональной станции Всесоюзного института лекарственных растений и, естественно, считается главным специалистом и, можно сказать, родным отцом плантации в Староварваровке.

Втроем — Виктор Ивляков, Володя Мещеряков и я — мы направились к Николаю Павловичу и, к великой радости всей делегации, получили разрешение посетить плантацию и своими глазами увидеть растительное Эльдорадо. Тем более удачно это оказалось потому, что ярко-красные плоды корня жизни как раз созрели, и можно будет лицезреть женьшень культурный во всей красе.

...В широкой долине реки, между сопками, сплошь покрытыми Уссурийской тайгой, на небольшой огороженной площади, под деревянными щитами, уложенными на невысокие опоры, рядами, в довольно тесном соседстве друг с другом произрастали растения, поиск которых еще в недалеком прошлом был сопряжен с колоссальными трудностями, опасностями, за которые не один искатель

заплатил своей жизнью. Чрезвычайно яркие, победно яркие, оптимистически яркие светло-красные или желтые плоды их, собранные в тесные «зонтики» по нескольку десятков в каждом, были словно бы тщательно отлакированы и сверкали даже сейчас, в пасмурную погоду.

И все-таки было в них что-то ненастоящее. Я вспоминал фотографии и цветные слайды диких растений женьшеня. Хилые листики, всего — десяток-полтора ягодок в жиденьком «зонтике». А вокруг — дикая первозданная тайга. Жизнь, полная непредвиденных опасностей,— неосторожное копыто изюбря может надолго остановить развитие маленького беззащитного растения, а то и вовсе погубить его. Десятки лет медленного, упорного накопления жизненных соков в полумраке дремучих дебрей...

А тут — роскошь. Специальная земля, специальный режим. Усиленное питание. Уход. Постоянное наблюдение. Почти никаких опасностей. И — ответ: неожиданно быстрый рост корня, рано созревающего, хотя и подверженного во взрослом состоянии многим болезням. Акселерация.

Неужели и правда культурный корень не отличается по своему составу от дикого, неужели и правда он ничего не теряет?

Николай Павлович рассказывал нам об условиях содержания, о культивации семян, о том, что ценность этих растений двойная: во-первых — и главное, конечно,— корень, а, во-вторых, семена, которые отсылаются в наши опытные хозяйства и за границу.

Да, конечно, все теперешние культурные растения — и зерновые, и плодовые, бахчевые, огородные, да какие угодно! — были когда-то дикими, а в культуре улучшили свои питательные для нас свойства, и разводить столь ценное для человека растение как женьшень необходимо и благородно... И все-таки.

Волшебные лекарственные свойства женьшеня дикого, так медленно, так трудно растущего, пришедшего к нам из ускользающей временной дали, не связаны ли своими неясными свойствами с медленным и упорным развитием? Не есть ли в фантастической жизненной силе тех корешков нечто такое, что никогда не будет заменено тепличным, сытым развитием празднично-ярких, декоративных кустиков, что растут на плантации?

Конечно, чем больше плантаций, тем лучше, это не вызывает сомнений, но не понесет ли человечество поистине невосполнимую утрату, если совсем исчезнет из Уссурийской тайги дикий женьшень? Хорошо, конечно, когда редкие растения сохраняются в ботанических садах или разводятся на культурных плантациях, хорошо также, когда зоопарки мира пытаются сохранять и размножать исчезающих диких животных, но ботанические сады и зоопарки в состоянии ли заменить человеку общение с дикой природой? Да и сами растения и животные в искусственных, созданных человеком условиях, сохраняют ли истинную свою природу?

Крошечное растеньице в диких дебрях, к которому китаец Лувен вел автора повести «Женьшень», чтобы подарить ему его , и которое прежде, чем набрать силу, должно было расти еще лет двадцать, не имело ли самим своим существованием именно в труднодоступном месте той эмоциональной силы воздействия на мозг, на психику, на все сложное существо человека — той силы, которая, может быть, превосходит силу химического воздействия содержащихся в корешке веществ?

Говорят, что планета наша может прокормить чуть ли не сто миллиардов людей и поэтому, мол, нечего беспокоиться о том, что нас на Земле становится слишком много. Но даже с привлечением всех чудес науки и техники не будет ли жизнь ста миллиардов, скученных в мегалополисах на суше, населивших море, напоминать жизнь вот этих оптимистически ярких, красивых, целебных даже, но словно бы каких-то ненастоящих, организованно скученных, быстро созревающих, но быстро и увядающих, подверженных многим болезням растений на грядках? Болезни тела можно научиться лечить при помощи химии, можно даже заменять живые органы искусственными, созданными с помощью техники. Но, наверное, есть болезни другого рода — не только телесные, от которых ни техника, ни волшебница-химия не спасут. Научиться бы лечить и их... Так не поможет ли в этом изучение жизни как таковой, во всех многообразных и чудесных ее проявлениях? А потому сколь же бережными нужно быть ко всему живому. Уничтожить — так легко...

Тут-то и хочется вспомнить встречу Дерсу Узала со всеисцеляющей травой:

«Вековые дубы, могучие кедры, черная береза, клен, аралия, ель, тополь, граб, пихта, лиственница и тис росли здесь в живописном беспорядке. Что-то особенное было в этом лесу. Внизу, под деревьями, царил полумрак. Дерсу шел медленно и, по обыкновению, внимательно смотрел

себе под ноги. Вдруг он остановился и, не спуская глаз с какого-то предмета, стал снимать котомку, положил на землю ружье и сошки, бросил топор, затем лег на землю ничком и начал кого-то о чем-то просить.

Я думал, что он сошел с ума.

— Дерсу, что с тобой? — спрашивал я его.

Дерсу поднялся и, указав рукой на траву, сказал одно только слово:

— Панцуй (женьшень)!

Тут росло много травы. Которая из них была-женьшень — я не знал. Дерсу показал мне его. Я увидел небольшое травянистое растение величиной в 40 сантиметров, с четырьмя листьями. Каждый лист состоял из пяти листочков, из которых средний был длиннее, два покороче, а два крайние — самые короткие. Женьшень уже отцвел, и появились плоды... Дерсу очистил вокруг растения землю от травы, потом собрал все плоды и завернул их в тряпицу. После этого он... принялся выкапывать корень. Откапывал он его очень осторожно. Все внимание было обращено на то, чтобы не порвать корневые мочки. Затем он понес его к воде и стал осторожно смывать землю.

...Так вот каков этот женьшень, излечивающий все недуги и возвращающий старческому телу молодую бодрость жизни! Дерсу отрезал растение, уложил его вместе с корнем в мох и завернул в бересту. После этого он помолился, затем надел свою котомку, взял ружье и сошки и сказал:

— Ты, капитан, счастливый!»

ИСТОРИЯ ВОЛОДИ МЕЩЕРЯКОВА

В музее города Арсеньева одну из стен занимал длинный застекленный ящик, где были наколоты аккуратно расправленные бабочки. На другое утро после поездки в совхоз «Женьшень» я принялся рассматривать их внимательно.

Да, они были прекрасны, но как не похожи чувства, вызываемые ими сейчас, на те, которые я испытывал позавчера в горах... Тогда было приобщение к чему-то огромному — живому миру, полному великих таинств, не покидало ощущение, что в любую минуту, в любой миг может произойти нечто необычайное. Тот лес вокруг меня, сама гора, по телу которой пролегала дорога, казалось, живут своей особой жизнью, и все в ней, в этой их жизни, взаимосвязано — растения, цветы, бабочки, даже комары были лишь частицами этой единой жизни, они все дополняли друг друга и немыслимы были друг без друга, а старик, собирающий малину, и сам я — мы были гостями этой живой гостеприимной горы.

Здесь бабочки при всей их красоте имели жалкий вид. Они были мертвы...

Вот махаоны, хвостоносцы Маака, самец и самка. Разве такими я видел их вчера? Каждый встреченный махаон нес искру неведомой жизни, он был как вестник единой тайны, которую хранила гора, поросшая девственным лесом. В его черноте, отливающей сапфиром или изумрудом, виделась мне нераскрытая истина, которая была, по-видимому, в этом лесе, цветах, воздухе, в этой горе, живущей так далеко от тех мест, где я когда-то родился и жил все время до тех пор, пока страсть к путешествиям не забросила меня вот сюда, к ней в гости... Каждый махаон вчера был событием — я помнил, что один летел над вершинами плавно и медленно, по прямой — так что я даже спутал его с птицей. Другой мелькнул в переплетении ветвей и тотчас скрылся, третьего я поймал — он был сильно облетан, хотя и сверкал изумрудно-синим, а когда я его отпустил, он, как ни в чем не бывало, полетел по своим делам. Про тех двух, просиявших мимо меня на втором повороте, я и не говорю.

А наколотые здесь, в ящике, не имели лица, характера — разве что тот человек, который их когда-то поймал, мог вспомнить, при каких обстоятельствах это было.

Вот индийский адмирал. Я даже не сразу его нашел. Нет, он совсем не напоминал принца из далекой страны. Довольно обыкновенная, не слишком даже яркая бабочка, незаметная среди других.

Еще в ящике были сефизы — самец и самка, и переливница Шренка, и серицин, и альциной, и зефиры, и бархатницы, и роскошные ночные — артемида, брамея. И можно было только догадываться, какие захватывающие приключения пережил поймавший их, сколько воспоминаний было связано с ними для него. Только лишь для него.

Да, конечно, вот чем питается страсть истинного коллекционера. Не просто *иметь* у себя те или иные уникальные предметы коллекции, но — *обстоятельства*, при которых они в коллекции оказались, весь этот *путь* приобретения, *приключения*, которые были

с ними связаны. Может быть, это и есть самое ценное в нашей жизни — память, воспоминания, которые остаются навсегда вместе с нами, которые с нами живут? «Пока я помню — я живу...»

— Ну, как, нравятся бабочки? — спросил Володя, выводя меня из задумчивости.

— Нравятся,— ответил я.— Но только... Они все здесь вместе и мертвые. Когда живые, это совсем по-другому. Вчера на сопке...

Володя понял меня. Он ведь и сам был такой, как я. Помню, что в его первом письме, адресованном через журнал, больше всего мне нравилась мысль о том, что хочется поделиться красотой с другими. Не мертвой красотой, которую только и может передать мертвая бабочка. Живой красотой. Которую хоть в какой-то степени может передать фотография.

— А с чего началось у тебя, Володя? — спросил я.

И постепенно он рассказал. Наша беседа растянулась надолго. Иногда, волнуясь, он так повышал голос, что Клавдия Федоровна, заходя в комнатку, просила его говорить потише: слышно во всем музее.

Так что пришло, очевидно, время поведать мне историю Володи Мещерякова, поучительную историю и, по-моему, прекрасную.

Началось с того, пожалуй, что держал рыбок в аквариуме. И аквариум, и рыбок купил отец, который сам восхищался, глядя в этот освещенный электрической лампой мирок, где в куще изумрудных растений плавали алые меченосцы, гонялись за серенькой самочкой маленькие, ярко раскрашенные самцы гуппи, удивительные хвосты которых отдаленно напоминали уже крылья экзотических бабочек. Отец умер, когда Володе исполнилось семь лет, исчез куда-то и аквариум. Но осталась, конечно, память. А жили они тогда на Урале, в городе Магнитогорске.

Классе в третьем-четвертом школы был однажды на рынке, увидел, что продают рыбок гуппи. Купил. Выпросил у матери и аквариум. Это был уже его, личный аквариум. Узнав, что на городской станции юннатов тоже есть рыбки, Володя пришел туда, попросил, чтобы ему разрешили ухаживать за ними.

— Сначала будешь чистить птичьи клетки и террариумы, так у нас принято,— сказали ему.— А если не надоест, пустим и к рыбкам.

Не надоело. Кружок занимался два дня в неделю, а

Володя приходил туда чуть ли не каждый день после школы.

Летом на следующий год поехал в пионерский лагерь. Однажды в лагерь приехали юннаты. Володя Мещеряков отправился с ними на экскурсию. Одна из девочек бегала с сачком, гонялась за бабочками. Увидели траурницу. Руководительница сказала, что это редкая бабочка и нужно ее обязательно поймать. Девочка не смогла поймать ее, дали сачок Володе. Первый раз он держал в руках сачок для ловли бабочек, мог ли он знать, каким знаменательным будет этот день в его жизни?

Может быть, если бы он поймал эту прекрасную бархатную, темно-шоколадную со светлой каймой и небесно-синими точками вдоль каймы бабочку, которую раньше называли и вовсе поэтично — «траурная мантия»,— может быть, если бы он тогда сразу поймал ее, ничего бы и не было? Страсть не вспыхнула бы в нем и жизнь пошла бы совсем по-другому? Но он не поймал. Как же так? Неужели он, молодой человек, юноша, ловкий и быстрый, не мог поймать пусть чуткую, увертливую, но все же всего-навсего бабочку? Не смог...

Юннаты уехали, а Володя достал где-то сачок и уже специально ходил к тому месту, где встретили траурницу. Это была настоящая охота. Увидев бабочку, он начал наблюдать за ней. Ему вдруг стало ясно, что мелькающие над цветами на лугу и в лесу пестрые крылатые создания на самом деле все разные. И по виду разные, и по характерам своим. Одно только слово — «бабочка», но оно, оказывается, объединяет стольких...

— С этой бабочки, траурницы, для меня начал делиться мир,— сказал теперь Володя Мещеряков, ставший взрослым человеком.— Я понял, что у каждого существа — не только у бабочек, но даже у деревьев, кустарников — свой собственный образ жизни, характер даже, своя психология. Конечно, я не мог бы тогда так складно выразить это, но — почувствовал. Когда вернулся из пионерского лагеря и опять пришел на станцию юннатов, то уже совсем другими глазами смотрел на коллекцию, которая там была. Был в той коллекции и хвостоносец Маака, но очень сильно потрепанный, крыло надломано. Стал его реставрировать, клеить. Удивительная бабочка, не похожая ни на какую другую. Неужели у нас в стране водятся такие? Вот бы увидеть ее на воле...

Стал читать «Жизнь животных», третий том, где рас-

сказывается о насекомых и пауках. Оказалось, что водятся хвостоносцы у нас, но только далеко, на Дальнем Востоке. Где уж мальчишке до Приморья добраться! Пока стал ловить разных бабочек, очень увлекли аполлоны, которые в окрестностях Магнитогорска в горах встречаются. Изучал места, знакомился с привычками и характерами. Бывало жалко, конечно, убивать такую красоту, превращать живых и летающих в неподвижных, намертво застывших на расправилке. Но побеждал охотник...

И вот в семидесятом году, в октябре, статья о поимке Пенелопы А. И. Куренцовым в «Комсомольской правде». Принесли ребята: «Вот, смотри, как надо ловить! «С риском для жизни, среди скал, отважный советский исследователь поймал...»

Статья врезалась в память, во сне снилось, как он, Володя, карабкается по кручам с сачком, чуть не срываясь в пропасть. Но до Приморья так далеко! Нужно ехать на поезде до Владивостока, а там... И принялся Володя Мещеряков, пятнадцатилетний молодой человек, копить деньги. Железнодорожный билет стоит рублей тридцать — сорок, а ведь надо будет еще что-то есть...

На Новый год ребята соорудили стенд с поздравлениями для каждого. Для Володи Мещерякова огромная бабочка аполлон держала свиток, на котором было написано: «В комара ты превратись, в щель вагона заберись, на Восток ты поезжай, Пенелопу там поймай».

Соль на рану! Как же это превратиться в комара? Но деньги все же копил. По гривеннику, по пятачку. Каждая монета, казалось, приближала Мечту...

К весне 72-го накопил сто двадцать рублей. Принялся собираться. Собаку хотел взять с собой, овчарку Альму. И тут деньги украли. Так до сих пор он и не понял, каким образом, кто. Кто-то, наверное, захотел посидеть в ресторане, разменяв Мечту на тусклый хмель, который хоть не надолго, но скрасит отчасти полное отсутствие такой Мечты.

Какой самообман! Как по-разному можно тратить деньги! Сидящие от скуки в ресторане понимают ли, *что* могли бы получить они за те же деньги, если истратить их на билеты, на снаряжение, на покупку скромных дорожных припасов? Разве можно сравнить хотя бы один день пребывания в джунглях деревьев и трав — день яркой, полной захватывающими событиями жизни — с длинной чередой однообразных, опустошающих ресторанных сидений? Но нет, никогда не поймут они Володю Мещерякова, потому что они просто-напросто никогда не испытывали того, что испытал он.

Добрая мать Володи собрала ему все же 70 рублей, выделила из скудного вдовьего бюджета. А на станции юннатов путешественнику подарили целую гору консервов. Все уже знали...

Только вот Альму пришлось оставить.

И 20 июля 1972 года Володя Мещеряков выехал на Дальний Восток. О клещах знал, конечно, но не думал о них. Думал о Пенелопе.

ОХОТНИК-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Задолго до Володи Мещерякова — в 20-х годах нашего века — Пенелопой «заболел» Алексей Иванович Куренцов, который, кстати, тоже родился не в Приморье, а в Орловской губернии. Но, попав однажды на Дальний Восток, был навсегда пленен им и похищен у средней полосы России. Довольно скоро он отыскал Пенелопу, поймал ее и тем самым доказал, что она не вымерла, а все еще существует в Приморье. Заметка в «Комсомольской правде», таким образом, здорово запоздала.

Алексей Иванович, к сожалению, не держал секрета о тех местах, где он ловил эту редчайшую и ценнейшую бабочку, писал о них в книгах, говорил знакомым, а потому с тех пор, как стало известно о ее поимке, коллекционеры принялись охотиться за Пенелопой и некоторым удалось ее обнаружить и, конечно, поймать.

Когда семнадцатилетний Володя Мещеряков ехал в Приморье, он не знал мест обитания Пенелопы, не знал и ее предысторию, не читал книг А. И. Куренцова, потому что просто не мог достать их в Магнитогорске. Встретиться же с самим отважным исследователем была, конечно, его «розовая», по его собственному выражению, мечта, может быть, даже не менее «розовая», чем поимка неуловимой бабочки.

Добираться он решил до Арсеньева, потому что еще с позапрошлого года переписывался со здешней станцией юннатов.

Ехал долго: сначала до Читы, потом до Хабаровска. Сложность была и в том, что Приморский край считался пограничным районом, а пропуска у Володи не было.

В Хабаровске взял билет до Уссурийска, однако вышел в Спасске-Дальнем, где и купил случайно сданный билет на Арсеньев.

Только 29 июля он наконец прибыл в Арсеньев. Было воскресенье, 2 часа дня. Станция юннатов закрыта, никого нет, а других адресов у него не было. Вернулся на вокзал. Решил там ночевать. Наблюдал ночью за летом бабочек, которые хлопьями кружились у фонарей. Впервые в жизни видел тропический ливень. Потом немного поспал.

Утром пришел на станцию юннатов, и там сделали большие глаза. Далекий гость не предупредил о своем приезде: боялся, что ему не позволят. И уж конечно, никто и думать не мог, что приехал-то Володя не на время, а уж, во всяком случае, до тех пор, пока не удастся поймать Пенелопу.

Здесь он познакомился с Клавдией Федоровной, директором музея, увидел, как он выразился, «замызганных» бабочек. Его уговаривали уехать: ведь жить-то негде. Он согласен был ночевать где угодно. Хоть на вокзале. Только вещи просил поставить. Устроили все же в общежитие.

Наконец кто-то предложил ему поселиться на построенной, но до конца еще не отделанной даче — одной из тех, которую я проезжал вчера, направляясь на автобусе к сопке. Доверили ключ.

Всех теперешних дач тогда еще не было, не было и новой дороги к телевышке, самой телевышки не было. Дорога была старая — крутая просека с подъемником вдоль нее, для лыжников.

Вокруг дачи был лес. Каждый день Володя пешком поднимался на сопку по лыжной трассе. Можно только догадываться о том, что чувствовал он, оказавшись в этом раю Живой горы. Он был настолько ошеломлен увиденным, что даже не ловил бабочек. Жалко было ловить. Ничего подобного он никогда не видел и не подозревал.

Гора жила бурной жизнью — в июле она еще более бурная, чем во второй половине августа,— и по лыжной дороге летом никто не ездил, никто не пугал махаонов, не сшибал их. Они десятками сидели у луж. Не только они, но и переливницы Шренка, бархатницы. Все было ново — даже полет здешних бабочек был не такой, как у уральских. У любимого привычного аполлона полет плохой, вялый, очень уж легко его поймать. Хвостоносец Маака, наоборот, быстр, чуток в полете. Несмотря на то, что крылья у него огромные, по сравнению с маленьким тельцем, ничего не стоит ему уклониться от взмаха сачка. Еще

более стремителен, чуток полет переливницы Шренка, но особенно впечатляет она, когда на высоте нескольких метров летит, словно планер, не двигая крыльями, скользя на восходящих воздушных потоках — и солнце просвечивает сквозь ее великолепные крылья.

Прошло первое ошеломление, и он начал ловить бабочек для станции юннатов в Магнитогорске. На станции юннатов здесь, в Арсеньеве, поняли, как на самом деле он увлечен, убедились в его «серьезных намерениях». Дали ему почитать книги А. И. Куренцова. Книги окончательно сразили его. Особенно понравилась «В убежищах уссурийских реликтов». Читал — и тут же отправлялся в тайгу, на поиски.

Появился жгучий интерес к изучению бабочек. Оказалось, что не одна Пенелопа достойна пристального внимания охотника. Есть еще ленточница исключительная, серецин, альциной, уранида уссурийская, данаида. И не только бабочки, но и другие насекомые — реликтовый усач (каллипогон реликтус), розалия уссурийская, жужелица Шренка, кузнечик Куренцова...

Захватывающий, восторженный поиск! О Пенелопе не забывал, но она пока была в неопределенном будущем — в окрестностях Арсеньева она не встречается, нужно ездить, искать.

И наконец, еще одно знаменательное событие. Володя Мещеряков встретился с Алексеем Ивановичем Куренцовым. Подробно об этом событии Володя теперь не рассказывал, потому что писал о нем в письме еще в прошлом году. Привожу письмо почти полностью.

«Познакомился я с Алексеем Ивановичем в 1972 году, 1 сентября. В этом году он приезжал на открытие памятника В. К. Арсеньеву. Тогда я про Куренцова знал только то, что он был почетным членом Французского Королевского географического общества (это я вычитал в «Комсомолке») и то, что он поймал Пенелопу. Познакомиться с ним была моя самая «розовая» мечта, в которую я тайно верил, хотя надежда на то, что она осуществится, была совсем крохотная. В тот день я искал местного учителя географии, потому что, мол, у этого учителя дочка занимается насекомыми и у этой самой дочки я мог раздобыть некоторых бабочек, которых не смог собрать. В тот день музей в первый раз открывался после реэкспозиции, а так как Иван Максимович (учитель) был одним из немногих людей, которые принимали участие в сборе материалов для музея, то

он непременно должен был быть там в такой необычный день.

С энтомологической коробкой под мышкой, в которой было несколько обменных экземпляров бабочек и жуков, я направился в музей. В дверях музея сталкиваюсь с человеком, который вполне походил на учителя географии, не очень молодой, плотно сбитый, в берете.

— Извините, вы не Никонорkин? — спросил я (подобный вопрос мне приходилось задавать уже почти целую неделю — так неуловим был Иван Максимович).

— Нет,— ответил немолодой, плотно сбитый мужчина.

Мне осталось только еще раз извиниться и продолжить свой путь, но незнакомец заинтересовался моей коробкой: вообще мне приятно, когда интересуются насекомыми, и я с удовольствием делюсь своими скромными познаниями с такими людьми, которые спрашивают про насекомых. После того как я показал свою коробку, посыпались вопросы:

— Давно собираете? Где научились расправлять? Зачем принесли?

Просто настоящий допрос и на спецуровне. Когда речь зашла о литературе, тут-то я был совсем ошарашен.

— У вас есть мой определитель? — спросил он.

Сомнений не было, это был Куренцов, на некоторое время Вовка (то бишь я) даже потерял способность говорить. Вокруг уже собирались еще какие-то представительные дяди и тети, и мне стало совсем неудобно, потому что Алексей Иванович начал говорить что-то им про меня, затем он дал свой адрес и пообещал подарить мне свою книгу.

Мы переписывались, и на следующий год он предложил мне поработать лаборантом во время полевого сезона сначала в отряде одного из его аспирантов, а после того, как Алексей Иванович вернулся из отпуска, я перешел в его группу.

Наш отряд работал недалеко от того места, где Пенелопа, по предположениям Алексея Ивановича, должна была быть, но поимки ее в этом месте пока еще не было. И вот в начале сентября я упросил начальника отряда отпустить меня на несколько дней, чтобы попробовать найти эту перламутровку. Места там удивительно красивые. Обнажения скал, кое-где покрытые низкими кустиками сорбария и травой, обрамленные лесом, и водопад, падающий прямо к центру обнажения.

Вообще тот ключ в верховье своем состоит почти из порогов и водопадов разной величины, а первый — самый большой и самый красивый. У первого водопада я и остановился с палаткой. По нескольку раз в день обходил участок, где можно встретить Пенелопу. И вот однажды мои поиски увенчались успехом.

Подойдя ко второму водопаду, который был немного меньше первого, хотя подниматься на него было довольно трудно, я увидел вдруг, что над водопадом появилась бабочка, совершая круговой облет, и вновь скрылась за гребнем скал. Это могла быть только Пенелопа, потому как, даже впервые увидав ее, невозможно спутать с какой-нибудь другой. В погоне можно забыть про все на свете, и поэтому подъем на водопад стелился, как мне показалось, ровной дорогой.

Вот и верхняя площадка, устланная огромными мокрыми валунами, за ними небольшое озерцо, из которого вода стекает вниз. Небольшие кустики ивы пробились сквозь каменные теснины, слегка покачиваются на ветру, и на одном из таких карликовых кустов сидит необыкновенная бабочка.

Чем больше осторожности, тем больше неудач, и в этот раз, осторожно ступая по мокрым камням, я поскользнулся и свалился почти в самое озерцо. Глаз поднимать не хотелось — все, пропала моя добыча. А она сидит себе спокойно, как будто ее уже накололи на булавку. На камни теперь подниматься было незачем, так я пошлепал по воде, благо сачок остался сухим. Вся охота — это точный взмах сачка, и бабочка в кисее. Поместил я ее в баночку из-под яблочного пюре, сделанную под морилку, и остудил свои охотничьи страсти в том самом озерце, из которого вода падает с четырехметровой высоты.

На следующий день мне удалось поймать еще один экземпляр, к сожалению, я так и не увидел самочки этой бабочки.

Вот, пожалуй, и вся моя одиссея за Пенелопой».

Было это 9 августа 1973 года — еще один знаменательный день.

В письме, торопясь поведать о Пенелопе, он не написал, что вскоре после встречи побывал у Куренцова во Владивостоке и Алексей Иванович подарил ему экземпляр своего знаменитого определителя. Причем, как это часто бывает, ни одного свободного экземпляра у него не оставалось, но был уже подписанный для какого-то иностранца. Алек-

сей Иванович заклеил старую подпись и подписал книгу снова — Володе Мещерякову.

Куренцову охотник за Пенелопой и открыл «свои карты», то есть признался, что решил совсем остаться на Дальнем Востоке. Сначала думал, что пойдет на завод, но после встречи стало окончательно ясно, что никуда не уйдет со станции юннатов. Вернувшись в Арсеньев, устроился в ПТУ — на плотника. Специальность подходила уже потому, что можно будет самому делать энтомологические коробки и ящики...

Весь следующий, 1974 год пришлось прожить без Пенелопы, потому что ловил микролепидоптер (маленьких бабочек) для аспирантки Алексея Ивановича и не мог вырваться в заветный район. Но зато поймал еще одну редчайшую бабочку — ленточницу исключительную.

Потом началась практика, затем выпускные экзамены, и, наконец, Володю призвали в армию. Служил на Сахалине, работал чертежником, работы было очень много...

А в 1975 году умер Алексей Иванович.

В 1977 году Володя Мещеряков вернулся в Арсеньев и следующим летом отправился искать Пенелопу вновь. Узнав ее кормовое растение, он начал с того, что искал именно это растение — один из видов фиалки. Подходил как исследователь. Все же встретиться с Пенелопой удалось лишь еще через год — в августе 1979 года. На этот раз Володя Мещеряков обнаружил район ее стойкого обитания и поймал еще несколько самцов и — наконец-то! — одну самочку.

Музейные экземпляры в Арсеньеве и Владивостоке пойманы Алексеем Ивановичем Куренцовым и им, Володей Мещеряковым. Показав Пенелопу в музее Биолого-почвенного института города Владивостока, заведующая коллекциями бабочек Нина Александровна Азарова обычно переходит к соседнему стенду и демонстрирует огромную, ослепительно синюю тропическую бабочку из семейства морфид, которая называется Улисс, что то же самое, как известно, что и Одиссей.

Пенелопа живет в Южном Приморье в Советском Союзе, Одиссей — в джунглях Амазонки, в Бразилии. Вот как разбросала судьба легендарных «супругов»! Трудно амазонскому Одиссею добраться до своей «жены», приморской Пенелопы... Но, как говорят, свято место пусто не бывает. У приморской Пенелопы нашлись свои Одиссеи.

Сначала Алексей Иванович Куренцов, а потом Володя Мещеряков не оставили без своего пристального внимания красавицу-перламутровку!

«А ГУСЕНИЦЫ КУСАЮТСЯ!»

— Если хочешь, давай ловить ночью на свет,— сказал мне Володя Мещеряков в этот же вечер.— Павлиноглазки должны лететь — дубовые, японские. Медведицы, конечно, пяденицы, шелкопряды... А утром сфотографируешь.

Еще бы не хотеть! Коконы моих павлиноглазок пока так и лежали без движения в гостиничном шкафчике, ничего из них не выводилось, а о ночных бабочках Приморья я наслышался еще в Москве от Павла Ивановича Бегова, видел их и в коллекциях. Ночные бабочки иногда красивей дневных, есть в них к тому же таинственность. Если трудно понять, для чего дневным бабочкам нужна столь яркая, столь прекрасная для человеческого глаза окраска, то тем более непонятно, почему ночные бабочки, летающие в темноте, так красивы. Хотя красота их гораздо менее яркая.

Мы договорились, что завтра после очередного путешествия на сопку я не вернусь в Арсеньев, а подойду к одному из пионерских лагерей, расположенных у конечной остановки автобуса. В этом лагере всю ночь горят лампы дневного света на столбах, и именно вокруг них собираются хороводы ночных летуний.

Опять побывал я на Живой горе Халаза, любовался на махаонов, сидел на первом и втором поворотах, пил воду из родника, ел малину, фотографировал — то есть подкрадывался, сгибался в три погибели, становился на колени, на четвереньки, ложился на бок, навзничь, ползал... И — слава богу! — не нашел на себе ни одного клеща.

Эта гора принадлежит Восточному Синему хребту Сихотэ-Алиня. Синий хребет, зеленые сопки, сине-зеленый махаон... Может быть, здесь разгадка? И тогда светленькое, в пастельных тонах дерево амурского бархата ни при чем. Окраска сине-зеленого махаона выражает, значит, впечатление от всего Синего хребта, прекрасная бабочка передает его в наибольшей мере и концентрированно.

Еще до того, как я читал книги, подобные книгам Арсеньева, во мне сидела глубочайшая, по-видимому врожденная, уверенность, что живое не может не отвечать

на добро добром. Сколько раз встречал я подтверждение этому, когда фотографировал, не ловя, бабочек, стрекоз, пауков, жуков! По-моему, они всегда чувствуют отношение к ним, и, если ты не собираешься их ловить, не улетают. В чем здесь дело? В биополях? Возможно... Какой бы ни была причина, но это вдруг возникающее чувство взаимной симпатии, уважения составляет особую прелесть честной фотоохоты. Контакт бывает иногда удивительным: прошлой осенью мне удавалось гладить пальцами крылышки живых и вольных подмосковных стрекоз, и они не улетали. Тут-то и начинаешь понимать знахарей, заклинателей: есть в мире живого силы, которые пока неизвестны нам. Хотя все чаще и чаще я прихожу к мысли давно известной: главная сила, движущая жизнью, любовь. Пусть чувство это и не всегда так просто, как кажется на первый взгляд.

В Приморье я иногда нарушал свой главный завет: не приносить вреда, не ловить, не убивать. Что поделаешь: ведь я не знал, смогу ли еще когда-нибудь повстречать ту или иную бабочку — сезон их лета кончался, я вот-вот покину эти места, а погода весьма неустойчива. Иной раз нужно было поймать для того, чтобы поточнее определить вид бабочки... Но лучшие снимки были, конечно же, те, когда главный завет не был нарушен. К тому же многие бабочки здесь — ксуты, например, а особенно махаоны Маака, прекрасные летуны. Поймать на лету синего красавца совсем не просто, сколько раз я позорно проигрывал в единоборстве, когда бабочка ускользала от моего сачка, делая изящный финт в сторону и оставляя меня в дураках. Так что охота здесь была сравнительно честная. И еще было правило, которому я следовал уже неуклонно: тех, кто подпускал меня близко, позволяя фотографировать, я не ловил.

Усталый, но счастливый — счастливый оттого, что почти наверняка сделал хоть несколько удачных кадров — ведь три пленки истрачено! — подходил я к воротам пионерского лагеря «Смена».

Вечерело. Легкая хмарь, которая почти весь день заволакивала небо, замутняя блеск солнца и приглушая небесную синеву, рассеялась, а небо стало ярко-голубым и настолько прозрачным, что еще при солнечном свете сквозь него проступил бледный серпик луны. Опять возникло ощущение тихой торжественности перехода — ни ветерка, ни звука.

У входа дежурили пионерки, две симпатичные девочки, увидев меня с двумя фотоаппаратами и фотосумкой, они тотчас сказали, что «экскурсник, который в очках и с сачком» уже спрашивал меня, ушел, но скоро придет.

— Почему же «экскурсник»? — спросил я.

— А он нам экскурсию делал в музее,— ответили девчушки и тотчас засыпали меня вопросами и просьбами.

— А что вы делаете? А кого фотографируете? А зачем? А нас сфотографируйте!

Но я сказал, что темно уже для фотографии, что было правдой, и попросил проводить к начальнику лагеря.

Начальник пионерлагеря Игорь Федорович, энергичный, молодой мужчина, внимательно и несколько настороженно выслушал меня, но быстро понял и любезно разрешил ночную охоту, тем более, что Володю Мещерякова знал как сотрудника музея, «экскурсника». Он посетовал, что я опоздал к ужину, справился в столовой, не осталось ли чего — выяснилось, что не осталось, но я его успокоил, ибо взял с собой кое-что по уговору с Володей,— затем проводил меня к корпусу и с рук на руки сдал совершенно очаровательной молодой девушке, студентке Хабаровского биолого-почвенного института, которая проходила здесь практику.

Девушку звали Лена.

Лена провела меня в спальню мальчиков среднего отряда, показала кровать, на которой я смогу отдохнуть, когда наши ночные путешествия закончатся. Ребята тотчас окружили нас, сначала спрашивали, а потом наперебой сами принялись рассказывать, кто какого жука видел или бабочку.

— У нас около туалета много бабочек днем летает. Махаоны синие...

— И желтые! Я желтых тоже видел!

— И ночные утром сидят. Прямо на стенках...

—• А знаете, какого я жука видел? Вот такого!

— А лягушек вы фотографируете?

— А Сережка вчера стрекозу поймал и голову ей оторвал...

— Врешь, она сама оторвалась!

— А я гусеницу видел, зеленую, большую!

— Дядя, а зачем вы их фотографируете?

— Для книг, сказали же! Не понимаешь, что ли?

— А у девчоночьего туалета тоже махаоны летают...

— У нашего все равно больше!

— А я змею видел!
— А гусеницы кусаются?

Ну, в общем, отреагировать на все заявления и ответить на все вопросы было, конечно же, невозможно, и мы с Леной вскоре покинули мальчишечью палату, а когда вышли, то я поразился тому, как быстро стемнело. Уже замерцали первые звезды, но это, увы, не радовало, потому что у ночных бабочек совсем иное, нежели у дневных, отношение к погоде. Самый сильный лет ночниц бывает именно в пасмурные теплые ночи, даже если сеется тихий дождь.

Тут к нам подошел Володя со своим приятелем, которого звали Серегой. Ему было лет восемнадцать.

НОЧНОЙ ЛОВ

Почему именно с ночью связано столько романтических историй, столько стихов и поэм? Казалось бы, мы так любим солнце, его тепло и свет, которым, собственно, и обязана жизнь на Земле; без Солнца Земля тотчас превратилась бы в мертвый ледяной шар. Все разнообразные краски дня, так радующие наш глаз, тепло солнечных лучей, ласкающее нашу кожу, кипучая дневная жизнь и бодрость — все это пропадает с заходом солнца. Даже Луна, этот классический символ поэтов и влюбленных, ведь только потому и существует для нас, что отражает солнечные лучи. И все же мы любим ночь. Она посвящена не только блаженному отдыху. Она посвящена любви.

Есть животные, для которых ночь — это то же самое, что для нас день. Их главная активность приходится именно на ночные часы, а днем они отдыхают, спят, забравшись в какие-нибудь укрытия. Ночь существует для них постольку, поскольку земля хранит тепло — результат дневной солнечной деятельности,— поскольку деревья, кустарники, травы полны замершей на ночь жизни — жизни, которая только и может быть поддержана с приходом дня, появлением солнечных живительных лучей, благодаря которым и происходит процесс фотосинтеза. Ночные животные все равно пользуются энергией солнца, сконденсированной в теплоте ли воздуха и земли, в зелени, в питательных веществах, которые образовались именно благодаря Солнцу, могучему светилу, истинному творцу жизни земной.

Однако днем, когда каждый может счастливо лицезреть солнце воочию, ночные животные спят.

Они пробуждаются с наступлением темноты.

Ночные бабочки всегда интриговали меня. Этот неудержимый и целеустремленный полет к источнику света ночью и паническое бегство от света днем. Своеобразный облик — мохнатость брюшка, мягкость, шерстистость крыльев, пушистость длинных усов, особенно у самцов. Однажды я узнал, что именно при помощи усов самец находит самку на немыслимом расстоянии — до 18 километров! Но до сих пор никак не могу согласиться, что свойство, по которому он находит ее, запах. Запах, то есть растворенные в воздухе молекулы пахучего вещества,— на столь большом расстоянии? Запах — при том, что в воздухе роится неисчислимое множество других молекул, совершенно беспорядочно переносимых то порывами ветра, то флюктуационными потоками, то просто диффузией, то движениями живых существ? И ведь самец ориентируется очень быстро, хотя даже для беспрепятственного распространения пахучих молекул потребовалось бы на большом пространстве очень немалое время («броуново движение») . Сомнительно! Нет ли здесь обычного свойства человеческого мышления, стремящегося все необычное свести к привычному? Впрочем, до сих пор ученые не пришли к единому мнению по поводу механизма восприятия запахов. Да и сам запах — что это? Может быть, восприятие запаха вовсе не механическое, не «корпускулярное»? Есть теперь уже и волновая теория запахов... Не то же ли было и со светом: сначала конфликтовали корпускулярная и волновая теории, а теперь физики пришли к здоровому компромиссу...

Ребята тихо спали в палатах, горели неоновые фонари на столбах на пустой территории лагеря, ослепительно светились окна столовой, вокруг этих источников света уже летали бабочки быстрыми хлопьями, а мы вчетвером — Лена, Володя, Серега и я — решили сначала сходить на дачу к Сереге, благо она была совсем рядом, потому что, как сказал Володя, главный лет начинается позже.

Я уже сказал, что Лена была очаровательной девушкой: складненькая, стройная, очень милая, с приятным голосом, симпатичная, хотя какой у нее был нос, какие глаза, какого цвета волосы, я сейчас сказать не могу. Да и в том ли дело! Просто ночное наше, само по себе романтическое, мероприятие приобрело еще большую романтичность от присутствия Лены.

Мы поужинали в темной комнате Серегиной дачи —

электричество у них почему-то не работало и источником света нам служил карманный фонарь, направленный в потолок,— а затем оставили дачу и вышли в ночь. Ночь была ясная и холодная. Луна скрылась за сопками, но сверкали звезды, и это, увы, было плохо, потому что, как я уже говорил, у ночных бабочек все наоборот — самый хороший лет в пасмурную погоду.

Какой будет наша охота? Каких бабочек мы увидим? Вдруг прилетит артемида, голубовато-зеленоватая, лунно-призрачного цвета ночница, по-моему, самая красивая из ночных приморских бабочек, самая таинственная и «тропическая», не похожая на других — крупная, с удлиненными концами задних крыльев... Хотя время ее лёта как будто бы отошло, но все-таки: вдруг?

Есть еще очень красивая и даже страшноватая своей огромностью и выразительностью рисунка брамея. При взгляде на нее вспоминаются сказки про леших, Бабу-Ягу, Кощея Бессмертного. Волнистые темные линии на ее крыльях похожи на какие-то непонятные письмена. Она тоже летает раньше: в июне — июле, но...

Вокруг фонарей по-прежнему носились белые хлопья, но это все самки непарного шелкопряда. Их было много, они не только кружились, но сидели на столбах, на траве под столбами, ползали и тут же откладывали свои яички. Непарный шелкопряд — серьезный вредитель. Непарным он называется потому, что самец и самка сильно различаются по размерам и окраске: самка почти совсем белая, с едва заметными, словно вылинявшими линиями и точками, крупная; самец — маленький и коричневатый. Шелкопряд — потому что коконы его гусениц сплетены из своеобразного шелка, который, правда, в отличие от шелка коконов китайского шелкопряда, не годится для выделки ткацких нитей. А вредит он потому, что размножается в гигантских количествах, и гусеницы его обгладывают листья очень многих деревьев, в том числе и садовых, до самого основания.

Позже мне рассказали, что в Приморье непарного шелкопряда было особенно много в прошлом году — так много, что по вечерам и ночью из-за бабочек почти не видно было фонарей. Волоски и чешуйки некоторых бабочек, попадая в носоглотку и бронхи человека, могут вызвать жестокую аллергию, и в прошлом году многие жители Приморья попали в больницу...

Вредность, да еще и многочисленность не вызывают

симпатии, мы смотрели на шевелящихся крупных белых бабочек с брезгливостью. Их кладки тоже выглядят неприятно, хотя нельзя не отметить и здесь изобретательности природы: яички, которые выпускает самка из конца брюшка, смешаны с большим количеством густых, тонких, слипающихся друг с другом волосков, похожих на войлок. Вся кладка представляет собой, таким образом, довольно жесткую войлочную нашлепку диаметром в два-три сантиметра, надежно прикрывающую несколько десятков смешанных с войлоком яичек. Войлок не горит и не пропускает ни влаги, ни какой-либо химии, не позволяет и хищникам добраться до «яичницы». И он хорошо защищает от холода — яички бабочек под войлочной нашлепкой зимуют! Даже соскребание кладок непросто, поэтому почти из всех отложенных самкой яичек выведутся гусеницы. Столбы под фонарями были уже сплошь в войлочных нашлепках...

Первую красивую бабочку обнаружила Лена. Недалеко от столба в траве ползало небольшое, но очень симпатичное создание: с рябыми серыми крыльями и совершенно розовым брюшком. Володя назвал ее розовым шелкопрядом, но это была бабочка из семейства волнянок с трогательным названием «монашенка». Правда, несмотря на столь скромное имя, субтильное это создание в годы массового размножения бывает серьезным вредителем, как и непарный шелкопряд. Однако, в отличие от шелкопряда, монашенка удивительно симпатична, не понимаю только, почему ее так назвали: вид у нее, наоборот, очень жизнелюбивый, даже, я бы сказал, оптимистический. Я осторожно посадил очаровательное, хотя и вредное, существо в бумажный пакет — чтобы сфотографировать утром.

Затем Лена же увидела крупную дубовую павлиноглазку, которой я, естественно, очень обрадовался. Даже при искусственном свете фонаря было видно, что крылья у нее великолепного светло-коричневато-розового цвета с тонкими темными полосками, идущими на некотором расстоянии от краев — так что получаются как бы оборочки по краям всех четырех крыльев,— и с совершенно прозрачными глазками-оконцами на каждом крыле, похожими на слюдяные иллюминаторы. Насколько неприятными казались самки непарного шелкопряда, перепачканные в войлоке своих бесчисленных кладок, настолько милой была эта павлиноглазка — я осторожно взял ее, толстенькую, шелковистую и мягкую, спокойно сидящую в траве, и тоже

упрятал в пакет. Потом уже я нашел павлиноглазку чуть поменьше первой, но зато другого цвета — канареечно-желтую и тоже с оборочками и иллюминаторами. Наконец мы подошли к ярко освещенной веранде столовой, и тут уже было целое общество.

Это напоминало ночной карнавал... Словно в бархатных плащах, темно-шоколадных с белыми разводами, медведицы кайя — аристократы, спокойно взирающие на всю остальную мельтешащую братию. Под плащами верхних крыльев открывались у них совершенно удивительные нижние — оранжевые, с крупными ярко-синими пятнами,— медведицы иногда нехотя приоткрывали их, чтобы все видели... Кое-где сидели элегантные кишмишовые пяденицы с затейливой желтоватой мозаикой на крыльях и худеньким стройным тельцем, а по соседству — пяденицы зеленые, действительно совершенно зеленые, с едва заметными полосками и рябинами более светлого оттенка, тоже худенькие и изящные (может быть, это были представители «золотой» и «зеленой» молодежи?). Медленно ползали красавицы желтые ленточницы с маскировочными буровато-пегими верхними крылышками и широкими ярко-желтыми «лентами» на нижних. А вокруг ламп кружилось в танце множество разнокалиберных мелких: худышки пяденицы, толстушки совки, серенькие капюшонницы, светленькие волнянки, и были они всех оттенков бурого и серого цвета, с пятнышками, рябинками, крапинками, полосками — совсем уж молодежь, мелкота, веселящиеся «подростки»... Под самым потолком важно восседали две огромные дубовые павлиноглазки опять новых оттенков — светло-коричневых, желтых и розоватых. В их величине и неподвижности, казалось, есть что-то королевское или, на худой конец, княжеское...

И конечно, повсюду сидели, ползали, откладывали яички или просто бились в стекла белые самки непарника, одни только самки, самцов почему-то совсем не было — этакое шелкопрядное «бабье царство».

Поразительно! Всех этих многочисленных ночных летуний почти невозможно обнаружить днем, способность прятаться у них удивительная. Но вот лучи искусственного света в ночи привлекли их, и стало ясно, что темнота и неподвижность ночного леса обманчивы, он населен многообразной кипучей жизнью; жизнь в природе не останавливается ни на минуту, хотя мы с вами ночью спим, и сколько же еще в мире того, чего мы не видим, не знаем, о существовании чего даже иной раз не подозреваем! Миллионы бабочек дышат, переваривают пищу, ползают и летают, гибнут и спасаются от врагов, испытывают боль и блаженство, рождаются, любят и умирают, оставляя после себя многочисленное потомство, а мы подчас даже не замечаем жизни, которая кипит рядом с нами, вокруг нас. Жизни своеобразной, не похожей на нашу, таинственной. Жизни, которой тоже нет никакого дела до нашей, человеческой жизни. Кто знает, какие способы общения подарила им природа? Может быть, они ведут оживленные разговоры на непонятном нам языке? Ведь язык этот может быть совсем новым для нас — жесты ли (ведь подсмотрел же шведский ученый Карл Фриш именно такой язык у пчел!), новые ли, неизвестные нам волны (ведь ищет же французский ученый Реми Шовен нечто наподобие «телепатии» у насекомых, и есть уже опыты, которые как будто бы подтверждают существование биополей...). А может быть, тут есть и еще что-то, о чем мы пока даже и представления не имеем?

И почему, почему все же они так упорно летят на свет ночью, хотя не менее упорно прячутся от него днем? — вновь и вновь думал я.

Как и в отношении всего другого, здесь тоже, наверное, все дело — в мере. В конце концов, ведь не только благодаря энергии Солнца существует жизнь на Земле, а именно благодаря точной мере этой энергии. Сомнительно, осталась ли бы жизнь на нашей планете, если Солнце вдруг вспыхнуло бы, усилив свое излучение в несколько раз... Да, пожалуй, все дело в мере. Мера — вот суть вещей! Ночь, теплая летняя ночь прекрасна не тем, что солнце ушло за горизонт и его нет. Она прекрасна тем, что наступает новая мера, и наше тело, наш мозг, уставшие за день от большой теплоты и яркого света, теперь получают передышку. И, безусловно любя светило — можно ли не любить источник всей жизни? — расставшись с ним на время, мы начинаем больше его ценить. Наши чувства вдогонку ему обостряются, они становятся тоньше, новая мера делает их глубже, значительнее.

А любовь? Да, наша человеческая, прекрасная и животворящая любовь... С ней — так же. Ведь известно: ничто так не разжигает истинную любовь, как препятствия, как временное отсутствие предмета любви. Ромео и Джульетта вошли в историю и стали всемирно известными возлюбленными именно потому, что их любви мешала враж-

да между родами Монтекки и Капулетти. Если бы ничто не препятствовало соединению этих влюбленных и они спокойно бы поженились, вряд ли о них была бы написана великая драма Шекспира. Знаменитые сонеты Петрарки, посвященные его любимой Лауре, тоже родились, вероятно, только потому, что поэт был разлучен с любимой... Все дело — в мере.

Что же касается ночных бабочек, то я давно уже придумал свою версию: они так упорно летят на свет ночью именно потому, что очень любят его, так любят, что не в силах вынести в больших количествах днем. Тонкие и чуткие, эти существа догадываются, что все чрезмерное несет гибель. Хотя... Хотя есть вполне строгое научное объяснение неудержимому полету ночных насекомых на свет, объяснено даже, почему мотыльки обжигают свои крылышки о пламя свечи и гибнут. Но... Не хочется приводить здесь эти сухие доказательства, да и нужно ли?

Вокруг пионерлагеря, расположенного в долине реки, высились сопки. Даже во мраке ночи угадывались их могучие силуэты на фоне звездного неба. Сколько же сейчас там, в дремучей темной тайге, встреч, расставаний, трагедий и драм, смертей и рождений, свадеб и разлук, о чем неведомом могли бы рассказать случайно залетевшие сюда крылатые обитатели леса?

Часа три ходили мы по пустынной территории лагеря. Опять-таки Лена обнаружила на стене дощатого строения, в котором горел свет, очень редкую и очень красивую бабочку пяденицу, которая так и называется: «великолепная». Бабочка эта — словно невеста в белом кружевном платье с зеленовато-желтыми полосочками и аккуратными оборочками. Спокойно и беззащитно сидела она под самым потолком, нарядившись и ожидая прихода «жениха»...

Володя Мещеряков был особенно рад этой находке — даже для него, живущего в Приморье, пяденица великолепная представляла большую ценность: в музее Арсеньева был всего-навсего один ее экземпляр. Что же говорить, как обрадовался я, предвкушая утреннюю съемку «невесты»!

Артемид не было, не было и брамей: их время отошло. Жизнь нового поколения артемид и брамей проходила, очевидно, лишь самую первую стадию — даже гусеницы не вылупились из яичек.

Но зато мы нашли еще несколько дубовых павлиноглазок и среди них одну, самую крупную, которая сидела на стене бухгалтерии.

В третьем часу ночи простились с очаровательной Леной — она с утра должна была идти в поход с ребятами одного из отрядов. Ясно было, что больше мы с ней не увидимся, ее лицо в полумраке казалось мне грустным, хотя это была, конечно, усталость. Она так и осталась в памяти — призрачная незнакомка, словно бабочка, промелькнувшая в моей жизни, лишь на миг показавшая свои милые крылья.

Мужской компанией мы направились спать к Сереге.

Утром Володя уехал в Арсеньев, в музей, на работу, а мы с Серегой сначала фотографировали сине-зеленых махаонов и ксутов, которые, трепеща крыльями, садились на тигровые лилии, во множестве растущие на дачных участках, а потом осторожно вынимали из пакетиков ночных пленниц и, сажая их на ствол поваленного дерева, на пень, на кору живых деревьев, побыстрее, пока они не приходили в себя и не улетали, запечатляли на цветной пленке и их.

Прекрасной была та ночь на пустынной территории пионерского лагеря у подножия Живой горы Халаза Восточного Синего хребта Сихотэ-Алиня!

ЛОТОС

...И вот я узнал, что в окрестностях города Арсеньева есть озера, где сохранились в своем первозданном, естественном виде заросли легендарных цветов. Лотос! Священное растение Востока...

Мы с Володей Мещеряковым идем сначала по улицам Арсеньева, затем покидаем город и шагаем по щебеночной дороге к деревне Пухово, неподалеку от которой и цветет как будто бы лотос на разбросанных в пойме реки Арсеньевки озерах.

Скоро встречается нам другая маленькая деревушка, на лавочке у забора сидят девушки, и мы спрашиваем у них, далеко ли еще до озер и цветет ли там лотос. Они говорят, что до озер еще несколько километров и лотос как будто бы цветет.

Опять пасмурно, вот-вот собирается идти дождь, но мы упорно продвигаемся вперед в надежде на лучшее.

Наконец Пухово. Здесь живет Володин знакомый — егерь, который увлекается бабочками.

Леонид Андреевич Данилевич — худощавый высокий человек с пышной прической и добрыми серо-голубыми глазами — мне сразу понравился. Было у него довольно много ящиков с бабочками, а в этот день он как раз приводил в порядок свою коллекцию и некоторые из ящиков освобождал — то есть снимал с булавок трупики распятых красавиц и просто-напросто выбрасывал их... Столько напрасно загубленных! И все же в том, как он смотрел на бабочек, как показывал потом свою домашнюю коллекцию, как говорил о них, а потом рассказывал и о лотосе, к которому тотчас пообещал нас проводить,— во всем этом было нечто вызывающее симпатию, и, несмотря на множество жертв, которые мусором скапливались сейчас в одном из ящиков, я как-то подсознательно уже пытался его оправдать.

Володя тотчас затеял с ним разговор о местах обитания тех или иных редких видов — оказалось, что почти вся обширная коллекция составлена из бабочек, пойманных в окрестностях деревни Пухово, расположенной в долине речки Арсеньевки, бывшей Даубихэ. Володя сыпал научными терминами и принимал очень серьезный вид, когда спрашивал о чем-то, Леонид Андреевич послушно отвечал, а я внимательно рассматривал коллекцию, которая была, пожалуй, не беднее, чем в музее Арсеньева, и в очередной раз думал: что движет Леонидом Андреевичем в неутомимом этом собирательстве, что движет вообще коллекционерами бабочек? Инстинкт охотника, сочетающийся с радостью от приобщения к красоте? Бабочки со своей непонятной, не объясненной биологами красотой — это ведь словно осколки, хлопья, сгустки неуловимого счастья, намек на изначальную, непостижимую красоту, которой пронизана вся природа.

Наконец, под предводительством Леонида Андреевича, мы зашагали к озерам. Дорога шла по совершенно плоской, в несколько километров шириной долине реки, где-то впереди на этой равнине было несколько озер, поросших экзотическим священным растением. Тут-то Леонид Андреевич и начал свой рассказ. Рассказ, увы, грустный.

Именно здесь, оказывается, в долине реки Арсеньевки, расположены земли одного из совхозов, основная культура которого — рис. Рис и раньше сеяли в этих местах, но культура земледелия была, по словам Леонида Андреевича, правильной, и в ближайшем соседстве с рисовыми полями благополучно существовали озера, полные рыбы и густо

заросшие лотосом. Наступление на природу началось с того, что в совхозе образовали систему озер, соединив их каналами и сделав, таким образом, воду проточной. Сброс воды с рисовых полей пошел не в речку Арсеньевку, как раньше, а в озера. В них потекли и химикаты с полей, и помет домашних уток с совхозных ферм... Но это было только началом.

Один из врагов рисовых плантаций — сорняк просянка. Враг этот существовал и раньше, но тогда в культуру введены были «пары», то есть периодический отдых земли от посевов риса. Тут-то и освобождались от просянки, перепахивая «пары» именно тогда, когда сорняк давал всходы. Теперь от системы «паров» отказались, пойдя, как выразился Леонид Андреевич, по пути наименьшего сопротивления и призвав на помощь химию. И вот в июне прошлого года самолет рассеивал с воздуха гербицид, который, по словам специалистов, губительно действует только на просянку, никак не вредя рису. Что касается риса, то это действительно так. Но...

— Дунул ветер, и ядовитый порошок понесло в озера,— рассказывал Леонид Андреевич.— Вода кипела... Рыба металась, отравленная порошком, через некоторое время поверхность — вся белая. Это мертвая рыба всплыла. И лотос зачах. Раньше посмотришь на озеро — все розовое от цветов. А сейчас так, кое-где. Остатки. И рыбы практически нет. А рыба промысловая была, карась...

— Нр ведь это преступление,— сказал я.

— Да, верно. Краевая газета так и писала. Назначили комиссию. Подсчитали: убытки колоссальные, их и оценить невозможно. На совхоз наложили штраф — пятьсот тысяч рублей...

— Но ведь и это — государственные деньги. А из настоящих виновников кто-нибудь пострадал?

— Пострадал, как же...— Леонид Андреевич усмехнулся.— На директора совхоза и на агронома штраф наложили по сто рублей. Так они даже во Владивосток ездили, хлопотали, чтобы штраф с них лично сняли. Выложить полмиллиона совхозных — это пожалуйста, они согласны. А вот из своего кармана сто рублей — совсем другое дело. Сейчас под угрозой озера в соседнем районе. Там в озерах лотос специально ботаники посадили. Он разросся. Но там ведь пока риса нет. Теперь собираются вводить в культуру. Рис — хорошо, конечно, его надо сеять. Но ведь и обо всем другом нельзя забывать...

Наконец мы подошли к озеру.

Большие ярко-зеленые листья похожи на листья кувшинок, только значительно крупнее и некоторые приподняты над водой. А над поверхностью этого зеленого живого ковра — словно розово-красные факелы огромных цветов. Они, казалось, светились сейчас, в пасмурной полумгле, они действительно были как представители великого животворящего светила. Крупные лепестки отходили во все стороны, словно лучи,— розовые, живые солнца.

«Цветок лотоса — это корабль, на котором утопающий среди океана жизни может найти спасение»,— вспомнилась мне древняя индийская мудрость. Особенно выразительно звучало это сейчас, когда без солнца поблекли все краски мира.

«...Таким же поклонением, каким пользовался лотос некогда у древних египтян, пользуется теперь красный лотос у буддистов в Тибете и Монголии,— читаем мы у русского писателя Николая Федоровича Золотницкого в его удивительной книге «Цветы в легендах и преданиях», изданной у нас в 1913 году.— Один путешественник, посетивший недавно храм Ламы в горах Сиккима, описывает его таким образом: «Идол Будды помещается за алтарем под балдахином или за шелковой занавеской. По обеим сторонам вокруг него расположены пестро одетые и раскрашенные изображения святых старцев и женщин. Будда изображен сидящим с поджатыми ногами... а левая рука покоится на голове, держа лотос и драгоценный камень... Все стоят на пьедесталах и так представлены, что имеют вид, будто все выходят из красных, пурпуровых лепестков лотоса».

Само обращение к Будде звучит у буддистов так: «Ом мани падме», то есть: «Перл создания в лотосе», так как, по буддистскому верованию, сотворение мира является как бы последовательным творением бесчисленных лотосов, заключающихся один в другом до бесконечности — до такого числа раз, который ум наш отказывается сосчитать».

Лотос принадлежит к роду, название которого звучит по-латыни так: нелюмбо. Иногда его объединяют с семейством кувшинковых, к которому относится, в частности, и наша речная кувшинка. Однако истинно лотос, принадлежащий роду нелюмбо, имеет цветки либо ярко-розовые, подчас даже красные, либо желтые, и цветки эти, в отличие от всех кувшинок, не лежат на воде, а подняты

над ней на стеблях — словно факелы с расходящимися в стороны лепестками-лучами.

Лотос желтый распространен на Атлантическом побережье Северной и Центральной Америки и на Гавайских островах, а лотос розовый — в северо-восточной части Австралии, на Малайском архипелаге, Филиппинских островах, на юге Японии, на острове Шри-Ланка, полуостровах Индокитай и Индостан, в Китае и Северном Иране. А также в нашей стране — в Закавказье, в дельте Волги и, главное, на Дальнем Востоке.

«В Индии, а также в Китае лотос издавна считается священным растением,— повествует Большая Советская Энциклопедия.— Во всех частях лотоса содержится витамин «С» и каучук, в черешках и проростках — ядовитое вещество нелюмбин».

«По сказанию буддистов,— пишет Н. Ф. Золотницкий,— творец мира был преследуем и побежден своим непримиримым врагом — всеуничтожающей водою. Нигде он не находил ни покоя, ни защиты, пока не укрылся в розоподобных цветах лотоса. Здесь ждал он в безопасности до удобной минуты, а затем вышел из своей чудной темницы в еще большем величии и начал сеять всюду богатство и пищу. Поэтому-то индусы возлагают цветы лотоса и его плоды на жертвенник своих богов и украшают его изображением свои храмы и своих богов».

И все время, согласно легенде, Будду сопровождают цветы лотоса — они падают с неба и вырастают там, где ступает его нога. Так сказано в древней книге «Лалита Вистара».

Но не только индусы-буддисты считают лотос священным цветком, его обожествляют и поклонники Брамы.

«Одаренные богатой фантазией и любовью к созерцательности, браманисты видят в цветке этом символ вечно изменяющихся и плодоносящих сил природы,— пишет Н. Ф. Золотницкий.— По их словам, богато покрытая лотосами вода, когда блестит под лучами солнца или мерцает при серебряных лучах месяца и испускает нежное благоухание, позволяет видеть и чувствовать, как совершается созидание организма из жидкого элемента, а в самом лотосе можно наблюдать воплощенный обмен между огнем и водой, между твердым и жидким веществом. Поэтому-то Брама, отец всего сущего, как и Будда, изображается всегда с лотосом в руке или покоясь на лотосе».

В одном из гимнов Вед, древнеиндийской Книги Знаний, так поется о Браме:

Он покоится, погруженный в небесные размышления о лотосе,

Которого цветок возник, когда он до него дотронулся

И излил на него свои золотые лучи.

Точно так же говорится и о Вишну, «властителе и повелителе всей вселенной», что его дыхание — благоухание лотоса и что он ходит и покоится не на земле, а на девяти золотых лотосах, принесенных самими богами».

А в знаменитой гомеровской «Одиссее» описано путешествие Одиссея в страну лотофагов, то есть людей, которые питались лотосом. Некоторые моряки с корабля Одиссея попробовали сладкий лотос и тотчас начали забывать свою родину — настолько он им понравился. Пришлось привязывать соблазненных лотосом моряков к мачтам и поскорее покидать остров лотофагов...

Да, не случайно это многократное упоминание лотоса в разных легендах! Хотя в последней, как выяснилось, речь идет не о лотосе, а о другом растении, все же издавна во многих восточных странах действительно употребляли разные части лотоса в пищу — корневища, зерна и даже листья. Китайцы, кроме того, ели его тычинки и стебель, считая, что еда эта возвращает старикам красоту и молодость. Но, конечно, главное была не еда...

«У кого два хлеба, тот пусть продаст один и купит цветок нарцисса, потому что если хлеб — пища для тела, то нарцисс — пища для души» — это поговорка как раз китайская. И особенно большой спрос на цветки лотоса был у китайцев в день Нового года, потому что цветы его, как и цветы нарцисса, по их поверью, непременно приносят счастье.

И вот ведь какой парадокс: люди в развитых современных странах страдают сейчас больше от переедания, чем от голода,— недаром же столько пишется о диетах, об умеренности в еде, о благотворном воздействии голодания на человеческий организм. Но в то же самое время в слаборазвитых странах люди все еще умирают от голода! Почему?

«Красота спасет мир»,— писал Федор Михайлович Достоевский. Да, мы не знаем все еще, что же это такое — красота, как исчерпывающе определить это понятие. Но никто не будет спорить, что красота — это гармония, это, кроме прочего, целесообразность и соразмерность. Так,

может быть, и страдают одни от переедания, а другие от голода потому, что нет пока еще гармонии, нет целесообразности и соразмерности в человеческих взаимоотношениях, не хватает в них пока еще красоты?

До бесконечности можно было смотреть на розовые солнечные цветы. Легкий, едва уловимый аромат исходил от них. Вечная загадка природы —цветок. Вечный пример...

«В прежние времена,— пишет Н. Ф. Золотницкий,— прелестное это растение водилось у нас в изобилии в заводях близ Астрахани и носило название чульпанской розы, от Чульпанского залива, где оно больше всего встречалось.

Осенью, когда созревали его крупные, содержащие в себе зерна, плоды, на заводи эти отправлялась в лодках с песнями, с гармониями вся деревенская молодежь и набирала целые вороха этих плодов. Главную привлекательность их составляли вкусные зерна, которые щелкали потом, как семечки подсолнуха, дынь или как кедровые орехи. Запасов этих хватало на долгое время, и у бережливых хозяек ими угощали еще на рождестве.

Но блаженные эти времена прошли. Человеческая жадность, не довольствовавшаяся собиранием одних плодов, а вырывавшая с корнем и самое растение, повела почти к полному исчезновению его под Астраханью, так что теперь, несмотря на самые тщательные поиски ученых, его находят лишь изредка».

Что же добавить к этим строкам, изданным в 1913 году, и к печальному рассказу Леонида Андреевича?

Ну, конечно, то, что лотос в нашей стране взят сейчас под охрану, занесен в Красную книгу. Что организован даже Астраханский заповедник, где в значительной мере удалось восстановить численность уникальных растений — и это прекрасно. Что в нашей стране, с нашей централизацией управления, с нашим устремлением в завтра, возможно поистине бережное, сознательное, хозяйское отношение к природе.

Но и то еще, конечно, надо добавить, что никакие, даже самые благие постановления и меры правительства, никакие, даже самые мудрые и дальновидные советы ученых не принесут по-настоящему ощутимую пользу, пока мы все не осознаем их насущную необходимость. Пока мы все не поймем, как на самом деле нужно беречь красоту и жизнь на нашей планете. Красота и жизнь — понятия близкие, почти однозначные. Без красоты истинной жизни нет...

Вечером в гостях у Клавдии Федоровны я спросил:

— Если нужно было бы послать на международный конкурс представителей от ваших бабочек, самых типичных и красивых, каких бы вы послали?

Долго думали, спорили. Клавдия Федоровна предложила радужницу Шренка как представительницу дневных и артемиду от ночных. Ее муж, Владимир Оттович, директор художественной школы, согласился с артемидой, но от дневных предложил Синего махаона — хвостоносца Маака. Я поддержал его. За Володю Мещерякова сказала Клавдия Федоровна:

— У Володи на первом месте Пенелопа, на втором Пенелопа и на третьем тоже Пенелопа.

— Да,— кивнул он серьезно.

Потом мы вышли с Володей на балкон, и, глядя на хлопья самок непарного шелкопряда, мельтешащих вокруг фонарей, он медленно проговорил:

— Послушай, почему бы тебе не написать книгу о наших реликтах? Ведь о нашем крае очень мало писали. Ну, Арсеньев. Ну, Пришвин немного. Ну, Куренцов Алексей Иванович. Ну, Комаров. Этого мало. Ведь край у нас...

«Да, край прекрасный,— подумал я.— Еще бы! Но...»

— Кое-какие бабочки у тебя уже сфотографированы,— продолжал Володя,— некоторых ты снимешь в экспедиции. А еще...— он заговорщицки огляделся.— Хочешь... Хочешь, попробуем Пенелопу снять?

Сказав последнее, он так посмотрел на меня, что я ощутил всю серьезность наступившего момента.

— Неужели это возможно? — только и выговорил я.

— Сейчас как раз ее время,— сказал Володя коротко и сурово, как настоящий заговорщик.— Нужен транспорт. Двести пятьдесят километров. Да пешком еще. Можно, конечно, сначала на одном автобусе, потом на другом, затем на попутных. Но это трудно. С ночевкой придется. Жаль, нет машины. Сколько у тебя времени осталось до экспедиции?

— Мало,— сказал я.— Всего три дня.

— Мало,— согласился Володя.

Но тут меня осенила идея...

На другой день с утра я уже был в горкоме партии. Первый секретарь в отпуске, второй уехал по каким-то делам. Секретарь по идеологии, Татьяна Федоровна, заболела...

Меня направили к заведующей парткабинетом, Зое Петровне Поповой.

Худенькая приветливая женщина очень хорошо встретила меня. Я представился, рассказал о цели своего приезда, показал одну из своих книжек.

— Зоя Петровна,— продолжил я, когда убедился, что контакт налажен.— У меня к вам огромная просьба. Дело в том, что в книге моей будет много об Алексее Ивановиче Куренцове и о его ученике, жителе вашего прекрасного города, Володе Мещерякове, который теперь работает сотрудником музея. И мне очень нужно побывать в местах, связанных с жизнью и деятельностью Алексея Ивановича... Не могли бы вы помочь с транспортом? У меня осталось всего два дня, не считая сегодняшнего, а добираться на автобусах и попутных машинах очень сложно. Боюсь не успеть.

— А куда вам нужно? — приветливо спросила Зоя Петровна.

И тогда я, набравшись духу, назвал пункт, расположенный, как вы уже знаете, в двухстах пятидесяти километрах от Арсеньева.

Зоя Петровна слегка изменилась в лице.

— Понимаю,— сказала она.— Далековато, конечно. К тому же через перевал. И неизвестно, какая там дорога. Кажется, не очень хорошая...

Чувствуя себя виноватым перед доброй женщиной за то, что поставил ее в столь щекотливое положение, я молчал. Но в то же время ведь так нужно было мне побывать в тех местах! Это место историческое потому, что там водится редчайшая бабочка, и именно там впервые поймал ее Алексей Иванович Куренцов. То счастливое событие он описал в своей книжке «В убежищах уссурийских реликтов» и именно туда мечтал попасть Володя Мещеряков, когда покинул Магнитогорск и переселился в Приморье. Там-то он и поймал свою первую Пенелопу! Ведь это подумать только: побывать *там*, да еще и — вдруг повезет? — *самому сфотографировать* редчайшую бабочку, хороших фотографий которой, возможно, нет ни у кого в мире!

Да простит меня Зоя Петровна...

— Хорошо,— сказала она наконец.— Я постараюсь. К сожалению, сейчас у нас с транспортом очень трудно. Твердо обещать не могу, но буду стараться. Когда вы хотите? Завтра?

— Да,— сказал я.— Идеально было бы, конечно, с ночевкой. На два дня. Но если нет, то хотя бы на один. Только уж допоздна. Ведь такая длинная дорога.

— Хорошо,— опять сказала Зоя Петровна.— Все ясно. Позвоните мне около двенадцати.

Окрыленный, я вышел из кабинета. Зоя Петровна с первого взгляда понравилась мне, и я верил, что она действительно сделает все, что возможно.

Дозвонился я ей около часу дня.

— Знаете, кажется, получается. Но еще не окончательно,— сказала Зоя Петровна.— Наши машины заняты все до одной. Я сейчас пробую такси...

— Что-что? — Мне показалось, что я ослышался.

— Такси. Машина «Волга». Обычная, с шашечками. Еще с кое-каким начальством нужно утрясти. Оставьте свой телефон, я позвоню вам сама. Или постарайтесь поймать меня часа в четыре.

Вот это номер! Такси. «Волга» — это, конечно, хорошо, но... Как же счетчик? Ведь двести пятьдесят километров. Да еще там несколько часов. Да еще обратно.

И все же я старался не думать о возможных последствиях, а представлял себе, как впервые в жизни увижу легендарную бабочку.

Вот знаменитое описание Алексея Ивановича Куренцова из книги «В убежищах уссурийских реликтов»:

«...Пробираясь вдоль скалистых стен, стараясь не сорваться, я совершенно неожиданно заметил на отлогом выступе скалы играющих самца и самку Пенелопы. Самец совершал известный у этого рода бабочек танец облета вокруг самки, которая медленно опускалась на цветы очитка, растущего здесь же на скалах. Половой рефлекс у бабочек притупляет инстинкт самосохранения. Учитывая это, я быстро подкрался к ним на расстояние не более 1,5 метра и взмахом сачка поймал сразу и самца и самку. Радости моей не было предела. Я настолько волновался, что не мог сразу вынуть бабочек. Чтобы они не бились, я слегка сдавил им грудки. Это были слегка полетавший самец и великолепная, совершенно чистая самка, значительно крупнее самца. Сверху ее крылья были темные с крупными черными пятнами, а снизу их заливали яркие серебристые полосы и нити. Опустив их в морилку, я долго рассматривал во всех деталях свои неоценимые трофеи.

Мне вспомнилось, как в книге «Малайский архипелаг» А. Р. Уоллес описывал свои переживания, когда он поймал

на острове Батчиане красивейшую райскую бабочку Орнитоптеру: «Когда я вынул бабочку из сетки и раздвинул ее величественные крылья, сердце мое забилось, кровь бросилась в голову, я был близок к обмороку. Весь этот день у меня болела голова, так велико было волнение, вызванное этим, для большинства людей обыденным случаем. Теперь я еще больше понял этого натуралиста».

Еще бы не понять! Любой истинный коллекционер, любой настоящий охотник поймет другого! Прочитав А. И. Куренцова, я немедленно выписал в библиотеке книгу А. Р. Уоллеса — он, кстати, один из основоположников зоогеографии и одновременно с Дарвином создал теорию естественного отбора, хотя и признавал за Дарвином приоритет... С огромным интересом я читал эту книгу, выпущенную у нас в 1872 году, и не могу не привести отрывок, посвященный поимке еще одной бабочки.

«Два следующих дня были так влажны и дождливы, что я не выходил на экскурсии; но на третий день погода была великолепная, и я имел счастие поймать одну из прекраснейших бабочек в мире — птицекрылого Орнитоптера посейдон. Я задрожал от волнения, когда завидел ее, величественно летящею ко мне, и с трудом верил, что не промахнулся, пока не вынул из сетки и не стал любоваться, не помня себя от восторга, на ее бархатисто-черные и ярко-зеленые крылья в семь дюймов длиною, на золотистое тело и красную грудь. Я, правда, видел эту бабочку дома в коллекциях, но совсем иное дело поймать ее самому, чувствовать, как она бьется между пальцами, наслаждаться ее свежими и живыми прелестями, этим блестящим алмазом, сияющим посреди унылого, темного, непроходимого леса. В этот вечер в деревне Добо был по крайней мере один счастливый человек».

Во времена Уоллеса не было столь совершенной фотографии, как сейчас, но теперь мы ведь можем продлить наслаждение и в любое время увидеть на снимке прекрасное *живое* создание! И показать другим — поделиться... Это ли не счастье?

Я с таким волнением ждал звонка Зои Петровны! Наконец она позвонила.

— В семь часов утра к гостинице подойдет машина. Да, такси, «Волга» с шашечками. Спросите: «по заказу горкома». К сожалению, только на один день. Но — допоздна. Когда вернетесь, тогда и вернетесь. Желаю успеха!

Что говорить о том, как я был благодарен!

Ровно без пяти семь мы с Володей Мещеряковым стояли у входа в гостиницу. Было еще темно. Погода не радовала: холод и тучи. Несколько такси подъехало, но шоферы понятия не имели о «заказе горкома». В половине восьмого я позвонил в диспетчерскую автопарка. Машина как будто бы выехала. Но ее не было. В чем дело? Неисправность? Не захотел шофер? Ведь в такую даль!

Чего только не передумали мы с Володей. Но около восьми подъехала серая «Волга», и когда я спросил насчет «заказа горкома», таксист — молодой крепкий парень с типично русским, славянским лицом — утвердительно кивнул.

— Вы знаете, куда ехать? — спросил я, когда мы с Володей наконец-то уселись.

— Не совсем,— ответил он.— Велели ехать куда скажете.

— А знаете, что далеко? — с мгновенно возникшей тревогой спросил я.

— Да, знаю.

Я назвал ближайший к заветным скалам поселок. Шофер, как ни в чем не бывало, кивнул. И улыбнулся.

И мы поехали!

Только тут я взглянул на счетчик. Он был включен и тикал. Пожалуй, за всю свою жизнь я не наездил на такси столько, сколько нам предстояло проехать сегодня.

Шофер Николай оказался очень умелым и — что очень важно — человеком с легким характером. Свое опоздание он объяснил тем, что подвез кого-то из родственников по срочному делу, а теперь реабилитируя себя — ведь каждый час был у нас на счету,— гнал очень быстро, хотя дороге, по которой мы ехали, было далеко до современной асфальтобетонной автострады. Позавтракали наскоро в одном из попутных поселков и помчались дальше, обгоняя довольно редко встречавшиеся по дороге автобусы.

Нам необыкновенно повезло: мы ехали, ехали за Пенелопой! Однако, как часто бывает, именно теперь испортилась погода. Странное дело, но так и кажется, что здесь неприятная, но непременная закономерность. Сколько раз бывало, что именно тогда, когда все складывалось как нельзя лучше, подвох подстерегал именно с этой стороны. Когда-то я читал книжку об одном путешественнике, который с детства захотел попасть в одну из загадочных африканских стран, но судьба, как нарочно, подстраивала ему всевозможные козни, чтобы он не попал в эту страну, хотя он давно уже изучил все, что было о ней написано, и даже стал одним из признанных знатоков ее — заочно. И вот когда наконец, через долгие годы, он все-таки побывал там, время его пребывания совпало с бесконечными проливными дождями... Так и довелось ему увидеть страну своей мечты в паутине дождя, а был он к тому времени уже в преклонном возрасте.

Мне, конечно, нельзя жаловаться до такой степени, однако факты были таковы: мы ехали, в моем распоряжении была исправная «Волга» с умелым шофером, а небо затянуто тучами, и временами моросил дождь.

Дорога шла то по открытым местам, то через тайгу. По мосту переехали реку Илистую. Где-то на ее берегах скрыта полудикая плантация женьшеня, которую Дерсу Узала завещал Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву и которую до сих пор не могут найти. За Илистой забрались на небольшой перевал, спустились и оказались в соседстве с Уссурийским заповедником, где мне предстояло быть в составе экспедиции буквально через несколько дней. Загадочные густые дебри обступили дорогу.

Наконец долина очередной реки, возделанные поля и большое старое село, которое не раз упоминалось в книге Арсеньева. Отсюда мы увидели море — Уссурийский залив. Картина была великолепна, хотя, конечно, совсем иначе выглядела бы она в ясную, солнечную погоду.

Около полудня мы наконец подъезжали к заветным местам. Володя оживился, вытягивал шею, выглядывая в окошки «Волги», поблескивали стекла очков, сквозь них глаза его сияли. Мы приближались к обиталищу Пенелопы, бабочки его мечты,— как же тут не волноваться? Я же все высматривал махаонов, и когда в одном месте мы медленно двигались по разбитой дороге, а впереди по курсу был разрушенный мостик через ручей, я увидел в низинке сразу нескольких синих красавцев — они летали и сидели на мокром песке.

— Николай, останови, пожалуйста,— попросил я сдавленным шепотом.

Шофер тотчас остановил, мы с Володей выбрались осторожно, но подойти на достаточное расстояние к махаонам не удалось: они тотчас взвивались и проносились мимо стремительным своим полетом, почти и не взмахивая роскошными крыльями. Мы попытались поймать хотя бы од-

ного из них, и очень долго нам это не удавалось: в последний момент бабочка изящным движением уклонялась от сачка и летела дальше, как ни в чем не бывало, оставляя ловца в растерянности и досаде, смешанной с уважением. Наконец один прекрасный, изумрудно-синий самец оказался в моей сетке. Он был чистый, совсем не облетанный, и, увидев его, даже Николай восхитился — с этого момента он, по-моему, с большим уважением слушал наши с Володей разговоры в машине. А Володя, так и не поймавший ни одного, сел в машину крайне обескураженный.

— Да, слушай, я уже забыл, что они такие чуткие, надо же. Летом их хоть голыми руками бери у ручьев, а сейчас смотри-ка...— произнес он, в недоумении рассматривая свой сачок.

— Я же тебе говорил, что не просто, на вашей сопке я за ними ой-ой как побегал,— успокаивал я его, радуясь, что они действительно прекрасные летуны и это, очевидно, помогает им выжить. Хотя в коробочке у меня и лежал один пойманный красавец, успокаивал я себя тем, что летало их у ручья много и что место вообще здесь малонаселенное, а потому ущерб, принесенный мною, поистине незначительный.

Наконец спуск с асфальтированной дороги, медленное движение по скрежещущему под колесами щебню сквозь густые заросли, отчего я сразу представил себе, что мы где-то в таинственной, далекой и, конечно, тропической стране, что, впрочем, так и было. Выехали на просторный отлогий берег, от которого круто поднималась стена сопки, снизу густо поросшая кустарником, а выше покрытая коварной каменной осыпью.

— Останови, Николай,— сказал Володя, едва сдерживая волнение. — Приехали.

И мы выбрались из машины.

ОХОТА НА ОСЫПИ

Да, это были те самые места, где путешествовал А. И. Куренцов и где довелось ему поймать бабочку, за которую он удостоился поздравлений энтомологов всего мира. И все же во мне, я чувствовал, не было того трепета, которому полагалось бы, наверное, быть: слишком быстро и удачно я попал сюда, моя мечта, в отличие от Володиной, не успела еще по-настоящему созреть и покрыться ореолом недо-

стижимости и таинственности. Однако именно благодаря легкости и удачному стечению обстоятельств мое прибытие сюда обрело сияние сюрприза, золотистый налет удачливости и благосклонности судьбы. Не часто бывают в жизни такие подарки. Экспромт, неожиданное везение, как луч солнца в пасмурную погоду, освещает повседневную жизнь, в которой будней все же гораздо больше, чем праздников, — они-то и поддерживают нашу счастливую веру в сказки и чудеса.

Кое-где в небе виднелись просветы, но вообще-то свинцовые тучи теснились бесконечной армадой, и было холодно. Ну что стоило судьбе в добавление ко всему тому, что она уже сделала для меня, хотя бы на несколько часов разогнать тучи! Ведь очень возможно, что больше никогда в жизни я не смогу попасть сюда, никогда не представится такой возможности — неделю назад в Москве я не мог и предполагать, что так повезет: на такси за Пенелопой в те места, где путешествовал Куренцов! И вот все перечеркивалось мрачными облаками, которые шли и шли с той стороны, откуда дул холодный ветер. Махаоны, как я теперь знал, летают почти в любую погоду, но будут ли летать Пенелопы?

Договорились с Николаем, что он вернется сюда в полпятого, а может быть, даже и раньше. И он тотчас уехал в ближайший поселок — обедать и заправлять машину.

Мы начали восхождение. Преодолев цепкие заросли, выбрались на осыпь. Она состояла из крупных, плоских, угловатых камней. Среди них лишь кое-где вытягивались одинокие растеньица. Правда, осыпь была не сплошная, местами она переходила в густую поросль горных корявых деревьев, а в пологой лощинке сгрудились кусты малины, шиповника, жимолости и высокие травы. Отсюда, с осыпи, было прекрасно видно долину речки, текущей в светлых щебенистых берегах, вдоль которых курчавились очень своеобразные кроны здешних деревьев. Они именно курчавились, словно аккуратно подстриженные ножницами садовника, и отдаленно напоминали барашки кучевых облаков, только зеленого цвета. И по обеим сторонам долины грядами поднимались невысокие, тоже зеленые сопки. На них кое-где виднелись коричневатые проплешины каменных осыпей.

Наша осыпь выглядела весьма неуютно, и казалось странным, что именно ее выбрали прекрасные бабочки местом своего обитания. Однако выбрали ее они потому, что

здесь растет определенный вид фиалки, который служит кормовым растением для гусениц Пенелопы. Володя показал мне ее — совершенно невзрачное растеньице, внешне ничем не примечательное, с сердцеобразными листьями.

Движения Володи и его лицо выражали осторожность, сдержанную сосредоточенность, внимательность, а я что-то никак не в состоянии был осознать торжественность и важность момента: набросанные как попало камни навевали мысли о мертвой планете, а холодный ветер и серое небо, затянутое облаками, довершали тоскливую картину. С горя я предложил Володе немного перекусить, тем более, что после завтрака прошло достаточно много времени. Полазав по камням и посверкав очками во все стороны, Володя согласился.

— Да, жалко,— сказал он.— Они должны быть здесь, точно. Видишь, фиалка. Подождем, может быть, солнце выглянет.

Кое-где в небе действительно голубели просветы, один из них, похоже, приближался к нам.

И вот когда мы доедали уже какие-то консервы, просвет — узкая голубая полоска — приблизился, в него глянул долгожданный ослепительный диск, и брызнули теплые лучи, и все вокруг засветилось и ожило. Володя тотчас вскочил, схватил свой сачок и стал карабкаться по камням, непрестанно оглядываясь. Я тоже оглядывался и тоже полез по камням, придерживая фотоаппарат и сумку с объективами, но, честно говоря, мое внимание больше притягивала долина речки внизу — несколько раз там уже промелькнули черно-синие красавцы и вроде бы один ксут.

— Вон, посмотри! — лихорадочно вскрикнул Володя, кивая куда-то в сторону и, пригнувшись, держа на изготовку сачок, стал прыгать с камня на камень, и некоторые из камней угрожающе заскрежетали под ним, грозя сорваться вниз и увлечь за собой чрезмерно ретивого охотника.

Я внимательно посмотрел в ту сторону, куда он так стремился, и действительно увидел легкомысленно порхающую бабочку, издалека похожую на большую лесную перламутровку. Она достигла края осыпи и скрылась в зарослях. Володя растерянно остановился.

— Неужели это она была? — спросил я, несколько разочарованный тем, что видел.

— Она, она,— подтвердил Володя.— Самец...

Солнце опять скрылось. Володя стоял на краю осыпи

с огорченным видом, и когда я позвал его пить сок из банки, он только досадливо отмахнулся. Да, в который раз я заметил в себе упорное, доходящее до негативизма нежелание следовать предвзятым мнениям и преклоняться перед признанными образцами. Охота — любая охота, за бабочками тоже — тогда особенно привлекает меня и дарит мучительно-прекрасные незабываемые минуты, когда она приобретает черты таинственного и непредсказуемого действа и сам предмет охоты как бы отодвигается на второй план и служит всего-навсего направляющим путевым огоньком, а никак не главной причиной. Достижение предмета ведь само по себе, как правило, означает не столько победу, сколько конец захватывающего приключения.

И пожалуй, только из уважения к Володе я сидел теперь на скучной осыпи и заставлял себя внимательно оглядывать ближайшие окрестности, заваленные угловатыми бурыми камнями. А все существо мое так и стремилось вниз, в долину. Даже в пасмурную погоду она казалась райским уголком по сравнению со скальной осыпью. Вон и еще промелькнуло там что-то черно-синее...

А Володя вдруг ринулся вперед, загремев камнями, которые выворачивались из-под его ног, отчаянно взмахнул сачком, потом еще, еще, и радостный возглас разнесся над унылым пейзажем.

— Есть! Самец! Иди скорее.

Неужели? Так просто? Самец Пенелопы? Не может быть!

Я запрыгал к Володе, рискуя сломать себе если не шею, то ногу по крайней мере, пока он, присев, копошился в кисее огромного своего сачка, а когда подскакал, то увидел светящееся радостью Володино лицо и средних размеров бабочку, которую он бережно держал за брюшко в дрожащей руке. Да, это был самец Пенелопы, с внешней стороны крыльев действительно похожий на большую лесную перламутровку, однако испод задних крыльев не оставлял никакого сомнения в том, что это и есть она, Пенелопа — предмет мечты любого энтомологического музея мира. Серебрящиеся перламутром струи по серовато-зеленому фону подтверждали это.

— Ну, что? Будешь фотографировать? — спросил он.

— Конечно,— сказал я, хотя понимал, что снимать пусть и живую, но все же слегка придавленную бабочку совсем не то, что подстеречь ее, не ловя и не принося никакого вреда...

Володя бережно посадил ее на камень — она была совсем живая и, похоже, приходила в себя, прежде чем взлететь. Володя даже взял на изготовку сачок, чтобы в случае чего вернуть беглянку, а я принялся корчиться и ползать вокруг, стараясь найти выразительный ракурс. И тут как раз солнце, хотя и не полностью, но все-таки выглянуло.

Да, она, конечно, была красива, сидящая со сложенными крылышками на камне так, что серебристые отличительные черты ее были все на виду. Пенелопа! Господи, неужели и правда я фотографирую Пенелопу? Одиннадцать лет назад я читал заметку в «Комсомольской правде» и точно так же, как и Володя Мещеряков и как наверняка еще очень многие, представлял себе что-то исключительно экзотическое и почти недостижимое. «... Отважный советский специалист-энтомолог, с риском для жизни, среди скал...» Было от чего волноваться, но, если честно, волновало меня все же не это, а то, что бабочка и на самом деле была красивой. Хотя — если опять же честно — когда я снимал в подмосковном лесу несравненно более обычную, не представляющую ценности для серьезного коллекционера, перламутровку латону на соцветии сиреневой скабиозы, а она, не обращая на меня внимания, перебирала ножками лепестки и, торопясь, совала в глубину каждого цветка тонкий изогнутый свой хоботок, а перламутровые «зеркальца» на исподе ее маленьких задних крыльев так и сверкали на солнце — восхищался я больше...

Но что же делать! Когда я еще попаду сюда, да и попаду ли вообще, к тому же солнца-то настоящего нет, и если не сфотографирую так, то никакого снимка вообще не будет. А разве не интересно запечатлеть столь ценную редкость — ведь ее снимков, вероятно, нет ни у кого в Союзе, а может быть, даже и ни у кого во всем мире...

Да, да, она была прекрасна, и перламутровые и зеленоватые полосы так живописно сверкали на солнце, и в который раз я думал: сколько красоты рядом с нами, а мы проходим мимо, не обращая внимания, не удосуживаясь посмотреть, задуматься, приглядеться, воспринимая мир в одном ракурсе, одном привычном масштабе, руководствуясь лишь предвзятыми, бездумно и наскоро схваченными мнениями, почти и не пользуясь тем, чем с такой щедрой заботливостью наделила нас мать-природа!

Итак, поездка уже была не напрасной. Незадолго до отъезда на Дальний Восток я слышал выступление доктора биологических наук Алексея Владимировича Яблокова. В частности, он сказал, что не так давно целая экспедиция биологов ФРГ на наш Кавказ была оправдана поимкой единственного экземпляра одной редкой бабочки... А тут — цветные слайды редчайшей из редких, да еще снятые в естественных условиях. Специалисты и коллекционеры поймут меня!

Но погода по-прежнему оставляла желать много лучшего, и, покарабкавшись безрезультатно по опасно качающимся камням, я присел отдохнуть. И тогда-то увидел точно такую же бабочку, как та, за которой в первый раз погнался Володя. Тотчас я вскочил на ноги и стал медленно приближаться к ней, балансируя и время от времени хватаясь за камни. Опять слегка прояснилось, и бабочка, пользуясь коротким просветом, решила, очевидно, слегка подкрепиться. Она села на цветочки зонтичного растеньица метрах в пятнадцати от меня. Хотя фотоаппарат был настроен и телеобъектив навинчен — так что достаточно приблизиться к ней хотя бы метра на два,— однако я взял на изготовку и сачок.

Вот тут истинное волнение, наконец, посетило меня. Одно дело — фотографировать ту, которую поймал Володя Мещеряков, но совсем другое — самому сфотографировать или хотя бы поймать легендарную Пенелопу! Кстати, ведь все относительно в нашем мире, и если раньше я, как и многие другие, посчитал бы великой честью подстрелить где-нибудь в диком лесу медведя, то теперь, право же, сфотографировать в естественных условиях редкую бабочку я считаю доблестью большей, и иметь и показывать друзьям и знакомым такие слайды, да еще, может быть, напечатать их в книге или в журнале — гораздо почетнее, гораздо достойнее, хотя я прекрасно сознаю, что поймут меня в этом пока далеко не все. Пока! Верю, верю: недалеко время, когда человечество прозреет настолько, что доблесть добра будет цениться гораздо выше, чем доблесть жестокого самоутверждения.

Бабочка спокойно лакомилась нектаром, а я приближался и приблизился уже настолько, что мог бы сделать первый кадр. Однако волнение, усиленное сознанием, что просвет в небе скоро закроется и опять придется тоскливо

и бесплодно озираться, настолько затуманило мне разум, что вместо того, чтобы фотографировать, то есть делать свое законное и благородное дело — ведь мне так повезло! — я решил пойти по более легкому пути и сначала поймать.

Был я к бабочке достаточно близко, и уже ничего не стоило накрыть ее на цветке сачком, что я и сделал. Сердце колотилось отчаянно: неужели я — я! — поймал Пенелопу? Вот это да! Ай да я! Волнуясь, я наклонился над сачком, который совсем смял цветущее растеньице, но бабочки сквозь кисею не увидел. В чем дело? Осторожно я перебирал кисею, думая, что бабочка затерялась в одной из складок... Нет, ее не было. Наконец сообразил. Растеньице выросло меж камнями, а рядом глубокие расщелины. Большая щель была как раз под сачком, в нее-то, наверное, и нырнула бабочка.

Да, так и оказалось. В конце концов я поднял сачок — ни в нем, ни под ним бабочки не было. А щель между камнями была почти бездонной. Когда я заглянул в нее, мне показалось, что там что-то мелькнуло.

Ну не обидно ли? Какая досада! Прямо-таки издевательский подвох. Но, странное дело, переживая свое невезение, я в глубине души испытывал ощущение справедливости происшедшего. Зачем я ее ловил? Разве то, что она никуда не улетела, давая мне возможность поистине уникальную — сфотографировать ее прямо так, безо всякого вреда для нее, как я обычно и делаю,— разве не именно в этом было мое везение? Зачем же ловить? Ведь одного пойманного самца я уже снял, так зачем?

И я принялся разбирать камни, чтобы проникнуть в глубину щели и, может быть, все-таки достать бабочку. Разбирал, грохотал камнями, царапал руки, но бабочки не было, хотя щель, очевидно, заканчивалась тупиком. Наконец прекратил бесполезное занятие и в полной обескураженности, чувствуя себя словно проштрафившийся и наказанный ребенок, принялся опять карабкаться по осыпи, уже не веря в успех.

«Не могла ведь она совсем провалиться сквозь землю, ведь я же видел, что щель не имеет другого выхода!» — думал я в растерянности и досаде. Наконец решил вернуться к тому месту: может быть, бабочка вылезла?

Да, бабочка действительно выбралась из щели и сидела на плоском камне, распластав крылья и греясь в жиденьких лучах солнца, которые в этот момент опять появились. Очевидно, она потихоньку выползла, когда я прекратил греметь камнями, и приходила в себя перед тем, как покинуть это злосчастное место. Мне бы хоть теперь опомниться и сфотографировать ее наконец! Но нет. Еще не умер во мне подлый собственник, и, подкравшись, я опять накрыл ее сачком — на этот раз так, что ей некуда было деться с плоского камня.

Дрожащими руками я распутывал кисею и наконец взял за мягкое брюшко бабочку. Неужели? Неужели я — я! — поймал Пенелопу?

Увы, в моей руке была вовсе не Пенелопа. Сначала я не поверил своим глазам, мне даже захотелось крикнуть Володе, чтобы он подошел и развеял мои сомнения. Ведь большие лесные перламутровки здесь как будто бы не летают — почему же у меня в руках была большая лесная перламутровка? Но чем больше я рассматривал бабочку, тем больше убеждался, что да, это именно большая лесная. Или какая-то другая перламутровка. Но не Пенелопа... Я отпустил ее.

Когда же рассказал Володе об этом происшествии, об этом загадочном превращении бабочки, он удивился тоже и заявил, что не надо было ее отпускать. Вероятно, я так и не разглядел ее. Скорее всего, это была Пенелопа.

ПОДАРКИ НАПОСЛЕДОК

Опять закрылся просвет, стало пасмурно, я сел на большой камень, рядом с которым лежали наши рюкзаки, и, расстроенный своей неудачей, слегка задремал. Володя продолжал путешествовать по осыпи, держа наготове сачок и внимательно вглядываясь в пространство перед собой. Временами из-под его ног сыпались камни... Сквозь дрему я слышал их стук, какие-то видения уже проплывали в воображении, и вдруг словно бы что-то заставило меня открыть глаза. Я посмотрел вниз и увидел двух великолепных Синих махаонов — очевидно, самца и самку,— которые, затеяв любовную игру, кружились друг вокруг друга, постепенно приближаясь ко мне. Не сон ли это?

Не вставая с места и не сводя глаз с бабочек, я машинально нащупал сачок, который оказался под рукой. Махаоны вдруг решительно полетели прямо на меня, оставалось только подставить сачок... Огромная темная бабочка затрепыхалась в кисее, мой сон мгновенно слетел, с бью-

щимся сердцем я осторожно достал бабочку из сачка, не веря своему счастью.

Это оказалась свежая, совсем не облетанная самка хвостоносца Маака, чудесный Синий махаон, самый лучший из всех, что мне пока удалось видеть. Он был настолько прекрасен, что понравился даже искушенному Володе. В этом диком месте было пока еще много хвостоносцев Маака, и я позволил себе взять этого на память.

И уже когда мы спустились к машине и собирались ехать домой, я увидел великолепную бабочку павлиний глаз и, осторожно подкравшись, принялся фотографировать ее, удобно сидящую на большом камне. Володя решил еще раз подняться на осыпь — напоследок, потому что вышло вдруг солнце.

Не прошло и десяти минут, как послышался условный сигнал — пронзительный свист. Бегом, едва не срываясь с кручи, Володя спустился к нам, держа пальцами за брюшко — кого бы вы думали? — самку Пенелопы! Редчайшую из редких, по-настоящему красивую бабочку, гораздо более красивую, чем самец,— темно-зеленовато-серую с угольно-черными пятнами, а по серо-зеленому фону испода серебряные струи и линии... Трудно и описать, как светилось счастьем лицо Володи Мещерякова, это было прекрасное зрелище — радость счастливого человека.

— Звезда! Когда она летит — это звезда! — захлебываясь, повторял Володя, и глаза его сияли.— Ты знаешь, я уже совсем надежду потерял, и вдруг... Ее ни с кем не спутаешь, ни с кем — летит медленно, а крылья так и сияют! Ты не представляешь, как это великолепно, как жаль, что ты не видел, эх, если бы не такая погода!

Разумеется, я сфотографировал ее, а счастливый Володя подсвечивал зеркальцем.

Так наша экспедиция на такси увенчалась блестящим финалом. Конечно, он был бы еще более блестящим, если бы нам повезло с погодой.

Обратно возвращались другой дорогой: уже в сумерках преодолели перевал и медленно продвигались по узкой дороге в глухом зеленом ущелье и ждали внезапного появления тигра. Это, по словам Володи, были настоящие тигриные места, здесь не раз встречали полосатых хищников, и я жалел только о том, что если мы даже увидим тигра, сфотографировать его мне не удастся: темно.

Домой приехали около одиннадцати часов, в полной темноте.

Часть II

РОЗАЛИЯ УССУРИЙСКАЯ И ЭЛЬЦИЗМА

В УССУРИЙСК!

Итак, мне повезло. Удалось увидеть и сфотографировать самих Синих махаонов, ксутов и многих других как дневных, так и ночных бабочек. Хотя и отчасти, но фантазии мои осуществились! Володя-пессимист из Москвы был посрамлен, и я вновь и вновь благодарил в душе Володю-оптимиста из Арсеньева, то есть Мещерякова, за тот телефонный разговор. Да и не только за него, конечно. Поездка уже оправдана! А ведь сама экспедиция только еще предстоит.

Перед отъездом из Арсеньева удалось познакомиться еще с одним интересным человеком — местным жителем, журналистом, автором коротких рассказов о природе Приморья, которые регулярно публиковались в местных газетах. Вячеслав Николаевич Гусельников сам отыскал меня с помощью Клавдии Федоровны, директора музея, попросил о встрече и показал любопытные вещи, собранные у него в доме: камни с естественным рисунком, образованным окислами бурого железа и марганца в известняке,— так, что получался истинный пейзаж с деревьями, сопками; корни целебного элеутерококка, женьшеня; реликтовых бабочек, увы, засушенных между журнальными страницами. Он подарил мне целую банку плодов лимонника в сахаре, которую я так и возил потом в течение всей экспедиции, привез в Москву, угощал знакомых, чтобы все могли ощутить тонизирующее действие дальневосточных растений. И только очередной обложной дождь

помешал ему показать мне гораздо большее—его любимые места в окрестном лесу и даже дикий женьшень, который растет в заветном месте, известном только ему одному...

Что ж, везение тоже имеет свои пределы.

Теперь я ехал в автобусе на соединение с экспедицией, которая, как я узнал, позвонив из гостиницы в Уссурийск нашему «связному» Артуру Сергеевичу Богачеву, уже два дня была на Горно-таежной станции вблизи Уссурийска, а сейчас ждет меня в селении Каменушка, где находится правление Уссурийского заповедника. Ехал я в Уссурийск, откуда Артур Сергеевич обещал подвести меня в Каменушку.

В стеклянной банке в моей фотосумке, среди кусков коры и деревяшек, сидел в ожидании фотографирования еще один уникальный уссурийский реликт — знаменитый усач каллипогон реликтус, самый крупный жук в нашей стране — его подарил мне Леонид Андреевич Данилевич. Погода была плохая, и я ждал солнца, чтобы запечатлеть жука на обратимой пленке в самом лучшем виде. А потом выпустить.

Уссурийск — вполне современный город, проживает в нем больше ста пятидесяти тысяч жителей, а лет ему — за восемьдесят. Как большинство современных городов, он сильно изменился за последние годы — с тех пор, как мы с приятелем проезжали здесь на велосипедах. Много зелени, много новых домов.

Автобус остановился неподалеку от здания цирка. По случаю субботы на улицах было много народа.

В просторной квартире Артура Сергеевича — проректора Уссурийского пединститута — шел ремонт. Однако этот моложавый, энергичный человек усадил меня в кресло в комнате, где было почище, и показал объемистую свою рукопись — сборник рассказов об Уссурийской тайге. Артур Сергеевич, как и очень многие из здешних жителей, приехал сюда с Украины, влюбился в местную природу и остался навсегда, уже не мысля себя без ежегодных частых поездок — на охоту за утками и другой водоплавающей дичью, за кабаном по лицензии, за малиной, лимонником, элеутерококком и — если повезет — женьшенем. Его рукопись, как и рассказы Гусельникова, повествовала о неожиданных встречах — с тигром, медведем, оленями, женьшенем,— о приобщении человека к таинственному, мало еще знакомому нам миру природы, от которого мы научились много брать, но истинное уважение к которому дается нам почему-то с таким трудом.

После обеда сели в «Жигули» Артура Сергеевича и уже через полчаса были в Каменушке, где разыскали директора заповедника Виктора Леонидовича Морозова.

Высокий, молодой, худощавый Виктор Леонидович показал домик, где проживали члены экспедиции, мы отыскали ключ, с волнением я вошел в помещение с деревянной лестницей, ведущей куда-то в верхние комнаты. На длинном дощатом столе стояла посуда, цветочки в бутылке, по углам главной комнаты и соседней с ней спальни висела одежда и громоздились объемистые рюкзаки.

— Сколько человек всего? — спросил я, думая о людях, с которыми мне предстоит провести по крайней мере недели две, да причем не на одном месте, а разъезжая и, возможно, с приключениями. Знал я, собственно, только одного Анатолия Петровича Воронина, по телефону говорил раза два с начальником экспедиции доктором Васильевым, и на этом мои знакомства кончались.

— Раз... два... Три мужчины и одна женщина,— подсчитав, ответил Виктор Леонидович.— Какие-то академики должны были приехать, но не приехали. А сейчас они в заповеднике, вы устраивайтесь, пейте чай, через час я заеду за вами — мы на кордон отправимся. Они должны туда подойти.

Четверо — это было совсем немного, я думал, что гораздо больше, но, разумеется, дело не в числе.

Артур Сергеевич уехал тотчас же, пообещав вернуться поближе к вечеру, чтобы вместе отпраздновать начало нашей экспедиции. На крыльце лежал пес, у которого было странное имя: Уайзер. Не знаю, что это означает и что думали те, кто так его назвал. Но пес был на редкость добродушным — это видно было и по самой морде его, и по неспешным движениям. Одна лапа у него болела, и он ковылял на трех здоровых, поджимая больную и беспрестанно махая хвостом.

Я вскипятил воду в железной кружке маленьким кипятильником, с удовольствием выпил крепкого чая, потом вышел на крыльцо фотографировать реликтового усача — благо, что иногда начало выглядывать солнце. Пес Уайзер внимательно наблюдал за моими приготовлениями. Хвост его ни минуты не оставался в покое.

КАЛЛИПОГОН РЕЛИКТУС

Огромный жук был словно бы в латах — истинный воин. Усы его напоминали стальные плети, состоящие из жестких подвижных булавообразных звеньев; один из сегментов груди был щедро утыкан по краям острыми шипами; клещи — как два широких острых серпа. Говорят, что когда он летит, слышно издалека, и зрелище очень эффектное — летящий с глухим жужжанием крест.

Но вот что странно: жук-усач вовсе не хищник, устрашающее одеяние его лишь игра природы, если кого и намерен он испугать, то лишь своих соплеменников в конкурентной борьбе. Личинки каллипогона питаются древесиной ильма и, как говорят, достигают пятнадцати сантиметров длины — этакая толстая белая сосиска. Личинки тропических усачей бывают еще крупнее и среди местных жителей часто считаются лакомством. Деликатесом были они и у древних римлян.

Мой экземпляр был семи сантиметров в длину, но вообще эти жуки достигают одиннадцати. Я посадил его на корягу и принялся ловить карманным зеркальцем слабые лучи солнца, чтобы направить хоть хилый зайчик на жука.

В окошке видоискателя усач казался и вовсе огромным, он солидно смотрел на мир и важно шевелил усами — древний, реликтовый представитель земной фауны, оставшийся почти таким, каким были его давние предки миллионы лет назад. Почему именно такая форма? Зачем именно такие усы? За миллионы лет естественный отбор не внес серьезных изменений в строение реликтового жука, а значит, эта форма тела и эти усы прекрасно соответствовали условиям его жизни.

Насекомые руководствуются в жизни инстинктами, но что такое инстинкт? Ведь в существовании многочисленных и многообразных этих существ все так необычайно сложно. И почему их так много? Напомню: одних только жуков — свыше 250 тысяч видов, в шесть с лишним раз больше, чем всех позвоночных животных, и различие между представителями этого отряда огромное. Здесь и хищники, и травоядные, и паразиты, и «хозяева»; и «честные труженики», и «хитрецы», и «силачи», и «красавцы-щеголи», и заботливые, прямо-таки самоотверженные родители, и, наоборот, бессовестные, беспутные «гуляки», и летуны, и бегуны, и подземные жители, и жители пещер, и подводники...

Я давно мечтаю написать книгу о приключениях какого-нибудь жука и, может быть, когда-нибудь напишу. Ведь только представить себе похождения этого, например, реликтового гиганта... Как живет он среди немыслимо огромных даже для него древесных стволов; как встречается с другими жуками, поменьше; как облетает с громким гудением свои лесные владения; как общается с «родными братьями» — по виду, «двоюродными» — по семейству, «троюродными» — по отряду; как завтракает, обедает и ужинает, как спит, болеет или, наоборот, радуется жизни, какая у него любовь...

Семейство усачей — одно из самых изученных в многочисленном отряде жуков, оно насчитывает около 15 тысяч видов, а изученность его объясняется, очевидно, тем, что все усачи развиваются, как правило, в древесине деревьев, чем наносят вред хозяйству, иногда весьма серьезный. По-другому усачи так и называются — дровосеки.

Трудно понять, для чего природа наделила их столь длинными — иногда гораздо длиннее, чем все тело,— усами. Ведь ко всему прочему, когда усачи выводятся из куколок в глубине ствола, а потом выбираются на свет божий, усы наверняка мешают им, хотя они и откидывают их назад, вдоль тела. Драматическая особенность жизни усачей еще и в том, что именно благодаря длинным усам они так привлекают коллекционеров...

В жизни усачей, как, впрочем, и в жизни любого семейства любого из отрядов насекомых, чрезвычайно много интересного. Кое-что нам известно. Ну, например, то, что личинки большинства из них могут усваивать одно из самых стойких органических соединений — клетчатку, или целлюлозу, вещество, недоступное желудкам остальных животных, если, правда, не считать некоторых других жуков и представителей еще одного удивительного отряда насекомых — термитов.

Для того чтобы жить усачам было легче, личинки некоторых видов заключили вечный союз с грибами: в их теле имеются особые органы — мицетомы, где размножаются грибки. Эти грибки, как считается, усваивают азот воздуха и превращают его в белковые соединения, а также вырабатывают витамины. Благодаря такому сожительству неприхотливые личинки могут питаться даже, например, чистой фильтровальной бумагой, состоящей исключительно из целлюлозы. Вообще личинки усачей так живучи, что при наступлении неблагоприятных условий могут сильно за-

медлять свое развитие и жить, прозябая, в ожидании лучших дней десятки лет. Известны случаи, когда в подсохшей или малопитательной древесине они жили в течение 40—45 лет и в конце концов превращались в карликовых жуков. Это случалось, когда личинки оказывались в досках и балках, идущих на строительство домов, на изготовление мебели,— древесина, в которой они жили, высыхала, личинки, таким образом, вынуждены были переходить «на сухари», однако не сдавались, жизнь их необычайно растягивалась.

Челюсти личинок усачей очень крепки. В поисках дерева «пожирней» они готовы преодолеть и преграды из мягкого металла, например, свинца.

Большинство этих жуков, как уже сказано, вредны лесному хозяйству, однако те, которые поселяются в больной и гниющей древесине, наоборот, полезны, ибо несут санитарную службу.

Впрочем, безусловно и окончательно вредного в природе нет ничего, а потому многие вредные, однако исчезающие как вид усачи взяты сейчас под охрану. В частности, этот самый каллипогон реликтус занесен в новое издание Красной книги.

Фотографируя его, я вспоминал слова Анатолия Петровича Воронина, сказанные им, когда он приглашал меня в экспедицию:

— Фотографируйте все, все подряд, потому что сейчас почти все под угрозой исчезновения...

Позже, во время экспедиции, Николай Григорьевич Васильев рассказал, что жил некогда, в конце прошлого — начале нынешнего века, в Южном Приморье промышленник Янковский, энергичный и предприимчивый человек. Он впервые в мире одомашнил пятнистых оленей, организовал оленеводческое хозяйство, построил кожевенные заводы и стал в конце концов миллионером. Был он и охотником — после революции, находясь в эмиграции, выпустил книгу «50 лет охоты на барса». А начал, между прочим, с того, что ловил и продавал зарубежным коллекционерам реликтовых насекомых Приморья. И в частности, усачей. Еще тогда, в начале века, каллипогон реликтус стоил на международном рынке, по словам Николая Григорьевича, пять рублей золотом.

Увы, эта ценность в добавление к сравнительно малой способности размножения и сделала усача редким, исчезающим видом. Сколько же таинственного несет в себе медлительный и важный потомок жителей третичных лесов, как много могли бы рассказать его гены, если бы можно было до конца расшифровать их язык!

И вот если фантазировать на тему жизни именно этого усача, то интересно понять: чувствует ли он особую древность своего «генеалогического дерева», сказывается ли в быту его столь почтенное происхождение? Ах, ведь как изменилось все вокруг с тех пор, как далекие предки его стали жить в здешних лесах! Сколь многие уважаемые соседи прекратили вовсе свое существование, и летает и бегает вокруг теперь какая-то несолидная, серая мелкота... Стрекозы — и те помельчали, раньше была стрекоза так стрекоза — полметра в размахе крыльев! А теперь что? Мухи какие-то, а не стрекозы... Да, все мельчает со временем, не та теперь жизнь, не та! То ли дело в доброе старое время...

К сожалению, солнце постоянно скрывалось, я не был уверен, что снимки получатся хорошо, и пришлось опять посадить патриарха в банку — до лучших времен.

Кстати, об исчезновении редких видов животных и, в частности, насекомых. Вот и насекомые заносятся теперь в Красную книгу... А ведь человек всегда — испокон веков — имел возможность не только уничтожать, но и разводить животных, чем и пользовался! Почему бы не делать того же — в меру сил, конечно,— с теми, кто теперь исчезает? В Московской области, например, восстановлено поголовье лосей, почти исчезнувших одно время. Переселяются и разводятся бобр, енот, куница, выдра, олень. Если удается восстановить численность диких животных, то куда как проще сделать то же самое и с теми видами насекомых, которые близки к исчезновению. Конечно, прежде всего необходимо восстанавливать их кормовую базу, ибо многие из насекомых потому и исчезают, что кормовая база их, то есть растения, которыми питаются взрослые особи или их личинки, уничтожена человеком почти полностью. В Приморье, увы, кроме прочих, исчезающими видами стали очаровательные реликтовые бабочки серицин и альцином. Почему? А потому, в частности, что исчезает их кормовая база — красивая и тоже реликтовая лиана кирказон маньчжурский, или аристолохия, которая вырублена во многих местах. С нею, естественно, исчезли и бабочки.

Правда, Володя Мещеряков заверил меня, что собирается посадить в районе речки Арсеньевки эту лиану — специально для того, чтобы потом перенести на нее яички

серицина и альциноя, взятые там, где они пока еще водятся. Если он сделает это — прекрасно! Сколько у нас коллекционеров-любителей, студентов и школьников, любящих природу, но не знающих, как ей помочь! Вот и выход из положения.

Кстати, многие ученые, а в частности, например, А. В. Крейцберг из Ташкентского государственного университета, предлагали таким же путем восстановить численность исчезающих парусников — махаона, подалирия, алексанора, аполлона — этот путь кажется весьма перспективным и по отношению к другим существам, занесенным в Красную книгу! А помочь в этом, как мне представляется, может любой человек, живущий в той местности, где водится или водилось исчезающее существо. Что для этого нужно?

Да ясно же что: знание и любовь.

Каллипогон реликтус — реликтовый уссурийский усач — сидел в банке в ожидании солнца, и мне казалось, что он понимает мои мысли. Соглашаясь с ними, он солидно, не теряя достоинства, кивал, шевеля непомерно отросшими усами. Да, надо будет только обязательно его выпустить...

КОРДОН ПОД ИЛЬМОМ

Директорский «УАЗик» трясся и подскакивал на разбитой дороге, которую вплотную обступила глухая тайга. Миновали шлагбаум при въезде на территорию заповедника. Теперь можно было в любую минуту увидеть кабанов, изюбрей, если, конечно, их не испугает тарахтение нашего мотора и скрежет и грохот подскакивающей на ухабах машины. А может быть, даже и тигра.

— Площадь у нас сейчас сильно увеличена по сравнению с тем, что было раньше,— рассказывал Виктор Леонидович, выкручивая рулем в попытках хоть отчасти умерить сумасшедшую тряску.— Раньше было шестнадцать с половиной тысяч га, а сейчас сорок с половиной. Но все равно это мало. Главное, что исток речки Комаровки находится вне заповедника, по ней к нам иногда всякая нечисть течет с полей — навоз, минеральные удобрения, гербициды... Еще проблема: у нас тигры, а тигру ведь не прикажешь оставаться в границах, он куда хочет ходит, а вне заповедника всякое может быть. Стреляют втихую, если удастся. То же и с изюбрями, кабанами. Проблема всякого заповедника — прилегающая зона. Там браконьеры особенно любят бывать. Так и ждут, когда кто-то выйдет, подстерегают...

Справа распахнулась небольшая поляна, на ней целое семейство белых домиков с палисадничками и деревьями рядом, но «УАЗик» совершил крутой вираж влево и затормозил у низкого бревенчатого строения, рядом с которым гигантской величественной колонной вздымался огромный ильм со светлой ребристой корой и ярко-зеленой раскидистой кроной.

— Приехали,— сказал Виктор Леонидович.— Их, кажется, еще нет.

Низкая бревенчатая изба — это был кордон, а семейство домиков — жилье лесников и егерей заповедника.

Наконец-то я очутился в сердце одного из заповедников Южного Приморья! Организован он в 1934 году и до 1973 года носил название «Супутинский» по имени речушки Супутинки, которая теперь называется Комаровка. Уссурийский заповедник, как и речка, носит имя академика В. Л. Комарова — одного из первых советских исследователей Приморья. Как и все заповедники, Уссурийский имени В. Л. Комарова создан для того, чтобы сохранять в неприкосновенности и изучать уникальную природу этого края. Судя по справочнику, здесь водятся во множестве кабан, изюбрь, барсук, колонок, белка, многие птицы, а более редки занесенные в Красную книгу СССР тигр амурский, леопард, утка-мандаринка, черный аист... Сорок с половиной тысяч гектаров — это четыреста квадратных километров, то есть квадрат со стороной в двадцать километров.

Словно в честь нашего приезда чуть-чуть проглянуло солнце, и в его робких лучах я снова попытался снять реликтового усача, посадив его на величественный ствол ильма. А затем с разрешения Виктора Леонидовича отправился в ближайшие окрестности в ожидании участников экспедиции, которые должны были в скором времени возвратиться из похода по заповеднику. Виктор Леонидович и его жена занялись подготовкой к ужину.

Хуторок егерей напоминал крошечный украинский поселочек, рядом с домиками цвели мальвы, космея и вездесущие тигровые лилии. Высились аккуратные кладки дров. Людей не было видно.

Вокруг, куда ни глянешь, теснились большие и малые деревья густого леса. Сопка, что вздымалась невдалеке,

тоже была сплошь заросшей. Осторожно я вступил в чащу, которая начиналась сразу за домиками. Было тихо. Птицы не пели в этот вечерний час, насекомые тоже молчали — ни кузнечиков, ни цикад, ни жужжания пчел и шмелей. Внимательно и зорко оглядывался я вокруг в ожидании вот-вот встретить что-то необычайное. Деревья росли густо, внизу зеленел сплошной подлесок, папоротники раскинули свои зеленые веера в разные стороны. Ни звука, только сухой сучок внезапно щелкнет под моими ногами или зашелестит сухой лист. Через несколько десятков шагов впереди открылась маленькая прогалина, но она была заболочена и сплошь завалена мертвыми деревьями. Постояв на краю этого древесного кладбища, я решил возвращаться.

Подходя к кордону, услышал голоса.

По дороге шли четверо. Одеты они были по погоде — куртки, штормовки, резиновые сапоги. В руках одного из них, в котором я не сразу признал своего знакомого, Анатолия Петровича Воронина, заведующего редакцией издательства «Мысль», было ведро.

— Я буду счастливым, раз у нас два Юрия Сергеевича,— сказал крупный, крепкий, средних лет человек в очках, подавая мне руку.

— Васильев Николай Григорьевич,— назвал он себя.

Так вот он, доктор наук Васильев, автор многих книг, известных у нас и за рубежом, начальник нашей экспедиции! Лицо у него было очень простое, мясистое — крупный нос, полные губы,— сильно загорелое, а сквозь очки просвечивали светло-голубые глаза, опушенные белесыми ресницами и смотрящие с каким-то добродушно-детским выражением. Сочетание силы, простоты и детскости было в нем, пожалуй, определяющим, и впоследствии я убедился, что первое впечатление меня не обмануло.

Бородатый улыбающийся мужчина, мой тезка, Юрий Сергеевич, по фамилии Разыграев, тоже понравился мне с первого взгляда. Он напомнил мне одного давнего приятеля — тоже бородатого, тоже часто улыбающегося, ироничного, любителя пошутить, очень эрудированного и начитанного,— и не в первый раз в своей жизни я подумал, что люди тоже иногда как бы делятся на роды и виды, только это деление, очевидно, не связано ни с национальностью, ни с принадлежностью к той или иной родословной. Объединяют их общие черты внешности и сходство характеров. Кареглазый полноватый Юрий Сергеевич, казалось, прямо-таки излучал добродушие и от полноты чувств постоянно ждал момента, чтобы пошутить.

Красивая худенькая женщина в синем костюме оказалась его женой. Звали ее Алиса Львовна.

Анатолий Петрович, с которым еще в Москве мы как-то неуклюже все пытались перейти на «ты» и без отчества, был, казалось, несколько смущен своей простой походной одеждой — ведь мы впервые встретились с ним в такой обстановке. Впервые после того, как не раз встречались в Москве в его кабинете заведующего редакцией. Высокий, худой, спортивный, русоволосый, с правильными тонкими чертами лица, он, казалось, был постоянно озабочен тем, какое впечатление производит. И хотя сейчас в руках у него было ведро, на ногах резиновые сапоги, на плечах штормовка, однако рубашка его была чистой и тщательно выглаженной, а ведро он держал так, что, казалось, вот-вот поставит его, чтобы аккуратненько подтянуть слегка опустившиеся манжеты. Забегая вперед, скажу, что вот эта тщательность в одежде и подтянутость поведения никогда не мешали Толе быть одним из самых активных работников по хозяйству, может быть, самым активным, он не чурался никакой, даже черной работы, чувство товарищества было присуще ему в высшей степени. Впрочем, это не удивительно: я знал, что он проходил военную службу в Таманской дивизии.

— Ой, Юрий Сергеевич, вы знаете, мы такую красивую гусеницу видели! — эмоционально рассказывала уже Алиса Львовна.— Анатолий Петрович говорил про вас, и мы сразу вас вспомнили, как гусеницу повстречали. Большая, красная, блестящая!

— Вот такого размера? — показал я пальцами.— И просвечивает как крыжовник, да?

Алиса Львовна на секунду замялась.

— Да, пожалуй, похожа на крыжовник, правда...

— Древоточец пахучий,— изрек я, наслаждаясь собственной эрудицией.

— Пожалуй, да. Древоточец пахучий, да, вы правы, наверное,— густым басом согласился доктор Васильев, раздельно и тщательно произнося каждое слово.

— Николай Григорьевич, правильно, что я усача реликтового на коре этого дерева фотографировал? — спросил я.— Это ведь ильм?

— Да, ильм долинный. Правильно. Усач каллипогон реликтовый связан с ильмом. Его личинки развиваются в

древесине ильма. А где вы его поймали? Ведь это же большая редкость теперь...

Так состоялось наше первое знакомство, а потом мы вошли внутрь кордона — длинный дощатый стол, деревянные лавки, как в деревенской избе,— и принялись готовиться к торжественному ужину. Алиса Львовна продолжала восхищаться недавним походом, рассказывая о великолепных деревьях, которые они видели. Николай Григорьевич басовито поддакивал ей и время от времени что-нибудь объяснял, вставляя латинские названия. Анатолий Петрович интересовался подробностями и очень внимательно слушал Николая Григорьевича, а потом сказал мне, что его задача — за время экспедиции освоить ботанику этих мест. Когда опять выглянуло солнце, Анатолий Петрович вышел вместе со мной, и мы еще раз сфотографировали усача, а Толя — наконец-то мы перешли на «ты» и по имени — подсвечивал зеркальцем, пуская на усача солнечный зайчик.

Наконец мы перешли к торжественному ужину. Виктор Леонидович и Галя выставили на стол бутылку черного и густого, как нефть, бальзама, приготовленного ими по собственному рецепту из кедровых орехов и трав. Николай Григорьевич с сомнением покрутил бутылку в руках, откупорил, понюхал.

— Самый лучший кедровый бальзам готовится так,— сказал он, овладевая общим вниманием и поглядывая на каждого по очереди голубыми глазами из-за стекол очков.— Кедровые орехи, неочищенные, заливают спиртом и ставят в темное место. На полгода, не меньше. Бальзам готов. Принимать по сорок капель. Имеет целебное, тонизирующее свойство. А вы что сюда мешали? — спросил он у Виктора Леонидовича, закончив свою микролекцию.

Виктор Леонидович принялся перечислять, а его жена Галя тем временем отмеривала нам в походные кружки густую темную жидкость.

Мы пробовали бальзам, ели огурцы, помидоры, жареную рыбу и вареную картошку, а я с интересом присматривался к своим будущим спутникам.

— Ну, как бальзам? — спросил на другое утро Николай Григорьевич, когда мы уже тряслись в крытом кузове грузовика, направляясь к Змеиной горе, которая высилась в дальнем конце заповедника.

Толя хмыкнул, Алиса Львовна поморщилась, а Юрий Сергеевич так посмотрел на Николая Григорьевича, что мы все рассмеялись. Слова были не нужны — выражение лица Юрия Сергеевича было красноречивее слов.

— Я не пойму, что он напоминает по вкусу: то ли бензин, то ли жидкость для чистки стекол. Или денатурат,— сказал Толя.

Юрий Сергеевич в ответ на эти слова сморщился, лицо его выразило столь неподдельное страдание, что тактичный Толя тотчас замолк.

— Да, товарищи,— проговорил Николай Григорьевич, как всегда тщательно и раздельно произнося каждое слово.— Дальневосточные травы коварны. Обращаться с ними надо очень осторожно. Исключительно осторожно! А иначе получается такая вот...

Очевидно, он не мог подобрать подходящего слова.

— Химия. Адская мешанина,— подсказал Толя.

— Да, иначе получается такая вот адская мешанина,— закончил свою мысль доктор Васильев.

Алиса Львовна, бледная и печальная, только жалобно улыбалась. Она тоже не устояла вчера перед соблазном дегустации.

Итак, это был первый для меня день столь долгожданной экспедиции. Благодаря своему раннему приезду я уже не чувствовал себя новичком — ведь за плечами были великолепные восемь дней тесного знакомства с сопкой Халаза, посещение лотосовых озер, поездка за Пенелопой... В порыве внезапного счастья я решил поделиться со своими спутниками.

— Вы знаете,— сказал я, обращаясь главным образом к доктору Васильеву,— мне ведь удалось сфотографировать Пенелопу.

Николай Григорьевич был знаком с Алексеем Ивановичем Куренцовым и даже способствовал выходу в свет его знаменитого атласа-определителя... Об этом он сказал нам вчера вечером.

— Да что вы говорите? — искренне удивился доктор Васильев.— Это потрясающая удача. Как вам удалось?

Я коротко поведал о путешествии на такси. Слушали меня мои спутники с интересом. Только Юрий Сергеевич, несколько раз в продолжении моего рассказа пытавшийся вставить что-нибудь добродушно-язвительное,— я уже понял, что это его обычная манера общения,— так и не смог этого сделать и лишь слабо махнул рукой. Выражение его лица было такое, словно он, трясясь в кузове машины, постоянно держит во рту и никак не может проглотить то ли лимон без сахара, то ли какое-то чрезвычайно горькое и противное лекарство — может быть, даже касторку. А цвет лица был серо-зеленым. Вчера он пострадал больше всех...

— Великолепно! — произнес Николай Григорьевич, когда я закончил рассказ.— Очень рад за вас. Из-за одного этого вам стоило приехать сюда. Считайте, что для вас поездка уже исключительно удачна. Жаль, что вашим слайдам не сможет порадоваться Алексей Иванович.

Легко представить себе, как я был счастлив. Если уж сам доктор Васильев так оценил нашу с Володей поездку...

— Интересно, а, кроме Пенелопы, какие бабочки больше всех нравились Алексею Ивановичу? — спросил я Николая Григорьевича.

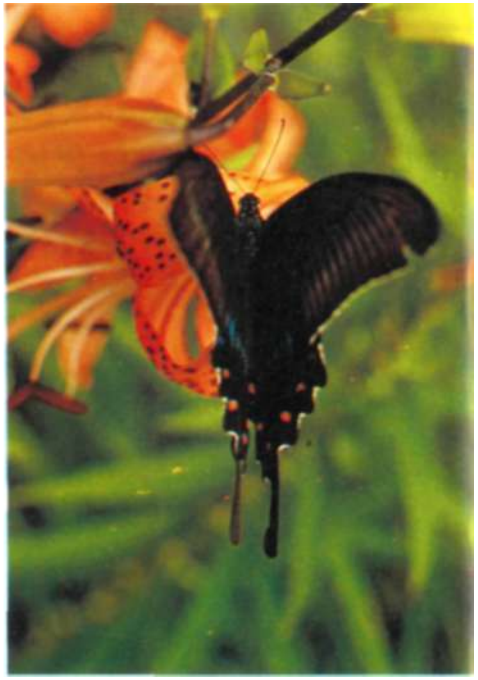
— Конечно, Пенелопа была его главная любовь. В данном контексте его можно назвать Одиссеем — он постоянно думал о ней, везде искал. А когда впервые поймал, была сенсация. Ну, а кроме нее, конечно, серицин. Ведь с этой бабочки началось его знакомство с Приморьем. Увидев ее из окна поезда, он сошел на ближайшей станции... Этот эпизод описан в его книге, вы знаете. Еще его очень интересовал альциной, тоже реликт. Ну, и хвостоносцы Маака, конечно.

Эпизод с серицином описан в книге А. И. Куренцова «Мои путешествия». Пролетающая бабочка, увиденная из окна поезда, и стала, может быть, причиной, по которой житель Орловской губернии переселился в Приморье навсегда. Вот какова роль эфемерных созданий в человеческой жизни — власть красоты и жажда поисков! Но сейчас мне особенно приятно было услышать о хвостоносцах Маака, Синих махаонах.

— И мне Синие махаоны очень нравятся! — признался я тотчас.— Эта темная синева и зелень, этот их чуткий полет... В Арсеньеве мы, знаете, устроили конкурс, опрос, и Синий махаон как раз вышел победителем от дневных.

Тут Юрий Сергеевич широко, хотя и с огромным трудом

Синий махаон, хвостоносец Маака, на лилиях.



И это все Синие махаоны, самцы...

Голубые сопки Приморья

Грибы-«зонтики» на стволе дерева.

Близкий родственник наших полевых гвоздичек - лихнис

Гриб-«цветок»,

родственник нашего дождевика.

Гриб-«солдатик».

Дикая красная смородина.

Могучее дерево — ильм долинный.

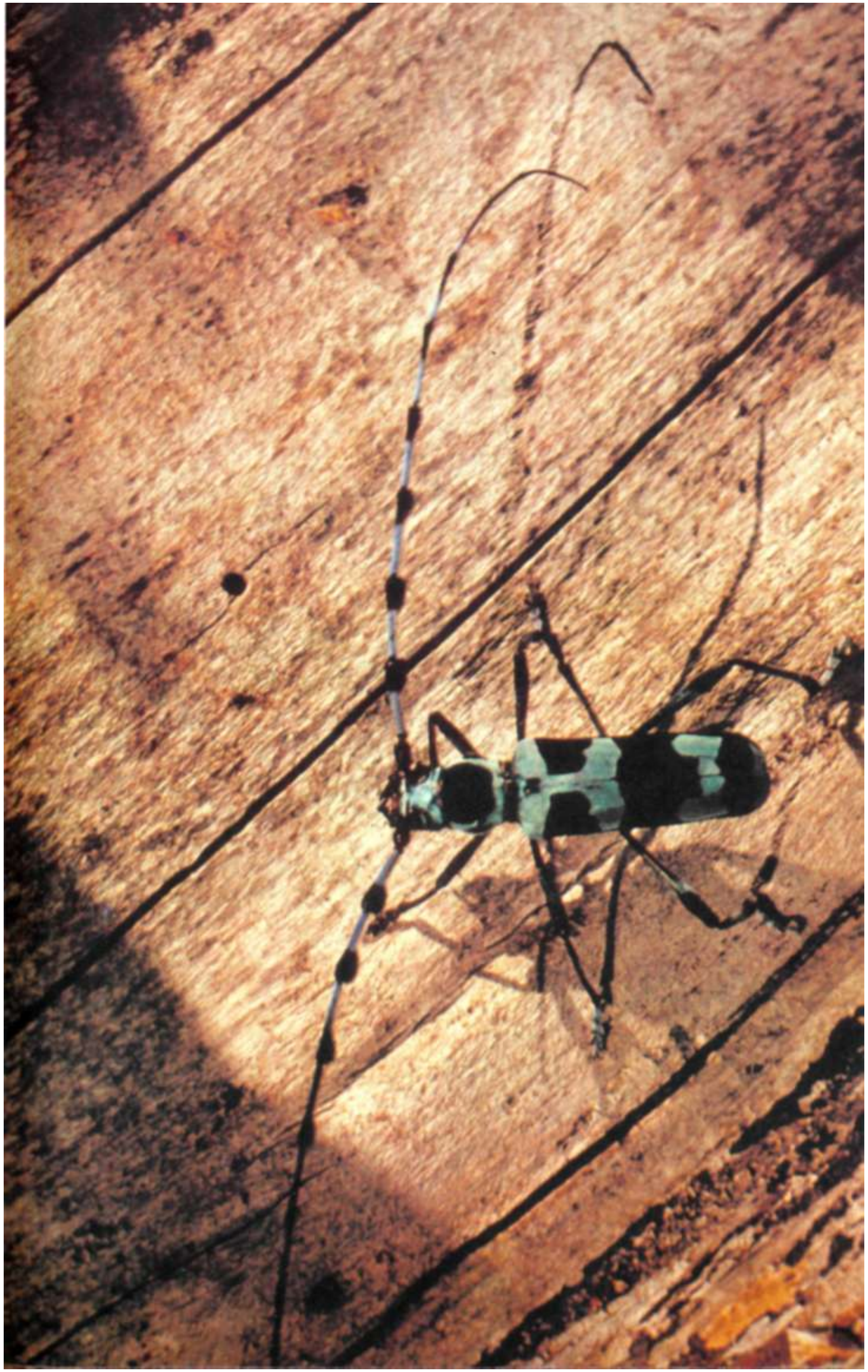
Гигантский жук каллипогон реликтовый. самый крупный жук нашей страны.

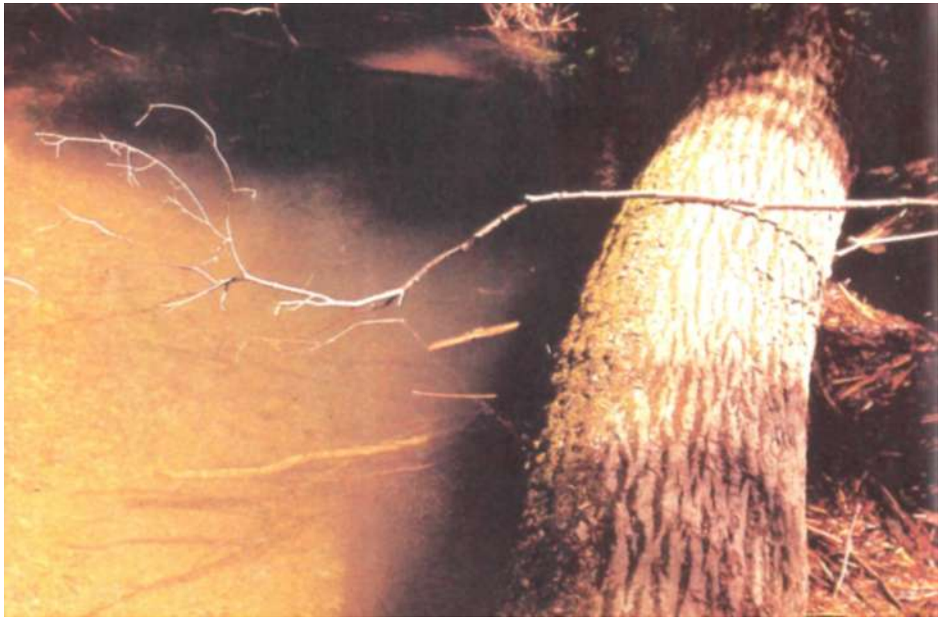
Пауки Южного Приморья. Крестовики на паутине, маленький цветочный паучок на цветке космеи и паук из рода мизумена, поймавший бабочку — уссурийскую пеструшку.

Зеленая ажурная «крыша»
из листьев клена,
заросли папоротников
и «дух леса»,
вырезанный
на капе — наросте
старого дерева директором
Лазовского заповедника
В. С. Храмцовым,—
таков колорит
уссурийских дебрей.

Бабочка эльцизма Вествула.

Голубой жук — розалия уссурийская, которого я так удачно встретил в заповеднике «Кедровая падь»





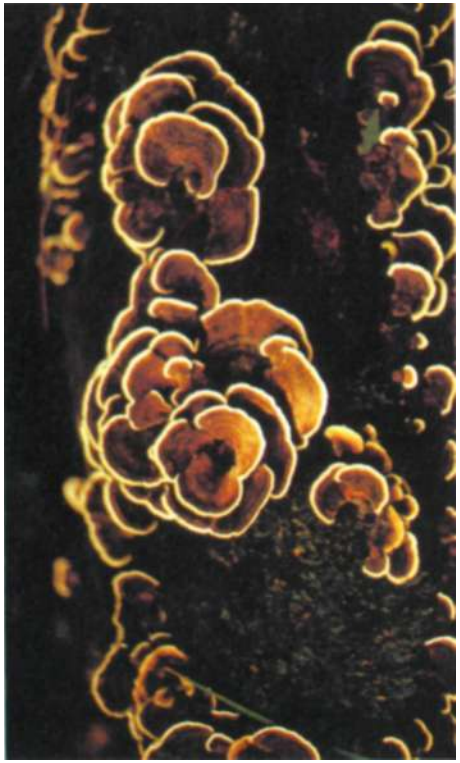
Папоротник Буша.

Новый директор заповедника «Кедровая падь» Владимир Ильич Погудин около кордона.

Бабочка ленточница Гельмана и цветы генцианы.

Грибы: знакомый подберезовик и гораздо менее знакомые «кружева» кориолуса на стволе дерева. >

Самка Синего махаона.



Это тоже самка Синего махаона.

Хвостоносец ксут, близкий родственник нашего парусника махаона.

ухмыльнулся, напряженно глотнул, словно приняв в себя, наконец, гадкое лекарство, которое так долго держал во рту, и произнес достаточно внятно, хотя и с мучительными перерывами:

— Конкурс красоты, значит? Конкурс среди бабочек, да? Понятно. Оригинально... Бабочки, они конечно... Большой любитель бабочек, да? Специалист по бабочкам? Недурно.

Юрий Сергеевич был верен себе...

Итак, мы ехали сначала по вчерашней дороге через заповедник, мимо кордона под ильмом, потом дальше — пересекая всю территорию и направляясь к шоссе, где три дня назад мы мчались на такси с Володей Мещеряковым. Выбрались на шоссе, проехали немного и опять свернули на грунтовую в восточной части Уссурийского заповедника.

— Давайте назовем этого Юрия Сергеевича «Сачок»,— помолчав, предложил Николай Григорьевич и кивнул в мою сторону.— Надо же нам как-то их различать. А того Юрия Сергеевича — Бальзаминов. От слова «бальзам».

— Видите ли,— осторожно проговорил я, следя за тем, чтобы в голосе не прозвучало обиды, а только лишь убедительность,— я ничего не имел бы против, но «сачок» несет двойной смысл. Сачок — это и орудие лова, и существительное от глагола «сачковать», что в данном случае вряд ли оправдано. Да и потом, я ведь не столько ловлю, сколько фотографирую и рад бы вообще не ловить!

— Да, верно. Согласен с вами,— серьезно произнес доктор Васильев.— Не соответствуете, верно. Если хочешь поймать бабочку, то надо достаточно резво бегать, не лениться. «Сачок», пожалуй, не подходит.

Тут, конечно, Юрий Сергеевич растянул губы в улыбке и произнес:

— Павлиноглазка — тоже хорошее имя, правда? Вкрадчивость и изящество...

Ну, ясно. Сегодня я искренне, доверчиво и вежливо поделился своими симпатиями, а вчера с удовольствием показывал им всем коконы и заботливо устраивал временное пристанище павлиноглазкам... И вот результат. «Сачок», «Павлиноглазка»... Ничего себе.

Николай Григорьевич, очевидно, угадав мои мысли, подумал и сказал примирительно:

— Ну, тогда Махаон. Вот, пожалуй, вполне подходя-

ще. Он ведь так нравится вам. Как считаете, товарищи? Юрий Сергеевич Бальзаминов и Юрий Сергеевич Махаон. Все согласны?

Первое имя было поддержано дружным сочувственным смехом, а по поводу второго общество выразило свое согласие сдержанно. Зато Алиса Львовна приветливо и ободряюще мне улыбнулась. И мне стало легче: в слове «махаон» все же есть нечто... Другой Юрий Сергеевич принял свою новую фамилию спокойно и мужественно.

Грузовик остановился.

— Приехали,— сказал Николай Григорьевич.

Мы по очереди спрыгнули на землю.

Справа от дороги был сплошной лес, а слева довольно обширная поляна с высокой травой. Множество цветов пестрело в траве, летали бабочки. Почти тотчас я увидел двух Синих махаонов, которые гонялись друг за другом и, наконец, кружась в совместном танце, взмыли высоко в небо.

Увы, нам предстоял путь через поляну и лес на сопку, которая возвышалась на некотором расстоянии от нас, на довольно внушительную высоту. Это и была Змеиная гора. Ясно, что мы не останемся в благословенном месте, а пойдем к вершине. Вершина была суровая, скалистая, свое название она получила потому, сказал Николай Григорьевич, что там обитает множество змей.

Тут впервые, пожалуй, я почувствовал в себе то самое раздвоение, которое было потом на протяжении всей экспедиции: с одной стороны, радость предстоящего пути сквозь тайгу и ожидание все новых и новых впечатлений в масштабе привычном; с другой — горечь от того, что столь дивные микросообщества мелких существ, «дремучие поляны» и загадочные дебри какого-нибудь куста, мимо которых мы так быстро проходим, остаются непознанными, неисследованными и незапечатленными на цветной обратимой пленке, а следовательно, и в памяти. То есть неудовлетворенность от непознанной глубины.

Так и в жизни нашей: желание постоянных передвижений в пространстве, стремление к разнообразию гонит нас вперед и вперед, но в этой гонке мы подчас сожалеем о том, что не остановились, не осмотрелись, не познали понастоящему того, что рядом, не запечатлели именно близкого во всем многообразии и глубине. Что выбрать в каждом конкретном случае, чему отдать предпочтение, на чем остановиться? Если бы мы знали...

— Ну, с богом! — произнес глубоким басом доктор Васильев и зашагал первым через поляну в лес.

Мы вступили в чащу и первое время шли по равнине. Лес отличался от того, какой был на Живой горе. Первое, что обращало на себя внимание, это сплошные заросли папоротника. Здесь, по словам Николая Григорьевича, рос главным образом папоротник-страусопер (он называется так потому, что листья его и на самом деле отчасти напоминают страусовы перья) и орляк, листья которого, очевидно, напоминают крылья орла. Молодые побеги орляка, оказывается, собирают весной, как грибы, и даже сдают на заготовительные пункты. Они съедобны — по вкусу напоминают белые грибы, их не только едят местные жители, но и отправляют на экспорт, главным образом в Японию, потому что нежные побеги орляка — «вараби» — национальное блюдо японцев. Кстати, орляк, пожалуй, самый распространенный папоротник на земле, один из самых живучих, и растет он почти на всей территории нашей страны.

Часто встречались клены — клен мелколистный, клен ложнозибольдов с мелкими резными листьями, отчего над головами у нас была временами сплошная темно-зеленая, а временами вся пронизанная солнечными лучами и оттого ярко светящаяся изумрудная крыша. Местами крыша состояла из листьев ореха маньчжурского, тоже мелкоразрезных, но другой формы, напоминающих листья акации, кое-где сквозила серовато-зеленая рябь амурского бархата. Тут же росли хвойные — пихта, кедр корейский, а вперемешку с ними — липа амурская, дуб монгольский... По берегам ручья теснились кусты амурской сирени, которая уже отцвела, и очень характерный для приморской тайги кустарник — леспедеца двуцветная, усыпанная мелкими розовато-сиреневыми цветочками. Кое-где под солнечным лучом вспыхивали довольно крупные фиолетовые цветы аконита, или борца, названного так за форму цветов: каждый из них напоминает средневековый рыцарский шлем. Приятно было встретить милую русскому сердцу березу, но здесь росла береза главным образом других видов, нежели в средней полосе — береза черная с темной корой и береза желтая с шелушащейся, отстающей от ствола корой, отчего деревца имели какой-то неопрятный вид — не в пример чистоплотной и целомудренно-чистой нашей белокорой березке! И то тут, то там величественно стояли колонны ильмов, словно именно они держали на себе всю мощную

зеленую массу. Здешний ильм называется «ильм долинный» в отличие от менее рослого и менее стройного «ильма горного». Его древесина прочна, красива, достаточно хорошо поддается обработке, в результате чего ильм, как и некоторые другие ценные породы деревьев, становится все более редок. Ильмы растут в тропических и субтропических лесах, это типичный представитель южной флоры, а относится он к семейству ильмовых, порядку крапивных, как ни странно, и потому имеет родство с крапивой...

Перешли по поваленному дереву речку. Вода в ней была прозрачная, хотя казалась коричневатой. Речка текла словно в сплошном зеленом тоннеле. В густоте деревьев лишь кое-где были небольшие просветы, а внизу — крошечные полянки с кустарниками, папоротником и еще коекакими травами, над которыми пляшущим полетом порхали бабочки — главным образом белые с сероватым рисунком уссурийские пеструшки, а также похожие на них, только покрупнее и потемнее, ленточницы Гельмана и ленточницы Прейера. И еще серые и шоколадные сатиры и бархатницы. Я напряженно вглядывался в надежде увидеть зефиров, но они не встречались.

Шли хотя и не очень быстро, но без остановок. Только Юрий Сергеевич «Бальзаминов», который тоже был с фотоаппаратом, нашим родным, отечественным «Зенитом-Е», понимал меня в моих танталовых муках, и мы отставали с ним, чтобы запечатлеть либо внезапно открывающийся, залитый солнцем просвет в дебрях леса, либо куст папоротника с веером листьев, либо гордое соцветие аконита, а то и красивый гриб.

Грибы — главным образом, поганки и трутовики — были разнообразны и оригинальны по форме и цвету. Особенно эффектно смотрелись на стволах старых или даже мертвых деревьев темно-коричневые, почти черные и бархатные с яркой белой окантовкой «кружева» трутовика, очевидно, из рода кориолусов — они, казалось, светятся призрачным светом.

Лес, по которому мы шли, Николай Григорьевич охарактеризовал как «долинный папоротниково-ильмовый лес», который пострадал от пожара, случившегося здесь лет пятьдесят назад, вероятно, от молнии. Определить это печальное прошлое мог только опытный взгляд ботаника, причем не столько по обугленным остовам больших деревьев, сколько именно по мелкорослости и многообразию лиственных, быстрорастущих пород. В давнем бедствии удалось уцелеть лишь некоторым великанам-ильмам: Николай Григорьевич привел нас к гиганту, поперечник ствола которого равнялся нескольким метрам, а густая крона исчезала в далекой выси. По словам доктора Васильева, было этому ильму лет 600. Сколько же довелось пережить великану за шесть веков?

Постепенно начинался подъем, и наконец он стал настолько крутым, что мы вынуждены были хвататься за стволы деревьев, и это было не всегда безопасно — попадались стволы уже умершие, а потому хрупкие и ненадежные, или же прочные, но прямо-таки усеянные короткими, острыми шипами. То были стволы диморфанта — дерева из семейства аралиевых, родственника аралии маньчжурской и женьшеня. Диморфант, обладающий, как и все аралиевые, множеством лекарственных свойств, стал настолько редким, что занесен в Красную книгу.

Крупных животных мы не видели и не слышали, и не удивительно, потому что чуткие уши наверняка задолго предупреждали их о нашем приближении — идти бесшумно в густом лесу было почти невозможно. Тем более, что Николай Григорьевич и Толя постоянно говорили на ботанические темы: Толя делал успехи и мог определить и правильно назвать уже чуть ли не каждое здешнее дерево. Мне премудрости ботаники пока давались с трудом, потому что мои глаза постоянно искали объекты более мелкие, скрытые в переплетениях листвы. Для меня тайга не разделялась на отдельные кустарники и деревья — это были сплошные зеленые кущи, бескрайний живой океан,— обиталище, главным образом, мелких существ.

Существ, однако, было немного. Вернее, было-то их, возможно, и много, но попадались они нам на глаза не слишком часто — лес на склоне Змеиной горы казался мрачным и необитаемым.

Наконец взобрались на вершину, она была тоже лесистой, однако деревья здесь росли небольшие и оставалось место кустарнику, освещенному солнечными лучами, и даже высокой траве. Мы остановились у отвесного скального обрыва, и нашим глазам открылись зеленые заповедные дали — сопки, покрытые лиственным лесом, Отчего они казались кудрявыми, скошенный почему-то луг, грунтовая дорога.

— Здесь мы бывали с Алексеем Ивановичем,— сказал Николай Григорьевич.— Удивительный был человек. Рука у него практически не работала, но за какой-нибудь ба-

бочкой он мог гнаться по любой круче. Вот в этом самом месте он однажды чуть не сорвался, мы с профессором Бромлеем его едва удержали. За какой бабочкой, сейчас уже не помню, но подоспели вовремя. Еще бы чуть-чуть...

А я вдруг увидел желтого уссурийского махаона. Это было удивительно, я совсем не ожидал его встретить — махаоны давно отлетали, еще в июле, но то был несомненно он: коснулся на лету одного цветка, другого, совершил изящный пируэт у самого края обрыва... Забыв обо всем на свете, я кинулся за ним с сачком, отчаянно махнул им... И чуть не сорвался.

— Осторожнее! — крикнул Николай Григорьевич.— Что вы, Юрий Сергеевич, здесь нельзя так, это очень опасно.

Уссурийский махаон скрылся, но тотчас замелькал еще более желанный Синий махаон — невозможно остаться равнодушным перед роскошным сине-зеленым отливом! — и опять я едва не забыл, что в двух шагах многометровая бездна. Коварная вершина...

Да, здесь, на вершине, был уютный открытый участок, и его охотно посещали разные бабочки. Но ни одну я так и не успел ни сфотографировать, ни поймать. Николай Григорьевич сфотографировал стройное деревце можжевельника на скалах обрыва, сказав, что это — занесенный в Красную книгу реликтовый твердый можжевельник, и мы начали спускаться.

Ни во время подъема, ни на вершине, ни в течение спуска мы не встретили ни одной змеи. Хотя, таким образом, гора так и не оправдала своего названия, однако мы не жалели.

КОВАРСТВО ВИРУСА

— А почему у Алексея Ивановича плохо работала рука? — спросил я, когда мы благополучно заканчивали спуск со Змеиной горы.

— Энцефалит,— коротко сказал Николай Григорьевич.

— Неужели от клеща?

— Да, энцефалитный клещ. Алексей Иванович давно переболел, но рука так и осталась почти без движения. Паралич. Ходить ему тоже было непросто — он хромал.

— Значит, с клещом на самом деле серьезно?

— Конечно. Очень серьезно.

Уже не в первый раз я внимательно оглядывал свои руки, ноги, ощупывал шею, но ни одного клеща пока так и не обнаружил.

— Сейчас вероятность очень мала,— сказал Николай Григорьевич.— Клещ в больших количествах бывает в апреле — мае. Болезнь так и называется: весенне-летний энцефалит. Но и тогда вероятность встречи с клещом, зараженным энцефалитом, приблизительно одна тысячная. На тысячу клещей один опасен. Да и то вирус передается только через 3—4 часа после того, как клещ впился. Если его вовремя снять, то заражения не будет. Нужно почаще себя осматривать.

— А вы делали прививку? — спросил я.

— Нет,— признался Николай Григорьевич,— я лично не делал. Но лучше сделать. Особенно если вы приедете сюда ранним летом или весной.

Позже, уже в Москве, я ознакомился с литературой о клеще. Оказалось, что раньше никому и в голову не приходило связывать страшную болезнь, которая поражала людей, часто бывавших в тайге, с маленьким и таким обычным в этих местах клещом.

У заболевших поднималась температура, их мучили резкие головные боли, рвота. Затем они или умирали, или оставались инвалидами на всю жизнь — с парализованными мышцами шеи, рук, ног. В начале тридцатых годов местные врачи еще не знали, что это за болезнь. Ясно было только, что все это связано с поражением центральной нервной системы, а причина ее — вирус. Но откуда он? Кто является его переносчиком?

Характерным было и то, что болезнь не передавалась от человека к человеку, как, например, грипп, чума, холера и другие инфекционные болезни. Люди, которые ухаживали за больными, не заболевали. Источник коварного вируса был, очевидно, где-то в тайге, потому что заболевал именно тот, кто хотя бы раз побывал там. И еще было замечено, что болезнь развивается, главным образом, в весенне-летний период. Очевидно, что переносчиком болезни является какое-то из кровососущих членистоногих. Но какое?

Наконец в середине тридцатых годов была отправлена большая экспедиция в таежные районы Дальнего Востока. Перед экспедицией стояла задача: выяснить, какой из представителей многочисленной армии кровососов, обита-

ющих в тайге, является переносчиком вируса энцефалита. К какому племени относится коварный преступник-рецидивист, отравитель и подлый убийца?

О, представителей этой многочисленной армии хватало! Это и насекомые — мошки, комары, мокрецы, слепни, объединяемые общим термином «гнус»,— и клещи, которых тоже известно было несколько видов. Так кто же? Кто же конкретно?

Очевидно, что сначала нужно было составить календарь массового появления разных видов кровососов, чтобы потом сравнить его с графиком заболеваемости людей.

Этой кропотливой и небезопасной работой занялся, в частности, А. В. Гуцевич, ученик знаменитого советского паразитолога, академика Е. Н. Павловского.

Естественно, что первыми, на кого пало подозрение, были именно летающие насекомые. Ведь никто иной, как комар, переносит, например, малярию...

А. В. Гуцевич облюбовал заболоченную лесную поляну на окраине таежного поселка и в один и тот же час в любую погоду приходил на нее. Он садился на открытом месте, добровольно отдавая себя на съедение гнусу. Представители многочисленной рати кровососов с энтузиазмом впивались в лицо, в шею, руки... Но исследователю только этого и надо было. Он быстро накрывал насекомое пробиркой и осторожно препровождал его в морилку. Потом в экспедиционной лаборатории пойманных кровососов распределяли по группам, чтобы подсчитать, сколько среди них комаров, мошек, мокрецов, слепней...

А ведь любой из кровососов, между прочим, мог быть переносчиком коварного вируса. А. В. Гуцевич рисковал своим здоровьем, а может быть, даже жизнью. Но в первый ли раз ради науки, ради здоровья и жизни многих людей человек жертвовал самим собой? И надо сказать, что не один А. В. Гуцевич подставлял себя кровососам в той экспедиции, фамилии других самоотверженных людей даже не вошли в историю медицины...

Итак, были вычерчены кривые массового появления различных представителей гнуса. Однако когда их сопоставили с кривыми заболеваемости людей, оказалось, что ни одна группа кровососущих летающих насекомых не. появлялась до начала появления болезней. А значит... Значит, возбудитель переносится не ими.

Но тогда кем же? Кто же он, коварный убийца? Расследование продолжалось, начались новые поиски.

Вот тут-то подозрение и пало на клещей.

Кое-что об этих паразитах домашних и диких животных, а также и человека, уже было известно.

Итак, вот оно, «досье» клеща.

Клещ — не насекомое, он представитель класса паукообразных. В отличие от шестиногих насекомых, у него восемь ног, он не летает, а медленно ползает, обитает в «лесной подстилке», в трещинах почвы, влезает на ветви и листья кустарников и деревьев, на травинки — здесь, как правило, взрослые голодные клещи и сидят, протянув вперед передние конечности, словно взывая о помощи, и... тотчас цепляются за кожу, шерсть, перья, одежду проходящих, пробегающих, проползающих, а то и пролетающих мимо... Животных, птиц, людей... Конечности его снабжены прочными и острыми крючками, найдя на теле жертвы удобное тепленькое местечко, он устраивается надолго, вонзает свой прочный и острый хоботок-насос, предварительно впустив анестезирующую жидкость, как бы сделав «обезболивающий укол», и начинает сосать кровь ничего не подозревающего хозяина.

Если суетливые и беспардонные крылатые вампиры-насекомые насыщаются за одну-две минуты, то клещи гораздо более основательны и неторопливы. Им, чтобы хорошенько подкрепиться, необходимо несколько дней... И за это время маленькое плоскотелое голодное существо длиной в 2—3 миллиметра вырастает до размеров боба. После столь сытной трапезы, если, конечно, ничто ей не помешало, раздувшийся до безобразия клещ отваливается от своего бесплатного кормильца, падает на землю и уползает в лесную подстилку, в трещины почвы — благополучно возвращается, так сказать, на круги своя...

Да, преступник, конечно. Жулик и кровопийца. Вампир. Но — убийца ли?

Как и все живое, клещ выводится из яйца, но прежде, чем превратиться во взрослое половозрелое, способное к произведению потомства существо, личинка клеща проходит две стадии — стадию собственно личиночную и стадию «нимфы» (так сказать, «детство» и «отрочество»). И если личинка первой стадии паразитирует на мышах, птицах, бурундуках — то есть мелких животных,— то нимфа может присосаться уже и к человеку (не говоря уже о взрослом половозрелом клеще).

Так, так. «Моральный облик» клеща постепенно приоткрывается. Но...

Продолжительность жизни клеща, от яйца до естественной смерти, разная. Обычный клещ в условиях умеренного климата живет от полугода до двух-трех лет, в зависимости от того, к какому виду принадлежит. Но бывает, что циклы жизни клещей растягиваются и достигают четырех лет. Взрослый клещ может существовать без пищи целых восемь лет, сохраняя способность присосаться и полностью восстановить свои силы, как только такая возможность представится...

Прискорбно, хотя и любопытно. Однако еще не все ясно.

Насосавшаяся до размеров боба и благополучно перекочевавшая в лесную подстилку взрослая самка спокойно лежит где-нибудь в укромном месте, переваривает чужую кровь, а в это время в ее организме зреют сотни, а у некоторых видов клещей даже тысячи яиц. Наконец она старательно откладывает их тут же, а потом, посчитав, очевидно, что ее жизненный цикл завершен благополучно и праведно, умирает.

Так, понятно. С клещом все ясно, как говорится. Тут ничего не поделаешь. В чем обвинить клеща? Ведь он же создан таким, что питается только кровью. Без чужой крови жизни для него нет. Можно ли его судить? Но...

Но дело-то в том, что вместе с кровью взрослый клещ или личинка впитывают в себя и вирусы болезни — в том случае, если хозяин, на котором клещ паразитирует, заражен этими вирусами. И коварство вируса в том, что он теперь остается в теле клеща. А потому если этот клещ, несущий вирусы как последствие своего прошлого кровопийства, вопьется теперь в тело здорового животного, то вирусы перейдут в здоровую кровь.

Так, так. Это уже серьезней! Это уже зацепка. Однако при чем тут энцефалит? Клещи, собственно, и раньше считались переносчиками некоторых болезней скота. Ими до сих пор интересовались только ветеринары.

Вот тут-то и вспомнили паразитологи, что люди, заболевшие страшной таежной болезнью, говорили, что незадолго до этого снимали с себя насосавшихся клещей... Стоп! Эврика! Держи его!

И еще весьма знаменательный факт: клещи в тайге появляются раньше крылатых кровососов. Перезимовавшие взрослые клещи набрасываются на людей уже ранней весной, как только сходит снег.

Внимание! Внимание!

И когда сняли кривую появления таежных клещей и сравнили ее с кривой заболеваемости людей энцефалитом, вывод стал напрашиваться сам собой. Это он. Он!

Но нужно было проверить. Собранных голодных клещей кормили в лаборатории на белых мышах, чувствительных к заражению вирусами энцефалита. И первая же подопытная мышь заболела и погибла: у нее развился паралич. Та же участь постигла и еще одну подопытную мышь. И самое существенное здесь было то, что внешняя картина ее болезни была сходна с той, какая наблюдалась, если мышам вводили вирус энцефалита, взятый от больного человека...

Вот так. Кажется, многое становится ясным? Многое, но не все. Во-первых, какие из видов клещей, обитающих в тайге, передают человеку вирус энцефалита? Кто именно тайный убийца? Во-вторых, от каких именно животных приобретают они коварный вирус? То есть, кто пособник? В-третьих, как уберечься людям от страшной болезни? Как обезвредить преступника?

Вопросы эти нужно было решить как можно быстрее: болезнь продолжала свирепствовать, а людям приходилось жить и работать в тайге. Убийца гулял на свободе...

Вторая экспедиция была организована в 1933 году, начальником ее был сам Е. Н. Павловский, а его заместителем и руководителем вирусологических работ — профессор А. А. Смородинцев.

Оказалось, что все виды клещей, обитающих в местах работы экспедиции, являются переносчиками возбудителей энцефалита. А носители его — дикие грызуны, птицы и другие обитатели тайги. От них-то и переходят к клещам коварные вирусы, а как только клещ впивается в человеческое тело, вирусы энцефалита поступают в человеческую кровь и поражают нервную систему. Человек заболевает страшной болезнью. Позже было установлено, что даже в теле клеща, который голодал в течении восьми лет, сохраняются коварные вирусы! И если только ему удастся напасть на человека, вирусы переходят в человеческий организм, и энцефалит обеспечен... Уберечься же от заражения можно только одним путем: не позволять клещам присасываться к телу.

Вот так и выяснилось, что хотя убийца — клещ, однако убивает он вовсе не по своей злой воле. Он сам, в свою очередь, лишь пособник убийцы, воистину коварного, скрытого, невидимого даже простым глазом! Вирус — вот

злодей истинный и безжалостный! Клещ — лишь игрушка в его руках, слепое орудие.

И началась работа над созданием лечебного препарата — вакцины против клещевого энцефалита, потому что уберечься в тайге от клеща невозможно. Враг был слишком серьезен, и во время этой работы заразилось и умерло несколько человек — врачи, лаборанты.

Вакцины создали, и заболеваемость клещевым энцефалитом резко снизилась. Однако...

Однако в 50-х годах было открыто другое, не менее страшное заболевание, переносчиком которого являются уже старые знакомые — комары: острое инфекционное заболевание с преимущественным поражением центральной нервной системы. Называется оно — комариный, или японский, энцефалит. Болезнь свирепствует уже не в весенне-летний, а в летне-осенний период, именно тогда, когда в массе появляются комары: с августа по октябрь. К счастью, и с комариным энцефалитом удалось в значительной мере справиться, а заслуга в этом — ученицы академика Е. Н. Павловского, паразитолога П. А. Петрищевой...

Вот такие, как говорится, пироги. Давно известно, что самый страшный враг — тот, которого даже и не видно.

Но — повторяю — пока никто из нас, к счастью, не находил на себе ни одного клеща, а комаров пока было немного...

«СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА»

— Теперь мы навестим красавицу,— сказал Николай Григорьевич, когда мы наконец спустились со Змеиной горы.— Вы не очень устали?

— Красавицу? — Мы с Юрием Сергеевичем переглянулись.— Да нет, совсем не устали. Конечно, давайте навестим!

— Тогда пойдем.

Проходя сквозь заросли бальзамина-недотроги, мы встретили совершенно великолепную самку Синего махаона, почти не уступающую по красоте и свежести той, какую я поймал во время охоты за Пенелопой. Оказывается, хвостоносец Маака с удовольствием лакомится нектаром изящных желтых цветочков недотроги, напоминающих бантик с хвостиком. Нам с Юрием Сергеевичем удалось сфотографировать очаровательную крупную бабочку на одном из камней. Вот уж красавица так красавица, подумал я. Но к какой же красавице мы-то идем?

Оказалось, что у основания Змеиной горы скрыта знаменитая пещера, вошедшая во все туристические справочники Приморья. Называется она «Спящая красавица» — по имени небольшой красивой скульптуры-горельефа, высеченной прямо из камня стены. По преданию, в середине прошлого века в этой пещере жил человек, скрывавшийся от властей. Коротая дни, он якобы и создал каменное изваяние прекрасной спящей женщины с длинными волосами...

А с нами в пещере произошло неожиданное. Мы вскарабкались по крутой узкой тропинке ко входу — отверстию в скале диаметром меньше метра. Оно было прикрыто массивной железной дверью на петлях и с замком. Замок оказался незапертым. Надев на себя свитера и штормовки — Николай Григорьевич еще утром велел нам взять их с собой, предупредив, что они очень нам пригодятся,— взяв электрический фонарик, мы полезли в таком порядке: Анатолий Петрович, Алиса Львовна, Юрий Сергеевич Бальзаминов, я. Николай Григорьевич уже не раз бывал здесь, а потому он решил не сопровождать нас, а только лишь объяснил, как лезть, и остался снаружи.

Много было кряхтенья, много смеху, потому что, миновав довольно просторную «прихожую», нужно было ползком пробираться в узкую влажную каменную щель, настоящий извилистый лаз, причем не такой уж короткий, и мы по очереди застревали...

В пещере без фонаря был полнейший мрак, холод и влажность, ладони рук и колени скользили по грязи... Наконец мы добрались до конечной камеры, где, по объяснениям Николая Григорьевича, и находилась «Спящая красавица». Камера была высотой около метра и не намного больше в ширину — воистину «каменный мешок».

Однако «Спящей красавицы» мы не увидели.

— Где же она? Вот интересно!..— недоуменно восклицал Толя, обшаривая лучом фонаря влажные стены «каменного мешка».— Где же красавица-то? Вы видите, Алиса Львовна?

— Нет, не вижу,— глухо доносился тонкий голосок единственной в экспедиции женщины.

— Ну-ка, дайте мне посмотреть,— кряхтел Юрий Сер-

геевич, просунувший одну лишь голову туда, где, скорчившись в три погибели, вертели шеями двое.— Правда, не видно... Ну-ка, вот туда посвети, Толя.. А туда? Правда не видно. Вот номер! Где же она?

Наконец и мне удалось всунуть голову в обитель «Спящей», предварительно как следует потеснив своего тезку. Но и я ничего не увидел, кроме сырых мрачных стен.

— А может, вот это? Неужели она? И всего-то! — в полном недоумении воскликнул вдруг Юрий Сергеевич.— Вы видели?

У конца лаза, в самом начале камеры, была высечена из камня крошечная женская головка, высотой меньше десяти сантиметров. Милая головка, но вовсе не спящая и совсем не похожая на ту, какую мы видели в проспектах. Неужели она?

Так и не найдя другой, мы вылезли на белый свет в обратном порядке, замерзшие, перепачканные в пещерной грязи и полностью разочарованные.

Но когда мы в подробностях описали свои поиски Васильеву, он изумился:

— Не может быть, ее нельзя не увидеть,— сказал он в крайнем недоумении.— Вы знаете, она сразу бросается в глаза. Я когда в первый раз залез, то не вылезал минут двадцать. Она завораживает, просто завораживает. И высота по крайней мере в полметра! Что-то непонятное произошло, что-то непонятное. А маленькая головка — это совсем не то, это кто-то теперь вытесал, видимо. Что вы! Не может быть, чтобы вы ее не увидели...

Лезть в пещеру Николай Григорьевич не стал, нам давно пора было возвращаться к машине. Решили узнать у егерей и спросили одного из них, который на обратном пути ехал с нами. Он тоже был весьма удивлен и сказал, что не так давно был в пещере и «Красавицу» видел.

Что же произошло?

Позже, уже во Владивостоке, мы еще раз увидели в музее фотографию «Спящей красавицы». Она была совсем не похожа на крошечную головку...

Окончательно выяснилось все только позже. «Спящей красавицы» уже нет в одноименной пещере. Какие-то люди проникли туда вовсе не с целью поклониться искусству. Они скололи знаменитый горельеф и унесли его.

Вот так. Тысячи людей приходили посмотреть на «Красавицу», она была словно сказочная хозяйка Змеиной горы, олицетворяющая добрый человеческий дух, навечно

воплощенный в камне,— дух женственности, красоты. А что теперь?

Куда унесли ее? Чего этим достигли? Ведь вне пещеры, вне каменной легендарной своей обители скульптура эта уже не имеет ценности. Себе, только себе...

Можно ли убить Дух горы? Нет, конечно. Но можно, оказывается, убить свою собственную душу.

«Спящей красавицы» больше нет. То, чем обладают люди, похитившие ее,— лишь мертвый камень.

«КРОКОДИЛОВКА»

Да, увы. Недаром так много говорится сейчас в защиту природы. Люди разны. Одни любят природу и бережно относятся к ней, видя в ней нашу колыбель и обитель, другие почему-то все пытаются завоевать, захватить, переиначить по-своему, ничуть не считаясь с правом каждого существа на жизнь и самостоятельность, присваивая это право исключительно лишь себе...

Ну конечно же, мы не можем обойтись без того, чтобы брать из кладовых природы, а, следовательно, приходится нам губить множество ни в чем не повинных существ. Но ведь весь вопрос — в мере. В мере!

Любопытный факт: еще в период завоевания и освоения Америки белыми пришельцами из Европы возникло два совершенно различных подхода к природе, два мнения. Европейские ученые полагали, что с природой необходимо бороться и безжалостно истреблять в ней все, бесполезное людям. Индейцы племени Сиу считали, что Великий дух не создал в природе ничего лишнего и каждое существо должно брать лишь то, что нужно для его ежедневного пропитания.

В сущности, эти два мнения бытуют среди людей и сейчас. Хотя состояние природы теперь таково, что все большее и большее число ученых склоняются к тому, что правы были все-таки индейцы... А про писателей, поэтов, художников и говорить нечего. Великий азербайджанский поэт Низами Гянджеви еще восемьсот лет назад в своих поэмах писал, что нет в природе ни одного существа бесполезного, ненужного, не имеющего права на жизнь... Да только ли он один!

Итак, еще в Арсеньеве, когда ходили на лотосовые озера, егерь Леонид Андреевич Данилевич упомянул о де-

ревушке неподалеку от Уссурийска, где существует так называемая контора «Мухи — бабочки». Это заведение якобы занимается тем, что вылавливает бабочек, заготавливая их для московской фабрики «Природа и школа».

Слышал я об этой конторе и от знакомого коллекционера из Москвы. Он рекомендовал найти ее и повстречаться с директором, фамилия которого Ким. Этот человек уже много лет возглавляет своеобразный заготпункт и, уж конечно, знает местную фауну чешуекрылых.

— Я, правда, не уверен, работает ли он еще,— сказал мой знакомый.— Были слухи, что он умер и там теперь новый директор. Но вы все равно постарайтесь побывать в конторе. Они вам помогут по крайней мере советом.

Помню, что слова моего знакомого не понравились мне. Что значит «заготовка бабочек»? В последнее время ведь столько говорится об охране природы. 104 вида бабочек и в их числе многие из дальневосточных занесены в новое издание Красной книги СССР. На территории Европы уже множество видов бабочек не первый год охраняется законом. В нашей стране запрещено даже собирать частные коллекции, школьникам на лето теперь не будут даваться разорительные для природы задания собирать бабочек. И вдруг «контора по заготовке»! И где? В уникальном, единственном в своем роде крае, где только и уцелели реликтовые формы! Нет, что-то здесь не так. Что-то я, наверное, не понял.

Однако и Леонид Андреевич Данилевич, и Володя Мещеряков тоже говорили об этой конторе.

— Понимаешь, они хвостоносцев сотнями вылавливают, и переливниц Шренка. Но не только. Они всех подряд губят, а в том числе и самых редких реликтов! — говорил Володя, а меня при одной мысли о массовой ловле Синих махаонов и радужниц Шренка прямо-таки передернуло.

— Неужели это правда? Этого же просто не может быть? — сказал я.

— Может, еще как может,— возразил Володя, а Леонид Андреевич подтвердил:

— Я был там проездом. Видел. Еще как вылавливают. И знаете, самое удивительное, что контора эта совсем рядом с правлением заповедника «Уссурийский». Там есть такая деревня — Каймановка, она соседствует с Каменушкой, собственно, они как одна деревня. Вот тут правление заповедника, а буквально в ста метрах — контора «Мухи — бабочки». Как нарочно. Ну просто издевательство.

— За последние годы бабочек стало меньше, это явно заметно, правда ведь? — обратился Володя к Данилевичу, и тот кивнул.— Их охранять надо, на эту тему все газеты пишут, по телевизору говорят, конкурс диафильмов у нас организовали об охране природы, а в это самое время...

— Но может быть, они все же не в массе вылавливают — зачем же в массе-то? — возразил я.— Может быть, там просто ученые уникальную коллекцию собирают...

— Какие там ученые! Мальчишек набирают из местных, они и ловят, что попадает, а половину просто-напросто давят, ломают и выбрасывают. Да вы ведь будете в «Уссурийском». Зайдите. Сами увидите...

И вот теперь я был в Каменушке. До отъезда в заповедник «Кедровая падь» оставалось несколько часов, и я спросил у директора Виктора Леонидовича, правда ли, что существует эта «заготконтора». Реакция Виктора Леонидовича была мгновенной:

— «Мухи,— бабочки»? Еще бы! Конечно, правда! Мы же постоянно воюем с ними, штрафовали уже. Их ловцов в заповеднике задерживали сколько раз! Они у нас вот где сидят. А что поделаешь? Государственная организация, никуда не денешься. Филиал фабрики «Природа и школа», которая находится в Москве. Она даже краевой власти не подчиняется!

— Так они что, правда бабочек вылавливают сотнями? — осторожно спросил я.

— Да какими там сотнями! Десятками тысяч, если не сотнями тысяч. У них в штате десятки ловцов с сачками. Сезонными рабочими называются. Ребят вербуют местных, женщин, из тех, кто свободен. «Бичи» у них летом работают, то есть попросту алкоголики. Сачки, как прорвы, куда там вашему. Автотранспорт есть! Вот мы и требуем: отъезжайте дальше, зачем же в районе заповедника...

— И ездят?

— Ездят. По утрам бригада с сачками... Но и к нам заглядывают.

— А каких ловят?

— Да по-моему, всех подряд. У них ведь плата сдельная, со штуки.

— И махаонов?

— Махаонов в первую очередь, они же крупные! И ценные. Только у нас водятся, в Приморье. У них в конторе от размера тоже, по-моему, плата идет.

На автомашинах, организованным порядком за бабоч-

нами? Вербованные рабочие десятками? Сачки как прорвы? Оплата по размеру? План, процент выполнения, обязательства... Ну и ну! Нет, такого все-таки не может быть!

— А кто директор у них? Ким? — старался я сохранить спокойствие.

— Нет. Ким раньше был, долгое время. Недавно умер. Он хороший был человек, бережный, а сейчас там новый, молодой, очень деятельный. С Кимом у нас никаких конфликтов не было, а сейчас... У нас в конторе заповедника объяснения нового директора лежат пачками. Штрафовали их, да это ведь как мертвому припарка. Деньги-то из государственного кармана. Им, по-моему, даже план увеличили в последнее время, причем по их просьбе, я, во всяком случае, знаю, что штат у них сейчас больше, чем раньше. И автомашины теперь две, а раньше одна была.

— План увеличили? Послушайте, но как же так! В непосредственной близости от заповедника... Это же как насмешка. Не может этого быть! И особенно сейчас, когда по всей стране...

— Может быть, очень даже может! Да вы сходите туда, это же рядом. А хотите, вместе пойдем. Только если хотите побольше узнать, своего отношения не показывайте. Я вас представлю как журналиста, а вы попросите для вас каких-нибудь бабочек поймать, интересно, какая будет реакция.

Юрий Сергеевич присутствовал при нашем разговоре, и, несмотря на то, что о судьбе бабочек имел до сих пор самое смутное представление, похоже, полностью разделял мои чувства. Мы направились в контору втроем.

— Эта деревня, где заготконтора, действительно так называется: Каймановка? — спросил я.

— Да, соседствует с Каменушкой...

— Настоящая Крокодиловка! — сказал Юрий Сергеевич.

Да, кайман — это ведь род крокодила, страшного хищника...

— Правда, что Крокодиловка,— согласился и Виктор Леонидович.— Ким хороший был человек. Он понимал, что делал,— продолжал директор заповедника, пока мы шли, а потом, так как дорога была очень короткой, сели на бревнышко неподалеку от железного свежепокрашенного забора, которым было обнесено заведение.— Так вот Ким в последнее время вообще предлагал заготконтору при-

крыть. Он видел, что бабочек становится все меньше и меньше. Катастрофически ведь исчезают! Он местный был, он вообще болел за природу Приморья. Даже просил план урезать по бабочкам. На собрании с этим предложением выступал, я слышал. Да и на самом деле: зачем столько бабочек фабрике? Ну, они говорят, что для школьных коллекций. Да так ли они нужны? Все равно школьников в музей водят — вот пусть коллекции и будут в музее. Это и есть бережное отношение к природе. Да и вообще-то... Я не знаю... В нашей школе, например, где я учился, никаких коллекций бабочек не было. Зато нас и по музеям водили, и на природу мы с нашим природоведом выезжали. В природе увидеть бабочку — это же в сто раз интересней и полезней, правда?

А я вспомнил тот выезд на природу Володи Мещерякова, когда он впервые увидел траурницу, после которой для него «начал делиться мир». Вспомнил и свою траурницу — ту, что в детстве встретилась мне и осталась в памяти на всю жизнь.

— В природе-то бабочек скоро не останется,— мрачно произнес Юрий Сергеевич.

— Если так дело пойдет, то и правда ничего не останется,— согласился Виктор Леонидович.— Раньше их гораздо больше было.

— Странно,— сказал Юрий Сергеевич.— У нас в школе тоже никаких коллекций не было, я помню.

— И у нас,— вспомнил и я.

Юрий Сергеевич вдруг недобро ухмыльнулся.

— Ты говорил, что бабочки теперь очень ценятся, да? — обратился он ко мне и, как всегда, когда был чем-нибудь взволнован, старательно огладил усы и бороду.— Особенно редкие, реликтовые, да? Редкие, реликтовые... Так-так. А почему бы их в таком случае и не ловить, а? Если ценятся...

Неприятные мысли мучали и меня, но я молчал. Я вспомнил еще одного московского коллекционера, о котором рассказывал мой знакомый. Этот коллекционер даже за то, чтобы свою коллекцию показать, требовал в уплату редких бабочек, а еще у него был целый штат помощников — главным образом, студентов,— которых он посылал за свой счет куда-нибудь на Памир или на Тянь-Шань, чтобы они ловили ему именно редких и без счета, всех, что летают. И он всегда был в курсе международных цен на бабочек, от него-то мой знакомый и узнал, что не

которые наши алтайские бабочки, например; тоже оцениваются в сотни долларов... Чего уж говорить о дальневосточных, реликтовых! Разумеется, этот колллекционер считал себя любителем и даже, вероятно, другом природы. Хотя когда мой знакомый наконец удостоился чести посмотреть коллекцию этого любителя и принес в уплату за то несколько пойманных им редких экземпляров, «друг природы» почему-то тщательно занавешивал окна, прежде чем зажечь яркий свет и показать свое внушительное собрание. Он боялся, чтобы соседи в окна не подсмотрели. И еще вспомнился мне промышленник Янковский и реликтовый усач, который в начале века стоил пять рублей золотом... Но тогда и усачей и всех других насекомых было гораздо больше, и не было такой промышленности, загрязняющей атмосферу, и не вырубались в таких размерах леса. И подумалось почему-то о том, что здесь совсем рядом — Владивосток, Находка. Международные порты.

А Виктор Леонидович продолжал между тем:

— Да, редких бабочек все меньше и меньше становится. И не только бабочек. Возьмите — усач каллипогон. Раньше их полно было: идешь по лесу — вдруг рокот такой, словно самолет. Сначала не понимаешь, в чем дело. Потом смотришь: летит! Огромный и словно крест на лету. А теперь разве что несколько штук за все лето встретишь, да и то если повезет. А ведь в Красной книге, охраняется вроде бы. То же и бабочки. Махаоны у луж на дорогах раньше сотнями сидели, а теперь? Два-три если сидят сразу — и то хорошо. А сколько раздавленных на дороге! Я раньше думал: почему? Теперь знаю. Ловцы из заготконторы, ребята, их накрывают по нескольку, а какие облетанные — тех выбрасывают. Но предварительно всех давят. Хоть отпускали бы... Да они не только бабочек, они и жуков собирают. Все, что летает и ползает.

Мы сидели несколько минут молча, настраивая себя на предстоящий визит. В конце концов, может быть, наши обвинения и несправедливы. Мало ли зачем ловят бабочек и мало ли каких! Нужно знать правду. Так думал я, успокаивая себя перед визитом. Наконец встали и пошли.

Ворота были железные, свежепокрашенные, с фигурными силуэтами бабочек на каждой створке. Словно в каком-нибудь парке культуры и отдыха или на детской площадке.

— Это инициатива нового директора,— сказал Виктор

Леонидович.— Капитальный ремонт здесь был. Директор по-своему хороший, конечно. Деловой. И получать у него стали, говорят, больше. Видите, как все основательно.

Да, само небольшое здание конторы действительно смотрелось ухоженным, уютным. Очевидно, что предприятие процветало.

Рядом с конторой стояла грузовая машина, в которой сидело несколько молодых мужчин. Вероятно, они собирались куда-то ехать. Сачков не было видно: наверное, они лежали в кузове.

Директор и на самом деле оказался молодым человеком, лет тридцати от силы. Невысокий, энергичный.

По понятным причинам я не хочу упоминать его настоящую фамилию и настоящее имя-отчество, а назову хотя бы так: Валерий Петрович.

— Валерий Петрович,— представился он, протягивая руку и привставая со стула в своем небольшом, но уютном директорском кабинете.

Здесь по стенам висели ящики разных размеров с аккуратно расправленными бабочками, какие-то плакаты и графики.

— Вот это Юрий Сергеевич, корреспондент из Москвы,— представил меня Виктор Леонидович.— А это — специалист по сельхозмашинам из экспедиции, и тоже Юрий Сергеевич... Интересуются бабочками.

Валерий Петрович улыбнулся и сказал:

— Понимаю. Но вы поздновато приехали, сейчас уже все самые ценные бабочки отлетали. Если очень нужно, то...

— Нет-нет,— прервал его я,— не в том дело, мы просто интересуемся вашей работой. Я, вы знаете, их больше фотографирую. Интересно и то, где, какие, когда водятся. Собираюсь на будущий год приехать пораньше. Когда бы вы посоветовали?

— Июнь-июль. До августа. Вас какие больше интересуют?

— И хвостоносцы, когда их много, и радужницы Шренка, и сефизы, конечно. Альциной, серицин...

— Альциноев, серицинов мало стало совсем, они же по ручьям, где кирказон. Сефиза, бывает, попадается, но тоже редко. Хвостоносцев Маака, радужниц Шренка много, но в июле. Радужниц мы еще в июле закрыли, а хвостоносцев в начале августа. Сейчас павлиноглазок в основном заготавливаем.

— Интересно, сколько же за день, ну, вот, например, хвостоносцев можно поймать?

— Норма у нас — 150 штук в день на ловца. Это запросто. Я так штук шестьсот мог бы поймать.

— За один день?!

— За один день,— с гордостью подтвердил Валерий Петрович.

Мы трое переглянулись, но Валерий Петрович понял это по-своему.

— Конечно, надо бегать,— сказал он.— Не лениться.

— А радужниц Шренка сколько же за день? — спросил я.

— Этих сто норма. А я считаю, штук четыреста за день можно поймать.

— Да, но...— осторожно начал я.— Говорят, их меньше стало.

— Что вы! Важно места найти. На одном месте их нет — в другое едем оперативно. Транспортом сейчас обеспечены хорошо, вторую машину нам дали. Работать надо! Раньше — вы ведь знаете, наверное,— тут директором другой человек был...

— Ким?

— Да, он. Он тоже писал, что бабочек, мол, не стало, план предлагал урезать. Ничего, мы наладили. Ребят мобилизовали местных, женщин. Женщины у нас, правда, на ботанике — с бабочками ловкость нужна, иной раз побегать хорошо приходится. Ничего, молодых ребят берем, мужчин тоже, сезонников, когда какая-нибудь бабочка хорошо идет.

— У вас, говорят, и «бичи» работают?

— Да, бывает, что приобщаем к труду. Студенты тоже, кто подработать хочет.

— И сколько же у вас ловцов бывает одновременно?

— Постоянно человек двадцать, а если какая-то бабочка хорошо идет — до пятидесяти набираем. Тут ведь что важно? Не разбрасываться. Бабочки, они как по расписанию появляются, массой — вот мелочиться и не надо. Как одна какая-нибудь появляется — все на нее.

— Пятьдесят ловцов?

— Да, приблизительно так. А еще научились гусениц собирать, выкармливать бабочек свежих. Куколки собираем. Гусениц научились заготавливать для коллекций.

— Трубочкой надувать?

— Совершенно верно: очищать, надувать, высушивать, нас за это похвалили. Раньше, при Киме, этого не было. Ким не прав был, бабочек еще много...

— А как оплата? Поштучно?

— Нет, мы от этого отказались, теперь у нас повременно — оклад. Люди стараются. А если норму перевыполняют, то — премия.

— И большой район лова у вас?

— Стараемся поближе, но вообще-то наш район по всему Приморью. Мы ведь так и называемся — Приморский цех. Под Находкой наш опорный пункт есть...

— И много таких цехов по Союзу?

— Одиннадцать, но будет расширено — на Байкале создается двенадцатый цех.

— А где еще?

— На Кавказе есть, на Украине, в средней полосе...

— В средней полосе — это где же?

— Ярославский цех, Муромский, Шатурский...

— И все бабочек ловят?

— Конечно. Но не только бабочек. Мы, например, и растения собираем, и минералы, и морских обитателей. Времени зря не теряем...

— Можно еще вопрос: для чего? Бабочек, например. План большой у вас?

— План? Пожалуйста, посмотрите. А для чего... Ну, как же: для школьных коллекций, для рисунков, мало ли. Вот план.

Я не решился переписывать его в блокнот, но запомнил, например, что там стояла цифра 10 тысяч, и относилась она к «дневным бабочкам среднего размера», без указания вида, а следовательно, сюда можно было отнести и людорфию, и сефизу, и серицина, и Пенелопу... Все они — в Красной книге, а будет ли церемониться «бич» или местный мальчишка, выполняющий план по количеству, если поймает ее? Да и сможет ли он ее отличить от других?

— А как вы определяете тех, которых ловите? — спросил я, все еще рассматривая и пытаясь запомнить план.

Валерий Петрович достал два атласа-определителя. Один атлас А. И. Куренцова (предполагал ли ученый, что **его** книгой будут пользоваться для массового у н и ч т о ж е н и я любимых им чешуекрылых?), другой — чешский «Маленький определитель бабочек», автор Тыкач. Ирония судьбы заключалась в том, что, судя по надписи на ти-

тульном листе, книга эта принадлежала жене Куренцова, Галине Эразмовне.

Запомнилась еще такая цифра: 13 тысяч. Столько нужно было заготовить пауков-крестовиков, которые, кстати, считаются одними из самых полезных мелких живых существ. Бабочке павлиний глаз была отведена специальная графа. Этому я тоже удивился, потому что мало встречал ее, хотя время лета ее не прошло. Эта бабочка, кстати, на Кавказе, например, взята под охрану.

— Павлиний глаз тоже? — сказал я вслух.— Но я что-то мало их встречал здесь.

— Да, их очень мало,— согласился директор.— Трудно отлавливать. Но стараемся. План выполняем.

И не в первый раз уже улыбнулся хорошей улыбкой старательного, добросовестного человека. Каким, очевидно, и был. Лично он совсем не вызывал антипатии. Он выполнял свою работу и выполнял ее, по всей видимости, хорошо.

Со странным чувством вышли мы из конторы. На прощание Валерий Петрович любезно пригласил меня на будущий год побывать у них, но только пораньше, в июле, тогда он сможет заготовить для меня все, что нужно.

Ну, что тут сказать? Что в новое издание Красной книги СССР занесен и хвостоносец Маака, и радужница Шренка — те самые, которых заготавливают в «Крокодиловке» по 100—150 штук в день на ловца? Что в журнале «Химия и жизнь», например, парусник, или хвостоносец Маака, назван «очень редкой крупной яркой бабочкой», которая «изредка встречается на Дальнем Востоке»? Что во всем мире теперь исчезающие бабочки охраняются очень строго? Что по возвращении в Москву я говорил с учителями школ на эту тему и не было такого, который не возмутился бы «массовой заготовкой» и одновременно не добавил бы, что он что-то не знает о существовании коллекций дальневосточных бабочек ни в его школе, ни в других, известных ему?

Да что тут много говорить, все и так ясно.

Интересно, как бы высказались по поводу «Крокодиловки» индейцы племени Сиу?

Тут, пожалуй, надо добавить, что потом, в Москве, мы с редактором одного из журналов побывали на комбинате «Природа и школа». Там работают очень симпатичные люди, и никаких коллекций дальневосточных бабочек для школ они не заготавливают. Они были крайне удивлены

тем, что я узнал в конторе «Мухи — бабочки». Они даже сомневались, что у нас был именно такой разговор с директором... На комбинате, наоборот, пытаются всячески избежать уничтожения живых существ для коллекций и заменяют их искусственными, мастерски сделанными.

Но проблема тем не менее, конечно же, остается. Она в том, наверное, что на таком большом расстоянии трудно проконтролировать контору «по заготовке». И, естественно, возникает вопрос: нужна ли вообще такая контора?

«КЕДРОВАЯ ПАДЬ»

Почему-то ничего особенного я не ждал именно от заповедника «Кедровая падь».

Ведь мы ехали туда всего на два дня. А что можно увидеть за два дня, да еще в таких поспешных путешествиях, каким было, например, восхождение на Змеиную гору в Уссурийском? Ведь мне для моих путешествий необходимо как раз медленное передвижение, необходимо время. К тому же Николай Григорьевич сказал, что места, где произрастает кирказон, а следовательно, и водятся серицины и альцинои, находятся не в «Кедровой пади», а на речушке, которая не входит в заповедник, до нее нужно ехать и ехать, и если я хочу снять серицина и альциноя, то нужно приезжать для этого специально.

Да, я уже решил, что обязательно приеду сюда еще. В июле. Когда — как все здесь говорят — наблюдается самый массовый лет бабочек. И обязательно съезжу туда, где растет кирказон, чтобы снять серицина и альциноя. И еще обязательно отыщу хотя бы одно скопление махаонов Маака и радужниц Шренка, чтобы сфотографировать и их — скорее, пока усилиями ловцов «Крокодиловки» не прекратили они свое существование вовсе...

Территория заповедника «Кедровая падь» сравнительно маленькая — около 18 тысяч гектаров, она сплошь занята лесом, полян там почти нет, как сказал Николай Григорьевич, а ведь мне для моей охоты как раз и необходимы именно поляны, луга... Зефиры почти наверняка отлетали, хвостоносцев и ксутов я уже снял, на серицина и альциноя рассчитывать нечего, так что же? Что увижу я там? Пейзажи? Интересно, конечно, но... Больше всего меня не устраивал именно малый срок, спешка — ведь уже

«Уссурийский» прямо-таки мелькнул передо мной, не успев по-настоящему приоткрыть свои тайны: с печалью вспоминал я высокое разнотравье у подножья Змеинки, огромную, почти бескрайнюю дремучую поляну, которую я так и не смог познать, хотя над ней порхали Синие махаоны и наверняка населяло ее множество других бабочек, стрекоз, жуков. Даже вершина Змеиной горы была, с моей точки зрения, интересной — своеобразный микромир,— да еще связанной с именем Алексея Ивановича Куренцова. Однако и там мы побывали наскоро. Но что же делать? Я член экспедиции, и нужно подчиняться общему распорядку...

Мы выехали из Каменушки на той же крытой грузовой машине, долго мотались по разным дорогам, заезжали на Горно-таежную станцию Дальневосточного научного центра за продуктами, причем неудачно: продукты были где-то заперты, мы не знали где, и ключа не было, и не было директора — что-то, видимо, они с Николаем Григорьевичем в переговорах напутали. Потеряли на ожидание два часа, но так ни с чем и отбыли.

Хотя Горно-таежная станция, конечно, тоже интересовала меня. Ведь именно с нею связано пристальное изучение приморских растений, именно там были открыты и изучены свойства многих из них и, в частности, ставшего знаменитым элеутерококка. Создана она была в 1943 году по инициативе президента Академии наук СССР В. Л. Комарова, одним из первых ее сотрудников был А. И. Куренцов. Там — сказали мне — есть великолепный дендрарий... Но — нельзя объять необъятное!

И вот наконец заповедник «Кедровая падь»: несколько небольших островерхих домиков для обслуживающего персонала, дирекции, среди них маленькая гостиница. Здесь мы и остановились.

Когда вошли в комнату, где стояли четыре койки, на которых мы, мужчины, должны были разместиться, и бросили жребий, то мне досталась самая удобная — в углу у окна. Я посмотрел в окно и увидел, что оно затянуто снаружи великолепной ажурной паутиной, в центре которой мистическим символом висит крупный и очень красивый бело-красно-желтый паук-крестовик. Пауки — моя слабость, я немедленно достал фотоаппарат, навинтил кольца и сфотографировал красавца, пронизанного лучами заходящего солнца. Это было хорошее предзнаменование.

Ранним росистым утром, когда птицы уже затеяли свой

разноголосый концерт, я вышел из домика и в зарослях высокой крапивы, цикория, леспедецы и бальзамина-недотроги обнаружил целую серию разнообразных круглых сетей, принадлежащих ближайшим родственникам моего эффектного соседа. Кто-то из них ремонтировал покрытое мельчайшими капельками росы орудие лова, кто-то уже дежурил в самом центре, раскинув чуткие лапы по основным радиальным нитям и ожидая свежий, трепещущий, «горячий» завтрак в виде мухи, осы, бабочки, а на худой конец — какого-нибудь комара.

Эти пауки, в отличие от крестовиков средней полосы, почти не отличались друг от друга рисунками на своих спинках — они были словно крестоносцы в униформе, но форма их была, надо признать, весьма оригинальна. Ярко-желтая, разрисованная тонкими кривыми линиями, а потому отдаленно напоминающая яичницу спинка и ярчайшие полупрозрачные ноги словно затянуты в нейлоновые красно-белые поперечно-полосатые чулки.

Конечно, трудно понять, зачем пауку-крестовику, сидящему в центре паутины, а то и в укрытии из свернутых листиков или под сучком где-то у начала одной из главных несущих нитей, зачем ему броский, явно щеголеватый наряд. Охота его не активна, а, наоборот, пассивна — он ведь сидит в засаде, и ему выгоднее быть незаметным и не лезть на глаза потенциальным жертвам, не пугать их своим вызывающим видом, намекая на перспективу оказаться в желудке пусть эффектного, привлекательного, но безжалостного существа... Так зачем же? Или природа позаботилась тут о собственной его безопасности и, проигнорировав инстинкт осторожности потенциальных жертв, нарочно окрасила его так броско, чтобы предупредить жадных и неразборчивых птиц: осторожно! Это яркое существо, как и подавляющее большинство бросающихся в глаза существ, ядовито! Не клюйте, отравитесь!

Так, что ли?

Как бы то ни было, но во всем облике крестовиков сквозила полная уверенность в безнаказанности, и они, словно драгоценные украшения, светились в утренних лучах солнца на ажурных кружевах, и кружева эти, казалось, сотканы из мелкого алмазного бисера — крошечные капли росы были аккуратно нанизаны на каждую нить.

Красавцы-пауки были только одним из сюрпризов, а еще вечером накануне наконец-то начали выводиться из коконов павлиноглазки. Первая вывелась в банке, пока

мы ехали в «Кедровую падь», обнаружил я ее слишком поздно. И хотя немедленно посадил на веточку, чтобы она могла свесить вниз сморщенные тряпочки нерасправленных крыльев, однако это уже не помогло. Момент был упущен, гидравлика не сработала — очевидно, жидкость уже загустела и закупорила проводящие канальца у самого основания. Первая павлиноглазка так и осталась с короткими сморщенными тряпочками вместо крыльев.

Но уже когда я пристроил коконы в ящике шкафа и соорудил каркас из веток, вывелась вторая, и она-то немедленно взобралась на сухую веточку и повисла, и было захватывающе интересно наблюдать, как «тряпочки» медленно, едва заметно расправлялись, росли, вытягивались и вот наконец превратились в большие, совершенно плоские, сложенные вместе крылья, серовато-коричневатые, с изысканно-скромным узором, со светлой широкой окантовкой, круглыми пятнышками-глазками на каждом крыле, с короткой шелковистой бахромой, и по всей поверхности покрытые густыми короткими волосками, словно шкура северного оленя. Удивительного здесь было много: и механика образования крыльев, и изысканная расцветка их, и сложность строения, и сам этот необходимый период покоя и роста, длящийся, как я заметил, минут сорок,— период, в течение которого бабочка была беззащитна и совершенно беспомощна.

Однако вот она обрела свои четыре крыла и раскрыла их, и это был самый волнующий момент — гадкий беспомощный утенок превратился в прекрасного лебедя, способного летать, тряпичница-Золушка обрела великолепный наряд и стала принцессой. И все это произошло на наших глазах за каких-то сорок минут! Мои спутники — и Юрий Сергеевич, и Николай Григорьевич, и Анатолий Петрович, и Алиса Львовна — с интересом наблюдали за удивительным превращением, что было мне, конечно, приятно. Но и тут Юрий Сергеевич не преминул поставить «запятую»: он назвал меня «акушером»...

Утром, сняв пауков в первую очередь, я принялся фотографировать вчерашнюю новорожденную, посадив ее на ствол яблони. Это была не дубовая, как пойманная ночью в Арсеньеве, а японская павлиноглазка с непрозрачными, в отличие от дубовой, глазками и с угловатыми и чуть более вытянутыми, по сравнению с дубовой, передними крыльями. Мне казалось, что в этой изящной вытянутой форме действительно есть что-то японское.

Тотчас после завтрака мы направились в первое путешествие по заповеднику, а предварительно всем нам выдали резиновые сапоги, так как предстояло переходить вброд реку. Я, по обычаю, взял несколько пленок, два фотоаппарата, набор оптики и карманное зеркальце для подсветки, все это сложив в фотосумку, но, как уже сказано, ничего особенного не ожидал, ибо ясно было, что поход предстоит дальний, а следовательно, слишком быстрый. Честно говоря, мне даже больше хотелось остаться и походить по ближайшим окрестностям не спеша, вооружившись упомянутым изречением Анаксагора «все во всем». Еще у тибетцев есть любопытное приветствие: «Не торопитесь». Мы, встречаясь, говорим: «Здравствуйте!», тем самым желая главного в жизни человека — здоровья; тибетцы же, которые живут в горах и ходят в горах, постоянно преодолевая то подъемы, то спуски, да еще на большой высоте, где, как известно, не хватает кислорода, прекрасно знают, что именно необходимо в их условиях для здоровья. А еще у индийских йогов, к примеру, есть мудрое и многозначительное обращение к суетящимся: «Спешите, спешите... А я подожду в форме цветка у дороги, чтобы опередить вас».

И как ни хотелось мне не торопясь попутешествовать по окрестностям, однако пойти со всеми в поход тоже было весьма интересно, к тому же я ведь знал, что будет еще один день в этом заповеднике — завтра. И я решил пойти.

ЧЕРЕЗ ТАЙГУ

День начинался прекрасный, солнечный. Выйдя из домика, мы почти тотчас же подошли к реке, и началась переправа.

Река Кедровая была здесь довольно широкой — метров тридцать — и быстрой, кое-где вода доходила до кромки голенищ, а дно состояло из округлых и скользких камней. Вымок каждый, но было тепло, и мы, кроме сапог, взяли с собой ботинки, так что на той стороне можно было выжать воду и переобуться. Шли вдоль берега этой самой Кедровой, временами переходя по камням ее небольшие притоки.

В поход с нами отправился директор заповедника Владимир Ильич Погудин, лесничий Виктор Коркишко и научный сотрудник и лесник Евгений Козин.

Кто бы мог подумать, что и в заповеднике могут быть свои проблемы, связанные не только с растениями и животными, то есть основными и главными его обитателями, а — с людьми?

Такое раньше мне просто не приходило в голову. Но еще вчера вечером Николай Григорьевич вкратце рассказал, что Владимир Ильич Погудин работает здесь директором первый месяц, а до него был другой, и смена власти произошла совсем не так просто... Да и теперь, когда мы шли по тропе, Владимир Ильич все что-то рассказывал Николаю Григорьевичу, а Виктор Коркишко и Евгений Козин обсуждали что-то между собой, как бы вовсе и не обращая внимания на пышные дебри, которые, казалось, хотят поглотить, уничтожить тропу... Я знал уже, что в заповеднике обитает несколько семей леопардов, что сюда запросто заходят тигры из Китая и Кореи, что есть здесь кабаны, косули, не говоря уж о более мелких животных и, конечно, насекомых, в том числе и реликтовых, таких, как, например, каллипогон. И женьшень мы можем здесь встретить и даже тропический эпифитный папоротник-многоножку, который растет прямо на стволах деревьев, и мало ли что еще!

Так что пока я не думал о человеческих проблемах — хватало мне думать о них в моих многочисленных командировках от центральных журналов и газет! — а внимательно смотрел себе под ноги и по сторонам.

Да, лес был прекрасный, и я с удовольствием видел, что это опять другой лес — еще более густой, чем раньше. Чувствовалось, что здесь южнее, местами чаща по сторонам тропинки была сплошной и непроходимой. Породы деревьев почти те же, что в «Уссурийском», но они были мощнее, росли гуще. Ильмов меньше, зато не менее внушительными колоннами вздымались тополя Максимовича, амурские липы, корейские кедры, величественные клены. Папоротники тоже другие: вместо орляка произрастал щитовник Буша, высокий, красивый, листья его составляли ажурную аккуратную воронку глубиной почти в метр. Вместе со страусопером он образовывал сплошные папоротниковые заросли, скрывающие человека по пояс. Именно в таких «джунглях», как сказал Виктор Коркишко, любят прятаться и подползать к добыче тигры и леопарды.

Трав было много, а по краям тропинки росли довольно высокие кустики с удлиненными листьями и мелкими зелеными шариками плодов. Не успели мы сделать несколько десятков шагов, как брюки наши покрылись сплошным зеленым слоем из этих плодов-катышков. Они казались липкими на ощупь — из-за множества мелких крючочков, их покрывающих. Есть известная русская пословица: «Пристал как банный лист». Те, кто парился с березовым веничком, очень хорошо понимают происхождение пословицы: мокрый, распаренный лист действительно плотно пристает к голому телу. Но противные липкие зеленые, да еще и не очень приятно пахнущие шарики этой травы пристают еще прочнее — и к телу, цепляясь за кожу и за каждый волосок так, что порой нелегко их отодрать, и к одежде, и к чему угодно.

— Как называется эта милая травка? — спросил я у Николая Григорьевича, едва сдерживаясь, чтобы не окрестить ее каким-нибудь неприличным словом.

— Прилипало пристающее! — с некоторым торжеством даже и с веселой улыбкой ответил доктор Васильев, очевидно, довольный тем, что мы все обратили особое внимание на представителя местной флоры.— Прилипало пристающее,— повторил он, смакуя.— Это научное название. Подходит?

Да, уж... По-моему, это ботаническое название можно отнести к одному из наиболее метких. «Прилипало»! Да еще «пристающее»! Тавтология здесь, ей-богу оправдана. Представляю себе, как надоела милая травка ботаникам, если ее так окрестили. Сначала я пытался яростно сдирать цепкие комочки-шарики с брюк, с рубашки, с обнаженных рук, но потом оставил бесполезное занятие: через несколько шагов и одежда, и руки вновь покрывались противным липким зеленым слоем.

Впрочем, именно благодаря свойству семян, столь неприятному для окружающих, прилипало быстро распространяется и растет везде вдоль таежных троп.

И чего только не встретишь в природе! Прилипало пристающее... И чего только не встретишь также и в среде человеческой. Кто не сталкивался с людьми, которым в сердцах иной раз скажешь: пристал как банный лист! Но теперь я знаю еще более яркий образ. Прямо-таки символ навязчивости. Эх ты, прилипало пристающее!

Шли не очень быстро, и я успел сфотографировать сначала великолепного крестовика на паутине, потом хотя и небольшую по размеру, но очень симпатичную бабочку, которую я принял за зефир Манелиса. Однако это была складокрылка, бабочка тропического семейства: чисто

коричневая с двумя крупными яркими желтыми пятнами на угловатых передних крыльях.

Потом кто-то из спутников поймал для меня ребристую, словно выкованную из сероватого металла и покрытую затейливой сетчатой чеканкой жужелицу, которую я тоже сфотографировал наскоро, а Юрий Сергеевич подсвечивал мне карманным зеркальцем, ловя чудом прорвавшийся сквозь зеленую массу листьев солнечный луч.

Тропинка вынырнула из леса на самый берег реки, довольно высокий и обрывистый в этом месте, и нам открылась широкая панорама. За щебенистой отмелью на том берегу теснились высокие, тонкие и стройные деревья со сквозящей, нежно-зеленой листвой. То была роща чозении, типичных деревьев Юго-Восточной Азии и, в частности, полуострова Корея, отчего и произошло, очевидно, их название, которое, как я уже говорил, означает «кореянка». Эти стройные реликтовые деревца — прародители современных ив и тополей.

А затем Николай Григорьевич привел нас еще к одной из достопримечательностей, особенно милой его сердцу. Он обещал нам ее еще в машине по дороге в «Кедровую падь». И теперь отыскал в лесу. Это был растущий пень. Да-да, нечто совершенно уникальное и странное. Мы привыкли видеть, что возле пня срубленного дерева, а то и прямо из него самого растут тонкие новые веточки. Иногда они даже вырастают в деревья, демонстрируя тем самым вечную силу жизни. Но здесь росли не веточки, здесь рос сам пень — угрюмо, упрямо, действительно рос, медленно вытягивался в длину, кора его набухла и образовала наплывы, которые своей живой плотью уже совсем скрыли плоский срез ствола. Этакая культя. Самое удивительное, что веточек, побегов не было вовсе, не было и листьев, только медленно наплывающая темная масса живой древесины. Еще это напоминало то ли какой-то странный гигантский черный гриб без шляпки, то ли грозный указующий перст, выросший из земли во мраке леса. Очевидно, что остались живыми корни, они и гнали по инерции соки жизни, наращивали плоть, закрывая рану.

Это был странный пень, пень-индивидуалист, пень-уникум, остаток дерева, корни которого, не веря в смерть, изо всех сил слепо сопротивлялись ей, никак не желая уступать место под солнцем потомству — новым росткам и побегам,— а по инерции гнали и гнали соки, уже из последних сил, не получая питания от листвы, уже как бы

Мертвые деревья — последствия тайфуна в верховьях реки Киевки.

Плоды целебного элеутерококка, свободноягодника колючего.

< Плоды пиона даурского.

Знаменитый лимонник — «плод пяти вкусов».

Изюбри на реке Киевке.

Предметы обихода чжурдженей, найденные нашими археологами. >

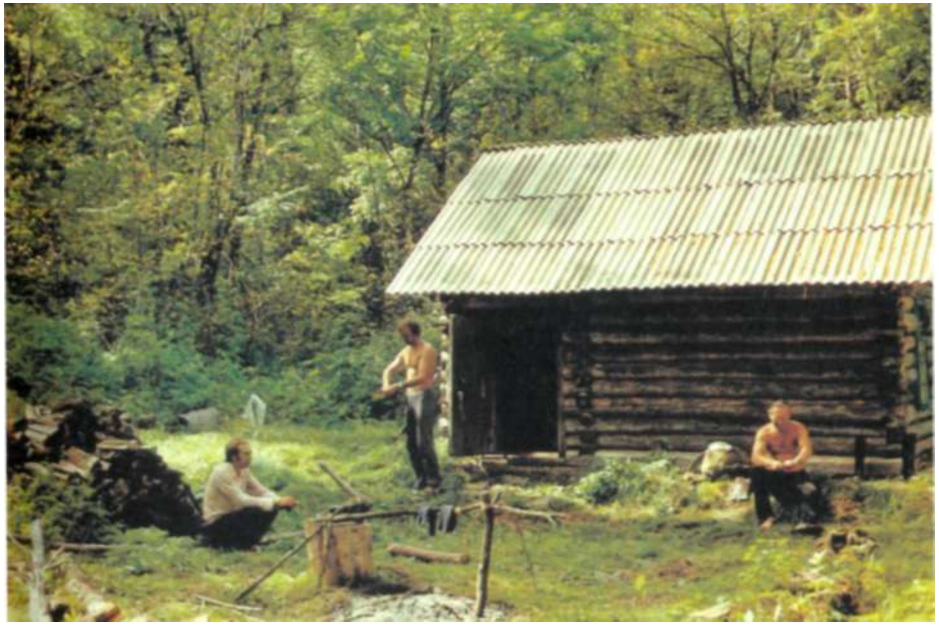
< Уссурийская тайга
в Лазовском заповеднике.

Роща чозении на берегу
реки Киевки.

Паук-крестовик.

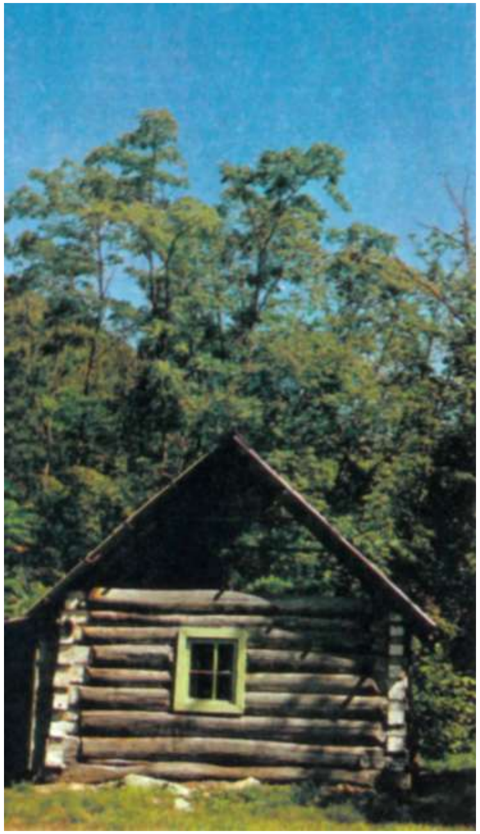
Так выглядит небо >
перед тайфуном.

Кордон «3-й Лог»
и доблестные члены
нашего похода.



Большая черная божья коровка — достопримечательность Лазовского заповедника.

Жук жужелица — хищник в зелено-бронзовых «латах».



Кордон «Сухой ключ» в Лазовском заповеднике.

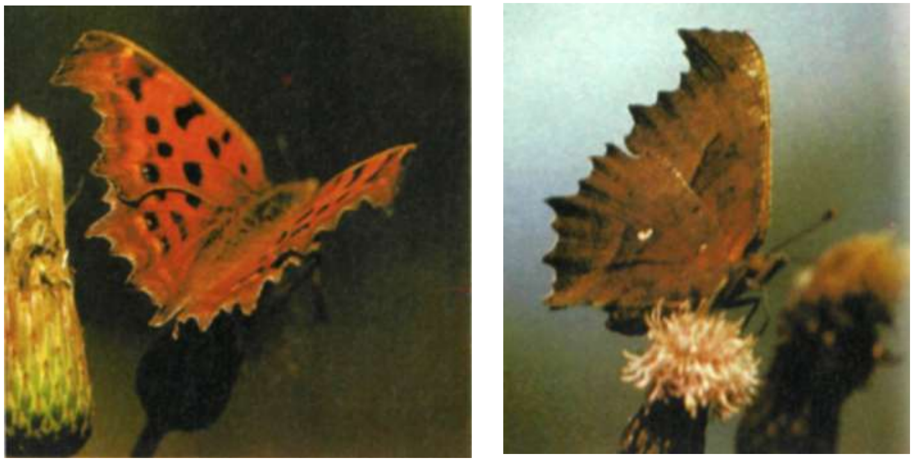
< Так растут арбузы на бахче у Афанасия.

Павлиний глаз.

Пустой кокон павлиноглазки и перламутровка.

Траурница и соцветие колокольчика скученного. >

Бабочка хвостатка и силуэт мраморной бархатницы.



Зубокрыльница «золотое С».

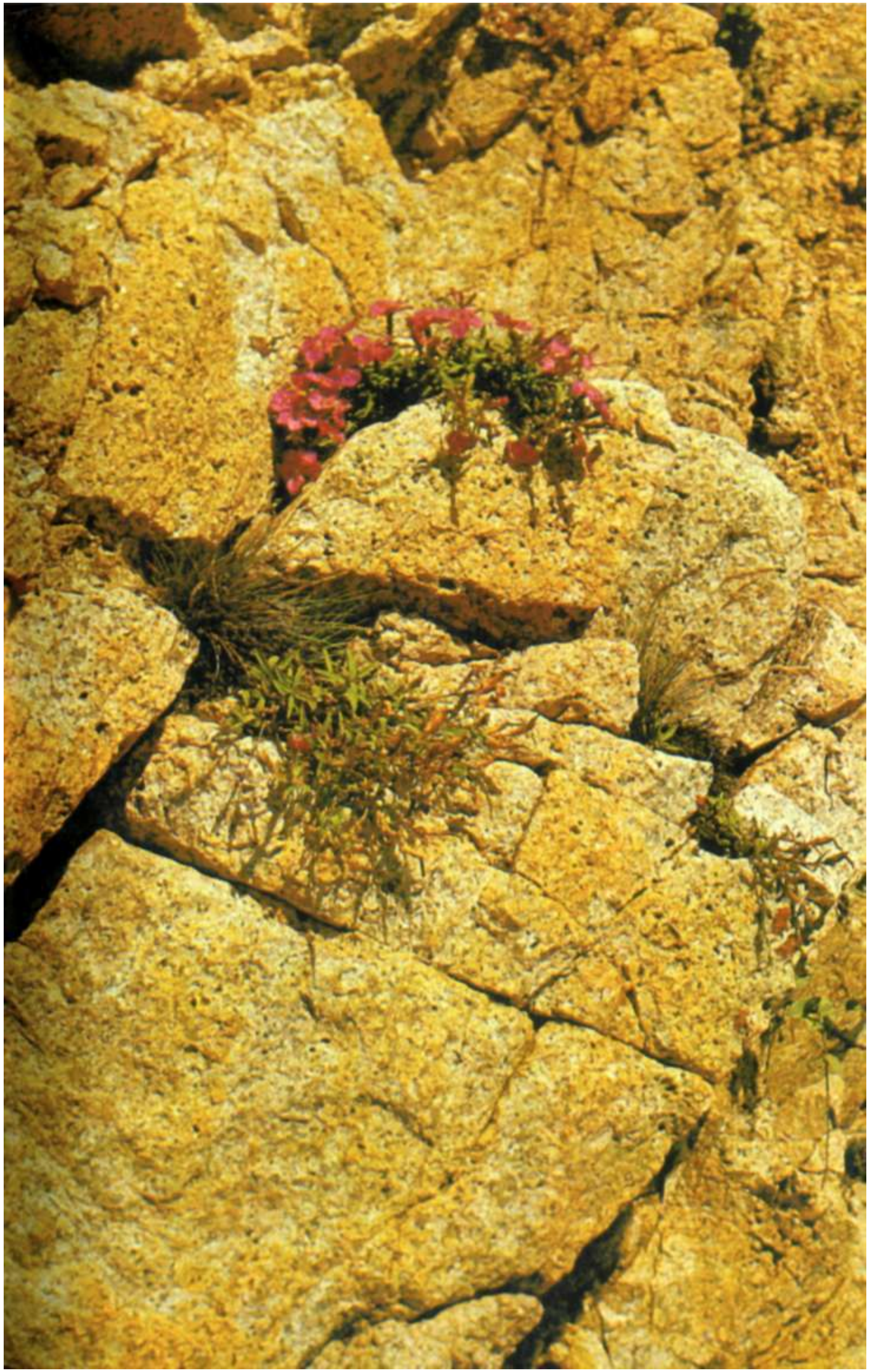
Орех маньчжурский.

В Лазовском заповеднике.

Ленточница ивовая.

Богат растительный мир на песчаных берегах Тихого океана.
Здесь и гвоздики, и карликовый шиповник, и желто-белые «солнышки» мака амурского, и зонтичные. и скабиоза...

Тихий океан... На прибрежных скалах лепятся куртинки гвоздичек.



Заповедный остров Петрова.

До новой встречи. Приморье!..

в безнадежном отчаянье сросшиеся с корнями других деревьев и сосущие их. Мучительная и странная борьба со смертью длилась, по словам Николая Григорьевича, с 1956 года — 25 лет! Именно тогда прокладывали просеку здесь и спилили дерево черной пихты...

Так мы шли часа три и наконец последний раз перешли речку по огромному, наверное в метр толщиной, стволу тополя Максимовича, сваленного, очевидно, тайфуном. Продрались сквозь заросли кустарника и очутились на крошечной уютной полянке. На краю ее, словно избушка на курьих ножках, стоял маленький бревенчатый домик, весь черный от старости, с довольно высокой двускатной крышей и крошечным подслеповатым оконцем. Рядом с домиком был сооружен добротный дощатый стол, скамьи и очаг из камней с двумя торчащими по сторонам рогульками. Это и был кордон — временное жилище обходчиков, лесников, егерей. Заповедник «Кедровая падь» организован в 1916 году, и я подумал, что этот бревенчатый кордон сооружен, очевидно, тогда же. А может быть, и еще раньше.

Я заглянул внутрь избушки. Деревянная лежанка — нары, стол, скамья, мрак... Зато какое уединение, какое слияние с природой и с прошлым современного цивилизованного человека! Живи — не хочу.

Все участники похода заметно обрадовались, засуетились, разводя очаг, доставая из недр избушки посуду, что-то чистя и моя, а я... Да простят меня мои спутники за то, что я, не принимая участия в священном деле варки обеда, весь превратился в слух и зрение — главным образом, конечно, в зрение! — и, в ожидании непременных чудес, осторожно начал удаляться от полянки в чащу. Но не успел.

НЕИЗВЕСТНАЯ БАБОЧКА И ГОЛУБОЙ ЖУК

Да, вот как бывает в жизни. Иной раз ищешь, ищешь специально и не можешь найти.

А то вдруг — на тебе, бери, принимай горстями то, чего ты жаждал получить хотя бы крупинку.

Прошли мы по берегу реки в чаще леса, наверное, километров восемь. И в сущности, ничего для меня интересного так и не встретили. Складокрылка — это не такая уж удача. О прилипале пристающем я и не говорю.

А тут...

Не успел я удалиться с полянки, как, подняв голову, увидел бледненькую бабочку, которая медленно пересекала эту самую полянку. В первый миг я подумал, что это обыкновенная белянка, то есть капустница или что-то подобное ей, и чуть было не оставил ее без внимания. Потом вдруг осознал, что летит она совсем не так, как белянка, и цвет тоже не совсем такой — она как будто полупрозрачная... Остановился. Проследил. Она села.

Осторожно подошел и сразу увидел ее, сидящую на широком листе.

Да, вот так чудеса и случаются. Думаешь увидеть одно, а видишь...

Даже посадка у нее была совершенно необыкновенная.

Аккуратно, одно на другое, плоско наложены крылышки, а на концах задних — изящные, чуть изогнутые хвостики. И тотчас за головкой на спинке яркий оранжевый «воротничок». Само тельце черное и как лакированное, удлиненное, так сказать «по-английски» худощавое и тоже очень изящное. А крылышки действительно матово-белые, полупрозрачные и все изрезаны аккуратными жилочками.

По величине она была не очень большая, с капустницу, даже чуть меньше. Но одного взгляда было достаточно, чтобы понять: бабочка это необыкновенная.

И еще удивительными были усы. У всех дневных бабочек — а эта дневная и по-внешнему виду, и потому, что она летела, я видел,— у всех дневных бабочек усики булавообразные. А у этой усики мохнатенькие, угольно-черные и похожи на страусовые перья.

Ничего похожего на эту бабочку я раньше не видел. И в атласе Куренцова такой не было, я хорошо помнил.

Так как кольца уже были навинчены — я ведь на охоту и отправлялся,— я тотчас сделал несколько снимков. Потом достал зеркальце, поймал луч и направил его так, чтобы подчеркнуть рельеф крыльев, изрезанных жилками...

Поймать ее ничего не стоило, и я решил все же поймать, чтобы показать Николаю Григорьевичу.

— Да, да, это какая-то очень редкая бабочка,— подтвердил доктор Васильев.— Я вам не скажу какая, не помню точно, но помню, что Алексей Иванович таких ловил. Очень ценная бабочка, вам повезло.

Подошел и лесничий Виктор Коркишко.

— Да-да, это реликтовая бабочка. Не помню, как она называется. У нас есть такие, но вообще она считается

редкостью. Коллекционеры по такой с ума сходят. И, вы знаете, она ведь ночная. Видите, усы...

— Но она же летела, я сам видел!

— Это неважно. В сумерках они, бывает, летают. А может быть, потревожили просто. Но вообще-то эти бабочки прилетают ночью на свет. Ночная, ночная, не сомневайтесь.

Поразительно! Ничего подобного ей среди ночных бабочек я не знал. Впрочем, среди дневных тоже.

Стоит ли говорить, как я был счастлив?

Но, оказывается, это не все. Не знаю уж, чем я понравился духам здешнего леса, но не могу и припомнить, когда бы мне так внезапно и так щедро начало везти.

Едва я закончил фотографирование этой неизвестной пока реликтовой бабочки, как Толя, хлопочущий по-хозяйству в закатанных до колен брюках, закричал:

— Юра! Юра, скорее! Посмотри, какого я тебе жука поймал. Фиолетовый!

Да, это был изумительной расцветки навозник — с аметистовым оттенком, словно бы отлитый из вороненой стали и покрытый прозрачным фиолетовым лаком. На солнце он сиял, сверкал, горел... На него я тоже потратил кадров двадцать — тем более, что он с несолидной для такой царственной внешности торопливостью пытался скрыться из поля зрения моего фотоаппарата.

Но и это было не все. Самый ценный, самый королевский подарок судьба, оказывается, мне только еще готовила.

А было так.

Пока я возился с неизвестной бабочкой и фиолетовым жуком, обед почти уже приготовили. Похлебка доваривалась, а Алиса Львовна начала резать хлеб. Все же было ясно, что минут десять — пятнадцать у меня еще есть, и я решил наконец отойти от поляны, хоть чуть-чуть удалиться в чащу.

— Вы далеко, Юрий Сергеевич? — спросила Алиса Львовна.— Ведь скоро уже...

— Нет, недалеко,— сказал я.— В пределах крика.

И направился по той самой тропинке вдоль речки, по которой мы пришли. Дошел до лежащего тополя Максимовича, чуть-чуть отойдя в сторону от реки. Деревья стояли беспорядочно, было много валежника, какой-то кустарник, трава. Помню, что в нескольких метрах я увидел большую сухую лесину, пробрался к ней, и...

Эта лесина — остаток толстого древесного ствола,— сухая, совсем без коры, гладкая, словно отполированная, блестела на солнце. И на самом видном месте, на уровне моего роста, как будто специально позируя для фотографии, прямо-таки светясь в лучах солнца бирюзовой голубизной, широко раскинув в стороны длиннейшие темные с яркими голубыми браслетами усы, сидел совершенно изумительный жук.

В полном смысле слова у меня перехватило дыхание. Африка, Калимантан, Суматра... Юношеские грезы о тропиках тотчас всплыли, за один миг я как бы пронесся через огромное расстояние, и совершенно явственное ощущение счастья, сбывшейся мечты, сладкое сознание необыкновенной везучести настолько переполнили меня, что я, кажется, даже вскрикнул. Осторожно, сдерживая дыхание, я стал приближаться, чувствуя, что у меня чуть ли не слезы наворачиваются на глаза от радости...

И в этот момент я услышал короткий, жуткий вскрик. Он донесся откуда-то снизу, я вздрогнул. Но радостное волнение было настолько сильным, что странный и жуткий крик все же совсем не испугал меня. Он повторился, и тут я увидел ежа. Крупный желтовато-серый еж был рядом с моей ногой и не собирался убегать — очевидно, я чуть не наступил на него, и он решил предостеречь меня криком. Я и раньше слышал вскрики ежей, но они были гораздо слабее, этот был действительно жутковатым.

Но еж отвлек меня лишь на миг.

Жук слегка шевелил роскошными усами и не собирался улетать. Тельце его было удлиненное, надкрылья длинные, плоские и не округленные, а угловато срезанные на концах, по ярко-голубому фону покрытые широкими черными поперечными полосами, и не блестящие, а, наоборот, матовые. Усы, как я уже сказал, очень длинные, раза в два длиннее тела, состоящие из голубых и черных сегментов. Ноги тоже длинные, черные, с голубыми «браслетами», широко расставленные. Во всем облике его, как и в облике бабочки, было этакое изящество, худощавость и стройность. Солнце освещало его...

Моей находкой были восхищены все.

Николай Григорьевич в очередной раз поздравил меня.

Алиса Львовна изумилась.

Юрий Сергеевич — с которым мы, кстати, перешли на «ты» и без отчества,— попросил обязательно подарить ему потом хотя бы один слайд красавца.

Толя радовался за меня.

А лесничий Виктор Коркишко, который тоже занимался фотографией насекомых (некоторые из них напечатаны в книгах), сказал, что он работает в заповеднике четыре года, но за все это время ни разу не встретил такого жука. Хотя специально искал.

Называется голубой жук «розалия уссурийская». Он занесен в Красную книгу СССР и действительно очень редок. Относится к семейству дровосеков, как и каллипогон, его личинки развиваются в больных и мертвых деревьях. Биология его изучена не слишком хорошо.

И опять я думаю: ведь можно было бы, вполне можно разводить голубого жука хотя бы в условиях заповедника в естественной среде! Предварительно, конечно, придется детально изучить его образ жизни, условия существования — что, кстати, только обогатит науку. А коль скоро его личинки питаются древесиной больных и мертвых деревьев, то даже широкое распространение розалии не повредило бы лесу. Что же говорить о том, сколько прекрасных эмоций могли бы дать всем любителям природы встречи с бирюзовым жуком! Не говоря уже о радости коллекционеров...

Да, именно! Ведь в настоящее время среди жуков, обитающих на территории нашей страны, нет другого, который был бы так желанен для коллекционера, как этот голубой дровосек — розалия уссурийская. Он даже более ценен, чем каллипогон реликтус, потому что каллипогон все же встречается чаще.

Никогда не забуду бирюзовую драгоценность — живую! — которая предстала перед моими глазами внезапно на гладком сухом и мертвом стволе дерева под крик ежа у кордона заповедника «Кедровая падь», когда перед самым обедом я отошел буквально на десять минут!

И опять теряюсь в изумлении и догадках: почему, зачем, откуда этот необычайный небесно-голубой цвет на спинке жука, обитающего там, где нет ничего подобного ему по цвету?

Позже, во Владивостоке, встретившись с Дмитрием Гавриловичем Кононовым, сподвижником и постоянным спутником Алексея Ивановича Куренцова, я услышал от него, что даже Алексей Иванович всегда искал розалию, долго не мог ее найти и однажды бережно подобрал голубые надкрылья около муравейника — самого жука, увы, съела многочисленная рать рыжих. Когда же через не-

которое время Алексей Иванович все же встретил живого жука, радости его не было предела.

Вот как повезло мне в заповеднике «Кедровая падь»!

Но очаровательная полупрозрачная бабочка пока так и осталась для меня таинственной незнакомкой. Я не знал, как она называется.

ЛЕСНИЧИЙ

«ЗАПОВЕДНИК, участок земли либо водной поверхности, на котором имеются природные объекты особой научной или культурной ценности. Находится под особой охраной... В заповеднике запрещается всякая деятельность, нарушающая природные комплексы или угрожающая их сохранению».

Так повествует «Советский энциклопедический словарь» издания 1980 года.

Все ясно. Чего же еще? Но не так просто, оказывается...

Разговоры о бабочке и жуке, а потом и обмен опытом фотографии сблизили нас с молодым лесничим Виктором Коркишко. На обратном пути мы шли с ним рядом. Он поведал целую повесть и о себе, и о проблемах заповедника.

Родом он из Молдавии, приехал сюда несколько лет назад, как и очень многие, влюбился в уникальный край. По специальности лесовод и зоолог, занимается здесь главным образом изучением леопардов.

Фотографирование бабочек и других насекомых, как и фотографирование красочных пейзажей и крупных животных Приморья — его увлечение; фотографии его, как я уже сказал, пользуются успехом, они напечатаны в нескольких книгах, а в скором времени он вместе с еще одним талантливым местным фотографом, Юрием Шибневым, будет готовить цветной альбом фотографий приморской флоры и фауны для какой-то зарубежной страны.

Мы говорили о проблемах заповедника. Что же я узнал?

Оказывается, бывают и такие руководители, которые не столько руководят, сколько «правят»... Здесь, в заповеднике «Кедровая падь», был какое-то время директор, который распорядился построить небольшой поселок прямо на заповедной земле в уютной долине реки Кедровой. По его приказу проложили сквозь заповедник к поселку прямую и широкую автодорогу, уничтожив при этом

множество ценных деревьев. Он велел провести канал от речки Кедровой к железной дороге, чтобы вывозить с заповедных отмелей гравий. С его ведома вылавливали и рыбу, которую государство доверило ему охранять...

И при всем этом нашлись люди, которые поддерживали его и прилюдно, с трибуны, заявляли, что такому ученому, как этот директор, вообще можно отдать весь заповедник для его уникальнейших опытов.

Что же это были за опыты? А вот, например, директор велел разбрасывать по территории заповедника куски мяса, зараженные бацилами тряхинолеза, чтобы посмотреть, будут ли заражаться здешние звери, а если будут, то как. Еще он заявлял, к примеру, о том, что собирается выводить крыс с мехом соболя, чем, конечно же, будет потрясена мировая пушная промышленность... Трудно в это поверить, однако слова Виктора были подтверждены другими людьми — и в самом заповеднике, и даже во Владивостоке.

Здесь надо особенно подчеркнуть, что заповедник «Кедровая падь» — единственный в своем роде, ценный не только для советской, но и для мировой науки. Он ценен не только благодаря уникальности своей природы, но потому еще, что небольшая его территория (впятеро меньшая, чем территория города Москвы) — это клочок девственной земли, сохраненной в сильно освоенном крае. И вот последний этот клочок оказался под угрозой. Годами не велась планомерная научная работа, уничтожались ценные животные и растения, нарушалось природное равновесие в пределах самого заповедника.

Да, вот как бывает. Казалось бы, какие здесь-то могут быть проблемы? Наблюдай за животными в естественных условиях на свежем воздухе: изучай, работай, охраняй. Ведь в том и суть заповедной работы, которую ведет государство. Однако нет. Не так все просто. И здесь проявляется, увы, «антропогенный фактор».

Но нашлись, конечно же, люди, которые не смирились с противоестественным порядком вещей. В их числе был и Виктор Коркишко. Они протестовали, писали письма в различные инстанции и в газеты. Несколько комиссий было прислано в заповедник. И наконец справедливость восторжествовала. Старого директора сняли, переведя его, правда, на другую неплохо оплачиваемую работу, а в заповедник назначили нового директора, которому предстоит теперь работа немалая...

На стене в комнате Виктора Коркишко висел самодельный плакат со словами:

«...Дай мне силу, чтобы изменить то, что я должен изменить.

Дай мне мужество, чтобы вынести то, чего я не могу изменить.

Дай мне мудрость, чтобы отличить одно от другого...»

Я и раньше знал эту древнюю молитву. Но здесь она была очень к месту. Виктор, очевидно, следовал истинной мудрости, он отличал «одно от другого». Он понимал, что изменить можно больше, чем иногда кажется. И мужество нужно как раз для этого. Как и сила. Сила духа и сознание своей правоты.

Много книг было в комнате Виктора Коркишко. Особенно по биологии. Он внимательно следил за проспектами издательств, выписывал через коллектор каждую интересующую его книгу. И не просто покупал ее и ставил на Полку. Он считал своим долгом ее прочитать, что, к сожалению, бывает теперь не так уж часто.

Альбомы цветных фотографий были у него и наши, и зарубежные. Один так всем нам понравился, что потом каждому снился. Это был альбом лучших фотографий зарубежных анималистов, то есть фотографов, которые снимают животных. Психология и философия была в каждом снимке и, конечно же, красота — настоящее, полноценное, впечатляющее искусство!

— А ведь до сих пор, как ни странно, встречаются люди, которые не считают фотографию искусством. Пусть бы они посмотрели этот альбом! — горячо говорил Виктор.— Ах, как хотелось бы так снимать! Вы не представляете себе, как трудно подобраться к леопардам на близкое расстояние. Несколько лет за ними охочусь. И телеобъектив сильный есть, а все никак. Видел много раз, но издалека. А близко никак не удается: очень чуткий зверь. Да ведь и пугать нельзя — заповедник.

— А как начал фотографировать насекомых? — спросил я.

— Случайно. В Молдавии у себя мы с ребятами ходили как-то бабочек ловить. Я ничего стоящего не поймал. Обидно было, расстроился. Возвращались, шли по дороге. Смотрю — навстречу бабочка летит. Сачка не было, я его другому парню отдал. Рукой махнул, и — представляете! — между пальцами она застряла. Фантастический случай! Это оказался Подалирий. Я знаю, у вас в книжке тоже

необыкновенный случай описан именно с Подалирием. Читал и удивлялся — вот совпадение... Мой Подалирий тоже мне тогда ужасно понравился, я его полчаса, наверное, рассматривал. Не думал, что бабочка может быть такой красивой! И «заболел», можно сказать. Потом телеобъектив купил, насадочные кольца...

Виктор вспомнил, как называется та бабочка, которую я сфотографировал около кордона вместе с жуком-розалией. Эльцизма Вествуда. Реликтовая бабочка, очень ценная и редкая, действительно совершенно не похожая ни на какую из ночных, хотя и ночная.

«ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ОСТАНОВИЛОСЬ НА ПОЛПУТИ!»

Был еще день в «Кедровой пади», когда наша экспедиция в сокращенном составе отправилась в путешествие к другому кордону, а мой тезка Бальзаминов, Виктор Коркишко и я остались на «усадьбе», чтобы фотографировать ночных бабочек, прилетевших на свет большой лампы, зажженной Виктором около одного из домиков, а затем попутешествовать по окрестностям в поисках маленьких обитателей здешних зеленых джунглей. На свет прилетели павлиноглазки — японские и даже две гораздо более редкие, китайские,— совки и пяденицы, среди которых одна очень красивая, ночная уссурийская пяденица, одна пяденица великолепная и целых три эльцизмы — два самца и одна самочка, точно такая же, как самцы, но с более тонкими и. не столь пушистыми усиками-антеннами, что и понятно: ведь самочке не нужно никого искать при помощи усиков, самцы сами ищут ее... А в путешествии по окрестностям, как ни странно, не встретилось ничего особенно интересного, кроме оригинальных цветочков редкого растения рода лихнис, занесенного в Красную книгу. По виду они напоминали ярко-красные морские звезды с тонкими ветвящимися лучами. Лихнис — родственник нашей полевой гвоздички.

Вернувшиеся же путешественники, наоборот, были переполнены впечатлениями. Особенно Толя, который наконец-то нашел «свой» женьшень.

— Я его искал с первого же дня в Уссурийском! — волнуясь, рассказывал он.— Чувствовал, что найду обязательно. И вот идем по лесу: лес мрачный, реликтовый, дремучий. Огромные деревья застыли в неподвижности,

солнце сквозь них почти и не пробивается. И вдруг — просвет, и на солнце рубиновые ягоды так и горят. Аж сердце подскочило! Подхожу: он! Представляете себе? Я сам, сам нашел женьшень в тайге!

— Как вы его углядели, Толя, я до сих пор удивляюсь! — восхищалась не в первый раз, очевидно, Алиса Львовна.— Ведь еще шаг — и просвет скрылся бы. Мы все ведь его уже миновали... Ну, прямо-таки специально для вас!

— Да, действительно, Анатолий Петрович, вам очень повезло, это хороший признак. Лесники там сколько раз ходили, и я в тех местах многократно бывал, а вот никто, кроме вас, этот женьшень не обнаружил. Хороший признак, вы — счастливый! — удовлетворенно гудел Николай Григорьевич.

Толя прямо-таки цвел, как, наверное, я вчера у кордона. Приятно чувствовать себя удачливым!

И приятно знать, что где-то в глухой тайге теперь будет расти Корень жизни, который открылся однажды именно тебе.

Рассказывали, что Владимир Ильич Погудин очень обрадовался находке процветающего женьшеня во вверенном ему хозяйстве — тоже посчитал за хороший знак,— он бережно и аккуратно собрал семена-ягоды и старательно рассеял их по соседству с материнским растением. Возможно, заложив тем самым маленькую дикую плантацию Корня жизни, во главе которой будет по-прежнему расти женьшень А. П. Воронина.

— Наблюдать за ним буду,— сказал Владимир Ильич.— Только бы браконьеры не обнаружили.

Пришлось мне пожалеть, что на этот раз я предпочел свое микропутешествие экспедиционному. Ведь можно было бы сделать уникальные фотографии Корня жизни не на плантации, а в самых что ни на есть девственных дебрях! Впрочем, такие снимки сделал Николай Григорьевич...

На другой день мы встали еще до рассвета и пешком направились на железнодорожную станцию по соседству с границей заповедника. Сели в поезд, приехали в Уссурийск, а затем, опять мимоходом, побывали на Горнотаежной станции.

Тут нам опять повезло: удалось совершить экскурсию на экспериментальный сахарный комбинат и встретиться с его директором, фамилия которого Жамский.

— Человечество остановилось на полпути! — реши

тельно заявил директор, пригласив нас в свой кабинет и угощая чаем со специальными сахарами (с элеутерококком, с женьшенем, с лимонником).— Мы научились добывать сахарозу из свеклы или тростника. Но сахароза для человеческого организма вовсе не безвредна — это утверждают сейчас многие ученые! По-настоящему полезна и абсолютно безвредна фруктоза. Вот к производству именно фруктозы, а не сахарозы нам и нужно идти — таково мое убеждение! И это вполне возможно и реально. Что же мешает? Мешает в основном косность человеческая, но я уверен, что рано или поздно человечество опомнится!

Молодой директор говорил с искренним пафосом, а мне было любопытно слушать это особенно здесь, в краю, где произрастает столь много растений, обладающих таинственной целебной силой. Я думал о том, что не случайно же в наше время столько говорится и пишется о правильном, рациональном питании, о свойствах трав, о далеко еще не раскрытых и подчас чудодейственных возможностях человеческого организма. Может быть, именно экологический кризис заставил нас не только оглянуться вокруг внимательно, но и в себя заглянуть гораздо более пристально... Кто не знает сейчас об оздоровляющем влиянии бега, об очищающем голодании (знаменитый автор книги о голодании Поль С. Брегг называет его «самым большим открытием нашего времени», а наш профессор Ю. С. Николаев голоданием лечит больных в своей клинике), об аутогенных тренировках, основанных на «релаксации», что означает «расслабление», об иглоукалывании, тибетской медицине, о мумиё, прополисе, облепиховом масле, пчелином меде! А гимнастика по методу индийских йогов? Конечно, на этой почве — как и в любой сфере человеческой деятельности! — подвизается множество шарлатанов, использующих желание людей быть здоровыми и сильными в своих, эгоистических интересах, но суть-то остается! Мы действительно начинаем понимать, что человеческий организм от природы весьма совершенен, а губим мы его преждевременно сами — неумеренной пищей, табаком, алкоголем, неправильным образом жизни, короче: невежественно-грубым обращением с ним. Человечество действительно остановилось на полпути — на полпути к самому себе...

После чаепития директор повез нас в гостиницу сахарного комбината, предложив там переночевать. По пути

Николай Григорьевич рассказывал о дыхании и расслаблении по методу йогов, о свойствах женьшеня и элеутерококка. А также о пользе чаги, сырой моркови и проросшей пшеницы.

— Только морковь должна быть такая, какую не обрабатывали инсектицидами. Морковь весьма склонна накапливать в своем корневище ДДТ. Такая морковь вредна. Нужна только чистая,— подчеркнул доктор Васильев и продолжал: — А еще очень полезны белые грибы, именно белые, они содержат ценные микроэлементы. Хотя чемпион по полезности среди грибов, конечно, чага.

— А что такое чага? — спросил я.

— Чага — это березовый гриб-трутовик. Особенно целительна чага с железной березы, корейцы ценят ее выше, чем женьшень. Правда, железная береза редка, ее чагу найти очень трудно. Но и с обыкновенной, белой березы чага тоже целебна. Гриб этот совершенно черный, растет на стволе, как и все трутовики. Заваривать его надо так: кусочек размером в три четверти грецкого ореха кладется в чайник и заливается кипятком. Как чай. Настаивается минут десять. Цвет напитка темно-коричневый. Пить можно с сахаром или с молоком. Хотя бы раз в неделю профилактически. Средство общеукрепляющее и антиканцерогенное — то есть способствует излечению от рака. К тому же выводит радиоактивный стронций из организма человека...

О чудодейственных свойствах проросшей пшеницы я знал и раньше и даже ел ее — привез небольшой мешочек из Казахстана, после командировки на целину. Горсть зерен моют и смачивают водой в тарелке — так, чтобы вода лишь чуть-чуть покрыла их. Другой тарелкой надо накрыть тарелку с пшеницей, чтобы вода не испарилась. Меньше, чем через сутки проклевываются ростки, а еще часов через двенадцать, когда ростки становятся длиной в миллиметр-два, проросшие зерна можно есть. Они содержат важные для организма ферменты и витамины. Индийские йоги считают, что проросшая пшеница обладает огромной целительной силой.

— Грецкие орехи, а можно и маньчжурские, все равно,— продолжал доктор Васильев,— собирают в состоянии молочно-восковой спелости...

— Что значит «молочно-восковой спелости»? — спросил Толя.

— Это значит, еще не совсем зрелый, но уже наполненный, в мягкой скорлупе и не жидкий. И легко режется вместе с околоплодником. Тут-то и нужно его собирать, а очищать не надо, потому что в околоплоднике очень много витамина «С» — больше, чем в лимоне, смородине, шиповнике. Итак, неочищенные орехи с околоплодником нужно порезать на четвертинки и положить в стеклянную банку вместе с сахаром. Слой четвертинок — слой сахара, чтобы накрыть; опять слой четвертинок и так далее. Выдержать не меньше, чем полмесяца. Получается темно-коричневая маслянистая жидкость. Ее нужно профильтровать и смешать со спиртом в отношении 1:1. Вот и все. Принимать по столовой ложке в день. Вы будете чувствовать бодрость и творческий подъем.

Мы слушали Николая Григорьевича, пооткрывав рты. Высокий ростом, физически очень сильный человек этот обладал неистощимым запасом знаний. Я уже знал, что родом он из сибирского большого села Тасеево, но как он попал в Приморье, как стал знаменитым специалистом, оставалось для меня загадкой. Никак не представлялось случая его обо всем расспросить, пока лишь мы все восхищались нашим начальником, когда он что-то рассказывал. Он не тратил слов по-пустому. Почти всегда то, что он говорил, несло нам новую информацию, и информацию чрезвычайно любопытную. Интересно, что даже манера говорить была у него соответствующая: раздельно и медленно он произносил каждое слово, ценя его смысл...

Так, с разговорами, мы приехали в очаровательный домик гостиницы сахарного комбината. Он располагался, оказывается, в знакомой нам Каменушке. Пока мои спутники отдыхали, а потом топили баню, чтобы вечером испытать нам всем еще одно могучее тонизирующее старорусское средство — парную с березовым веником,— я успел побывать в тайге, километрах в двух от Каменушки, и в непосредственной близости от дороги, на старой просеке, заросшей густыми высокими травами, сфотографировать еще одну великолепную местную бабочку — ту самую зубокрыльницу «золотое-С», изображение которой рассматривал с благоговением в атласе Куренцова в Москве. Она похожа на распространенную в средней России углокрыльницу «С-белое», но — как точно нарисовано в атласе — вырезы на ее крыльях более глубокие и очень изящные, пятнышки по краям не только черные, но и голубые, а буква «С», нанесенная на темный испод задних крыльев,

действительно отливает золотом. И как ни странно, летали у дороги изредка и Синие махаоны — не истребили, значит, их до конца ловцы «Крокодиловки»!

Баня принесла нам истинное блаженство и на самом деле оказала тонизирующее воздействие — мы так искренне благодарили директора Владимира Никифоровича Жамского за гостеприимство!

А на другой день с утра сели на знакомый уже «УАЗик» Виктора Леонидовича Морозова, погрузив предварительно вещи, и приготовились трястись целый день до Лазовского заповедника.

КСУТЫ НА УЗКОЙ, ДЛИННОЙ ГРЯДЕ

Под бледно-голубым, прогретым солнцем небом Приморья, среди низеньких, карликовых кустов орешника, над которыми кое-где возвышались молодые дубки, на узком и не слишком высоком длинном плоскогорье, в жаре, отбиваясь от редких, но весьма настойчивых комаров и время от времени размазывая собственную кровь из их раздавленных раздутых телец, я фотографировал ксутов.

Да, против ожидания, их было здесь много, хотя время лёта этих бабочек, судя по атласу Куренцова и уж тем более по представлениям Володи-пессимиста из Москвы, давно кончилось. Сначала я принял их за обыкновенных, или уссурийских махаонов, однако оказалось, это именно ксуты, что привело меня в самое радостное расположение духа.

С небольшой горной гряды было далеко видно во все стороны: и домики поселка Лазо, за которыми длинной чередой выстроились голубоватые остроконечные сопки Приморья, и поля, и дорога в долине реки Киевки, а за ней тоже волнистая линия сопок...

Фотографировать было трудно: ксуты редко садились, все больше летали опрометью туда-сюда, гонялись друг за другом, они были странно возбуждены. И еще очень красивы: густо-черные, угольно-черные широкие полосы по бледно-желтому фону крыльев, больших, угловатых, с черными «хвостиками», за что, собственно, бабочки и получили название «хвостоносец» — хвостоносец ксут, и так удивляло меня, что они еще летают, вот ведь в который раз уже мне повезло.

А еще летали простые махаоны, то есть парусники-махаоны, обитающие в средней полосе России, и уссурийские

махаоны, и сверкали порой сапфиром или изумрудом махаоны Синие — парусники Маака... Прямо-таки парад представителей рода парусник из семейства парусников. Удивительное плоскогорье! Тут же порхали и желтушки, и переливницы — среди них редкая ивовая,— и перламутровки, и шашечницы... И раза два я с радостью наблюдал, как планировали на высоте чудом дожившие до сего времени прекрасные, полные, кажется, собственного достоинства радужницы Шренка, лёт которых вообще-то заканчивается в июле.

Наблюдая за ксутами, я вдруг понял, что их гонки — нечто подобное «рыцарским сражениям» из-за самок, но не только. Бессистемный, возбужденный и как будто бы бесцельный полет их странным образом напоминал игру — то именно очаровательное занятие, которое свойственно, вероятно, всем живым существам и которое, очевидно, не означает ничего иного, как только лишь радость существования в прекрасном солнечном мире... Мне легко было думать так, потому что я сам испытывал именно это чувство, хотя ничем особенным оно как будто не было подкреплено, а вот испытывал просто — и все.

Впрочем, разве не радостно, что мы уже в Лазовском, а вернее, пока еще на окраине его, в поселке Лазо, где находится правление заповедника? Разве не радостно, что завтра с утра мы отправимся на далекий кордон с названием «Третий Лог», где будем ночевать, а по дороге минуем более близкий, который называется «Америка»? И разве не вдвойне хорошо, что путешествие наше будет сравнительно долгим и трудным, отчего и пойдем-то мы не в полном составе, а вчетвером: Николай Григорьевич, Толя, я, а еще проводник, один из лесников заповедника? И разве не ценен сам по себе, независимо ни от чего другого, именно сегодняшний день — солнечный, жаркий день на узкой и длинной горной гряде, где так много бабочек и разных и откуда так далеко и во все стороны видно? День ожидания, день радостного существования в мире, день-праздник. Каким, очевидно, и должен быть, наверное, каждый день нашей жизни на этой прекрасной земле...

Ксуты гонялись друг за другом, кружились в танце, в быстром, воздушном, солнечном хороводе, я смотрел на них внимательно и в который раз уже думал: а не есть ли именно это — радость существования в мире — один из главных, так тщательно выискиваемых нами, но таких простых, оказывается, «смыслов жизни»?

В «Америку» мы ехали на разбитом, разболтанном грузовике, принадлежащем Лазовскому заповеднику.

— Почему название такое — «Америка»? — спросил я директора Василия Сергеевича Храмцова еще в Лазо.

Оказывается, раньше в тех местах было село. Оно далеко отстояло от всех других и было очень богатым. Потому, видимо, и назвали «Америка». Богатый «дядя из Америки», богатая невеста «американская»...

Сам Храмцов понравился мне с первого взгляда. Высокий, жилистый, явно очень выносливый человек, хотя и с лицом довольно хмурым. Издалека он казался совсем молодым, однако вблизи морщины и выражение глаз выдавали возраст приблизительно средний. Смотрел он сурово и как бы даже настороженно, словно постоянно ожидая неприятностей — не для себя, нет, в себе он был уверен, это чувствовалось. Неприятностей он ожидал, видимо, для тех, кого призван был охранять. И я тотчас вспомнил о знаменитом директоре Лазовского заповедника Льве Георгиевиче Капланове, еще несколько десятков лет назад поднявшем свой голос в защиту крупных зверей, главным образом уссурийских тигров, и павшем от руки браконьера в тридцатые годы. Это ему как будто бы принадлежит крылатая фраза: «Охранять природу — значит охранять Родину»...

В «Америку» мы ехали вчетвером: Николай Григорьевич, Толя, я и проводник — лесник заповедника, молодой парень лет двадцати с небольшим, Юра. Машину вел энергичный, бойкий лесничий Иван Никитич Василенко.

— Смотрите, смотрите в оба, кабанов обязательно увидим, изюбрей тоже, может быть, глядите внимательно,— громко говорил он, выкручивая рулем и поглядывая на меня светло-серыми глазами.

— А тигров?

— Тигров навряд, они к машине не выходят. Чуткий зверь. Но вообще тигров здесь хватает. Медведи еще... А вон, вон кабаны! Видали? — звонко вскрикнул Иван Никитич, чуть не по пояс высунувшись из кабины, и, устыдившись своих эмоций, сбавил тон: — Эх, клыкастые...

Да, кабаны паслись на краю поляны. Заметив нас и, уж конечно, услышав, они не спеша удалились в чащу, всем своим видом, кажется, демонстрируя презрение к неуместности нашего вторжения.

Грузовик трясся и громыхал на ухабистой дороге, кое-где заросшей травой и с лужами в колеях. Вокруг была тайга, иногда во мраке чащи светились небольшие поляны.

— А вот и «Америка». Приехали! Вылезайте все. Мне скоро обратно надо, а завтра вечером, в четыре часа, как договорились, я тут. Идет?

Симпатичный и достаточно благоустроенный кордон — не какая-нибудь «избушка на курьих ножках»! Приличный домик, беленый, чуть даже голубоватый, рядом — чистенькая и широкая поляна, беседка рукотворная из досок и беседка естественная — под густыми ветвями дерева, опустившимися до самой земли и образующими живой зеленый шатер с прохладным сумеречным пространством вокруг толстенного ствола. Тут же и скамеечка. Все ухожено и благоустроено.

А на краю поляны — выставка предметов старинного обихода, найденных при раскопках. Каменные идолы, каменная посуда.

— Что это? — спросил я у Николая Григорьевича.

— С X по XIII век в этих местах здравствовала и процветала Золотая империя чжурджэней. Здесь жили тунгусские племена. Они достигли высокого уровня развития, экономического и культурного. Стопроцентная грамотность! Юноша у них мог жениться, только если закончит курс наук... Столиц было несколько — в районе теперешнего Партизанска, в Уссурийске, в Мукдене, в районе Пекина. Здесь — укрепленный город. А то, что вы видите, предметы, которые остались. Сам город разрушен был начисто... На острове Петрова, куда мы с вами обязательно поедем, был великолепный храм Солнца...

— Был? А где же он теперь? Неужели ничего не осталось?

— Да, можно сказать, что ничего. Наш академик Окладников обнаружил очень немного при раскопках на острове. Но зато есть старинная гравюра с изображением храма Солнца. И в документах мы находим упоминания о Золотой империи... Эти земли были завоеваны Чингисханом.

Вокруг кордона — дикая, местами труднопроходимая тайга. Нелегко было представить себе, что когда-то здесь обитали высокоразвитые племена.

— История Востока чрезвычайно интересна,— продолжал Николай Григорьевич задумчиво.— Многого мы еще не знаем. Психология восточных наций загадочна. С одной

стороны — дикая, нечеловеческая жестокость. Безжалостное уничтожение врагов, изощренные пытки. С другой... Утонченность, мудрость, стремление к красоте. Был я в этих местах впервые в начале пятидесятых годов. Японские поселения еще оставались. Оригинальные такие избушки, островерхие, изящные. И вот иду я однажды и вижу: на пороге избушки сидит пожилой японец и держит в руках большую миску с клубникой. Великолепная клубника, крупная, спелая, душистая. Я, естественно, сразу: «Сколько стоит?» А он посмотрел на меня спокойно, помолчал. А потом говорит: «Вы посмотрите, как это красиво». Да, солнце было, ягоды так и светились... Я тут же устыдился. Стою, смотрю тоже. Этакое совместное созерцание... Посмотрели мы с ним, а потом эти ягоды он мне просто так подарил. Без всякой платы.

СВОБОДНОЯГОДНИК КОЛЮЧИЙ, ИЛИ «ЧЕРТОВ КУСТ»

Мы покинули «Америку» и углубились в тайгу. До кордона «Третий Лог», куда мы направлялись, было, по словам лесника Юры, двенадцать километров. Но расстояние в километрах всегда относительно. Двенадцать километров по шоссе — два часа хорошего хода, и без особой усталости. Двенадцать километров по уссурийским дебрям, пусть даже сначала и по тропинке,— совсем другое.

Тропинка была узенькая и еле заметная. Я шел последним с расчетом отстать, а потом нагнать своих спутников, если попадется что-нибудь интересное для фотографии. Однако шли они быстро и в нескольких шагах уже исчезали из виду, а тропка местами совсем терялась, к тому же мешал довольно увесистый рюкзак — бежать с ним было неловко,— еще болтался фотоаппарат, фотосумка била по боку, можно было запросто что-нибудь потерять... Как ни прекрасны виды дремучей тайги, по которой мы шли, как ни хотелось мне отстать и поблаженствовать в созерцании: ведь очень может быть, что никогда в жизни я не смогу побывать в этих местах снова и не увижу ни вон те гигантские, в несколько обхватов, стволы тополей Максимовича, едва проглядывающие в сплошной зеленой массе подлеска, ни тихо журчащий заповедный ручей с неожиданной широкой заводью, в которой, как в зеркале, отражается голый, наполовину истлевший ствол какого-то умершего великана, ни внезапно выглянувший из чащи яркий цветок или

светящуюся, пронизанную тонким прямым лучом гроздь спелой красной смородины, от которой к ветви тянется тончайшая, радужно переливающаяся паутинка... Как ни соблазнительно все это было, однако... Что делать! Пришлось опять перестраивать себя на иной масштаб восприятия, на более высокую скорость движения.

Временами, правда, Николай Григорьевич, понимая меня, замедлял ход, причем делал это очень тактично, как бы между прочим, словно заинтересовавшись каким-то пейзажем или растением, но заботливо поглядывая на меня: успел ли я настроить фотоаппарат?

В одну из таких микроостановок я и успел разглядеть впервые и сфотографировать плоды растения, произведшего не так давно истинную сенсацию в среде ботаников и фармакологов.

«...В середине пятидесятых годов текущего столетия слава скромного обитателя дальневосточных лесов молниеносно распространилась по нашей стране и за рубежом. «Куст бодрости», «эликсир здоровья», «таежный богатырь», «заменитель женьшеня» — каких только громких названий не надавали этому кустарнику авторы солидных книг и журналисты!..» — так пишет заслуженный лесовод РСФСР Николай Васильевич Усенко в своей книге «Дары Уссурийской тайги». И продолжает: «Экстракт корней элеутерококка усиливает как физическую, так и умственную работоспособность. Медики утверждают, что повторные приемы препаратов элеутерококка увеличивают содержание гемоглобина в крови, снижают концентрацию в ней сахара, повышают жизненную емкость легких и вес тела, укрепляют мышечную силу и оказывают на организм общеукрепляющее действие. Считают, что под влиянием препаратов элеутерококка у человека вырабатывается приспосабливаемость к неблагоприятным факторам, быстрее заживляются раны. В печати сообщалось также о том, что элеутерококк тормозит развитие лучевых поражений и злокачественных опухолей...

Препараты элеутерококка применяются также в сельском хозяйстве: они ускоряют рост молодняка, повышают жизнестойкость животных, снижают яловость коров, увеличивают надои молока, яйценоскость домашней птицы, повышают активность пчел при сборе нектара».

Вот как! А открытие было, можно сказать, случайным. До совсем недавнего времени в адрес широко распространенного растения расточались главным образом прокля-

тия, оно даже заслужило нелестное имя: чертов куст! Ибо ветви и стволик этого кустарника снабжены немалым числом колючек, с которыми очень легко познакомиться, путешествуя в Уссурийской тайге. Кто б мог подумать? Ну, понятно, женьшень, редчайшее, таинственное растение, чрезвычайно медленно растущее, прячущееся в девственных зарослях, известное с незапамятных времен. Но кому же в голову придет, что широко распространенный кустарник, постоянно лезущий на глаза, мало того — хватающий вас своими колючками и таким образом нагло требующий внимания! — что он окажется прямо-таки чудодейственным лекарем человеческой немощи, что он может спорить с легендарным, фантастически драгоценным женьшенем, а по мнению некоторых ученых, даже превосходит его.

Вот еще авторитетные данные из книги крупного специалиста-фармаколога И. В. Дардымова «Женьшень, элеутерококк», изданной в 1976 году.

«Первые же фармакологические исследования, проведенные с использованием адекватных количественных тестов, показали, что элеутерококк действует не хуже женьшеня, а по некоторым тестам даже превосходит легендарный корень... При исследовании влияния на умственную работоспособность экстракт из корней элеутерококка увеличивал в основном количественные показатели работы, в то время как женьшень качественные... Способность экстрактов женьшеня и элеутерококка повышать физическую работоспособность в своей основе отличается от стимуляции, вызываемой препаратами типа фенамина и пиридрола. Хотя последние — более мощные стимуляторы по сравнению с женьшенем и элеутерококком, однако применение их вызывает мобилизацию энергетических ресурсов, которая сменяется периодом глубокого истощения...»

Элеутерококк принадлежит к знаменитому семейству аралиевых, славящемуся своими лечебными свойствами, и он, таким образом, ближайший родственник женьшеня, диморфанта и аралии маньчжурской. Его плоды — темные мелкие ягоды, группирующиеся в округлый «зонтик». Лечебным действием обладают корни. Однако в последнее время стало ясно, что и листья «чертова куста» имеют большое лекарственное значение, и в некоторых случаях, может быть, есть смысл собирать только листья, чтобы не губить растения целиком. Ведь кусты элеутерококка живут десятки, а то и сотни лет...

Что добавить к этой исчерпывающей информации? Может быть, еще то, что, по свидетельству директора экспериментального сахарного комбината Жамского, специальный сахар с женьшенем и элеутерококком с удовольствием использовали наши космонавты во время полетов и высоко его оценили.

Я старательно фотографировал темные блестящие ягоды элеутерококка и думал о том, сколько же еще полезных для человека тайн скрыто в зеленом океане растений! Только бы сохранить этот животворный океан, только бы не погубить его человеческим невежеством и неумеренной жадностью.

В ЗЕЛЕНОМ ОКЕАНЕ

Да, мы двигались в зеленом океане Уссурийской тайги, по дну океана, а в изумрудной чаще кипела жизнь. Крупных животных мы не видели, хотя вблизи от нас они, несомненно, были: и кабаны, и изюбри, и косули, и, возможно, пятнистые олени. Тигров тоже, по словам проводника Юры, именно на этой тропинке встречали не раз. Не говоря уже о медведях. Но все эти животные привыкли двигаться осторожно и бесшумно, и хотя мы тоже старались не шуметь и даже говорили вполголоса, однако вторжение наше было для них все же чрезвычайным происшествием, и одних пугало, других заставляло насторожиться и затаиться.

Нападают ли тигры на человека? Этот вопрос занимает каждого, кто оказывается в Уссурийской тайге. У нас уже был разговор с Николаем Григорьевичем о тиграх, и он сказал, что теперь в Приморье живет не меньше ста пятидесяти полосатых хищников. Если учесть, что тигр — животное крупное, и ему для прокорма требуется много кабанов, изюбрей, и что каждая семья должна иметь в своем распоряжении территорию диаметром километров в пятьдесят, то можно считать, что сто пятьдесят — это не так уж и мало. Ведь недавно уссурийский тигр считался исчезающим, оставалось всего несколько этих животных, и до сих пор он занесен в Красную книгу. Значит, меры разумной охраны приносят свои плоды!

Но как же все-таки с опасностью для человеческой жизни?

Можно так сказать: энцефалитный клещ гораздо опаснее тигра. За много последних лет тигр напал на человека

только один раз, да и то при особых обстоятельствах. Ни Николай Григорьевич, ни проводник Юра не знали подробностей, но я предвкушал беседу на эту тему с директором Лазовского заповедника Василием Сергеевичем Храмцовым, ибо случай тот был где-то в этих местах, и Храмцов о нем хорошо знал. Юра сказал, что Храмцову не раз приходилось встречаться с тигром один на один (чаще всего именно на тропе, по которой мы сейчас шли), но все обходилось благополучно, а вот кто действительно опасен из крупных животных Уссурийской тайги, так это бурый медведь.

— Тигра — животное благородное,— сказал Юра, по обычаю называя тигра «тигрой».— Она внезапно никогда не нападет. А уж если потревожишь нечаянно, то она тебя сначала предупредит. Голосом. А вот мишка опасный. Никогда не знаешь, что у него на уме.

«Тигра» — потому, подумал я, что хоть и большой зверь, а все же кошка...

— Мишка от настроения очень зависит,— продолжал Юра.— То он в духе, то нет. Если не в духе, то всего можно ждать. А тигра ни с того ни с сего нападать никогда не будет. Она ведь людьми не питается. Человек не входит в цепь ее питания — так Храмцов говорит. С нею осторожным быть нужно и не лезть на рожон. Тогда все в порядке будет. Ну, если выстрелишь и ранишь, то, конечно, не обижайся.

Я вспомнил сведения из справочника: уссурийский тигр достигает трех метров длины при высоте одного метра и весе в 320 килограммов... Сила его чудовищна: Николай Григорьевич рассказал о случае, когда тигрица тащила убитого быка по крутой горе на высоту до тысячи метров, без дороги, через кустарник и камни, чтобы накормить тигрят. Вес быка был килограммов восемьсот. Кабанов и изюбрей весом в несколько центнеров они таскают запросто через тайгу и по горным склонам и даже прыгают иной раз, держа их в зубах...

Тропинка между тем вынырнула из леса и оборвалась на каменистой отмели реки Киевки. Теперь мы шли по крупным угловатым камням. Они качались под ногами, выскальзывали, коварно выворачивались и больно тыкали сквозь резиновые подошвы сапог своими острыми ребрами. Спасибо, резина не прорывалась. Временами приходилось переходить вброд речку, нащупывая на ее дне под быстрой холодной водой камни понадежнее, чтобы не упасть и не

зачерпнуть за голенища. Последнее иногда удавалось, а иногда нет. Камни не всегда были устойчивы, а иной раз оказывались еще и скользкими. Раньше всех зачерпнул в оба сапога Николай Григорьевич: голенища его сапог были коротки. Он теперь шел, не обращая внимания на глубину и не останавливаясь, чтобы вылить воду и выжать портянки.

— Так лучше, — бодро улыбнувшись, сказал он, когда я подивился его терпению.— У меня создалась водная подушка. Ногам теперь совсем не больно.

Начальник нашей экспедиции шагал обнаженный по пояс; загорелый и мощный, он великолепно вписывался в окружающий пейзаж. Мы с Толей уже знали о многочисленных путешествиях Николая Григорьевича, часто очень суровых. Одно, например, было по Сихотэ-Алиню: за три месяца прошли около тысячи километров по девственной тайге, причем не брали с собой ни палаток, ни пищи. Только ружья, рыболовные снасти, соль, полиэтиленовый тент. «На выживание». Однажды налетел тайфун, сильнейший ливень с ветром, и четверо суток втроем просидели под тентом, хотя рассчитан был тент на двоих.

— Ветер был страшный, ели клонились до земли,— рассказывал доктор Васильев, глядя на нас своими детски-голубыми глазами.— Замерзали, конечно. Периодически приходилось вставать и разминаться.

— А что же еще вы делали все эти четверо суток?

— Ну, я, например, записи вел. Песню сочинил — вместе пели. По дереву вырезали. Рассказывали что-нибудь друг другу...

Сначала их было трое, но потом одного пришлось отправить домой — не выдержал. Остались вдвоем.

— Ну, и каков же результат вашего путешествия? Понравилось вам?

— Очень понравилось,— убежденно ответил доктор.— Одни из лучших дней жизни. Трудно было только сначала, потом привыкли. Что вы! В лесу можно жить сколько угодно... А результат такой, что описаны были леса среднего Сихотэ-Алиня. Очень много растений видели, много интересных в гербарий собрали. Это было как раз накануне защиты диссертации. Наш руководитель уехал на три месяца, вот мы и решили прогуляться.

Другое путешествие было по Верхоянскому хребту в Восточной Сибири, в Якутии. Девять человек шло через тайгу, через мари, изучая растительность. Всего путешест-

вовали около месяца, заблудились и на восемнадцать дней остались без пищи. Дичь не попадалась, ягод и грибов тоже почти не было — поздняя осень, октябрь, в Якутии в это время уже снег, морозы. Но все закончилось благополучно, никто не погиб. А достойно преодоленные испытания только закаляют людей, делают их лучше — это давно известно.

Николай Григорьевич учился в Сибирском лесотехническом институте в Красноярске на одни пятерки, ни одной четверки за все время обучения у него не было — уникальный случай. Летом он не раз бывал в экспедициях, зарабатывал деньги, потому что рассчитывать было не на кого — отец умер, когда Николаю было семь лет, мать — когда двенадцать. Одна из экспедиций была на Дальний Восток. В Спасске Дальнем познакомился с Алексеем Ивановичем Куренцовым, это знакомство многое и решило.

Да, есть общее в судьбах многих теперешних жителей Приморья. Приехал — увидел — остался. Чтобы работать, изучать удивительный край реликтов.

— Почему же переехали сюда из Сибири? — все-таки спросил я.

— Поразила богатая природа Приморья. Ничего подобного по богатству и разнообразию я раньше не видел.

— А что особенно понравилось? Леса?

— Да, леса, конечно. Но и цветы, и животные. И бабочки тоже.

Аспирантуру Николай Григорьевич Васильев заканчивал при Биолого-почвенном институте во Владивостоке. Тут же защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Чернопихтово-широколиственные леса Южного Приморья». Двенадцать лет был заместителем директора института по научной части. Три года назад защитил и докторскую диссертацию. Теперь переехал в Москву, заведует лабораторией в институте Охраны природы и заповедного дела. Но пишет о Дальнем Востоке, продолжает его изучать, а в нашей экспедиции, помимо прочего, должен сделать фотографии растений и биоценозов для очередной книги.

Места, по которым мы шли, были дикими — никаких признаков человеческого присутствия. Но раз, правда, мы ошарашенно остановились: из наплыва — «капа» — старого дерева на нас глянуло узкоглазое человеческое лицо...

— Это Храмцова работа,— усмехнувшись сказал проводник Юра.— Он любитель. Когда только успевает? Бегает по тайге как заведенный. Никакой усталости. Мы вон сколько идем, а он до «Третьего Лога» от «Америки» чуть не за два часа добегает!

Речку вплотную обступила тайга. Чозения, клены, дубы, пихта, бархатное дерево, маньчжурский орех. На сопках — кедровники. То тут, то там светлели совершенно высохшие, прокаленные солнцем, промытые дождями стволы мертвых деревьев. Иногда сплошные завалы.

— Последствия тайфунов,— сказал Николай Григорьевич, когда мы проходили мимо одного такого завала на берегу.— Ветер такой, что огромные кедры ломает, как спички. Река превращается после ливня в мощнейший поток. «Тай-фун» — в переводе с китайского «большой ветер». После него целые районы бывают отрезаны — мосты сносит, дороги перемывает. Дикая природа! Но прекрасная, правда?

Как ни странно, бабочек было мало. Иногда пролетал Синий махаон, но он казался случайным здесь. Раза два видели траурниц, а однажды из-под ног Николая Григорьевича, который шел передо мной по лесной тропке, выпорхнула и чудным видением унеслась в чащу пухокрылая совка Юнона — ночная бабочка с ярко-голубыми пятнами в виде вопросительных знаков на розовых задних крыльях; конечно же, предмет моей мечты. Летали, правда, небольшие сатиры и бархатницы, но серенькие, невзрачные.

Встречались лианы лимонника. Мы набрали его красновато-желтых, еще недозревших ягод — для чая. Опять шли по речному щебню.

Речка Киевка стала уже, чувствовалось, что мы приближаемся к ее истоку. Долина тоже постепенно сужалась, сопки приблизились и стали выше. На них виднелись скальные обнажения.

Наконец еще один завал сухих, корявых, белесых древесных стволов на берегу, широкая плоская каменистая отмель — и мы поднимаемся по едва заметной тропинке на берег. Сильный шорох и треск сучьев невдалеке заставил нас остановиться.

— Мишка пришел,— сказал Юра.— Он всегда на кордон ходит. Но ничего, вы не бойтесь. Нас много, он испугается. Пошли.

Дверь избушки была открыта.

— Почему дверь открыта? — спросил Толя.

— А мы нарочно не закрываем,— спокойно ответил Юра.— Сначала закрывали, так мишка приходит, ее выламывает. А так он входит и выходит, пускай. Если что останется — все подъест.

— Какой же медведь? — спросил я.— Бурый?

— Бурый. Большой мишка, старый.

— Он один здесь?

— Да кто ж его знает. Видели одного, а есть ли еще — неизвестно. Мы же здесь редко бываем. Хотя вокруг их вообще-то много. Хватает. А этот шумит часто. Но пока не нападал ни на кого. Конечно, если встретишь, лучше спокойно стоять, не бежать. Он все равно догонит. И по деревьям лазает будь здоров. Как кошка. Ну, что, обед варить будем? Значит, за дровами надо, за сушняком на растопку.

Около кордона высилась куча напиленных дров, часть из них была и наколота. Однако чужие дрова тратить нехорошо. Мы все отправились в разные стороны в чащу леса. За сушняком. Правда, никто из нас почему-то не пошел в ту сторону, где только что слышался шорох и треск.

Я собирал сушняк в овражке, который оказался в чаще сразу же за кордоном. Сухих веток и стволов было много. Густота леса такая, что буквально в десятке метров стен избы уже не было видно.

Вечерело. Засветло, пока варился обед, устроили себе постели на нарах в избе. Этот кордон был значительно больше, чем в «Кедровой пади». Окошко, правда, тоже небольшое, но за стол уселось бы человек пять. И два широких дощатых настила для спанья — нары, на которых в общей сложности тоже уместилось бы человек пять. На одних нарах устроили лежбище Николай Григорьевич с Юрой, на других — ближе к двери — мы с Толей.

— Что-то бабочек мало,— сказал я Николаю Григорьевичу.— Эх, если бы большая лампа была, можно было бы ночью на свет половить!

— А зачем лампа? Давайте попробуем на костер. Алексей Иванович очень любил на свет костра ловить. Рядом портянки вывешивал — бабочки особенно любят почему-то на портянки садиться. Алексей Иванович так и называл: ловля на портянки. Между прочим, мы на этом самом кордоне с Алексеем Ивановичем были.

В очередной раз я оценил интеллигентность и доброту начальника экспедиции. Бабочки ему были не нужны вовсе, к тому же мы все устали, а он, между прочим, собирался идти завтра с Юрой еще дальше — к истокам Киевки, где растет железная береза. Ему нужны были фотографии тех мест. Я попросил разрешения остаться, чтобы попутешествовать по ближайшим окрестностям. Со мной, кажется, собирался остаться Толя.

И именно завтра мы должны были идти обратно пешком до «Америки». Так что Николаю Григорьевичу с Юрой предстоял путь двойной. И все же доктор Васильев принялся рубить топором дрова для ночного костра. Чтобы вместе со мной поджидать бабочек.

Стемнело. Костер горел отлично — дрова сухие.

— Главное, чтобы не было амурской сирени,— сказал Николай Григорьевич.— Ее так и называют — «трескун». Очень трещит в огне. И искр много.

Великолепен был чай с лимонником. Жидкость получилась нежного розового цвета, чуть кисловатая, освежающая. Действительно, усталость начала проходить. Только намятые ступни побаливали. Романтическое настроение охватило всех нас. Николай Григорьевич еще рассказал о своих приключениях. Однажды, в студенческие годы, ему поручили возглавлять бригаду «бичей» на работе в тайге. Среди них были и уголовники, а один — знаменитый: «адъютант Мишки-Япончика», личности легендарной в преступном мире. О нем писал И. Бабель в своих рассказах и даже, кажется, Валентин Катаев. Естественно, работать «бичи» не хотели. Интеллигентный Николай Григорьевич не знал, как к ним подступиться. А однажды... Ему ведь известно было, что есть некий контингент среди «гомо сапиенс», который понимает, увы, только один язык...

— По комплекции я тогда такой же был, как сейчас. Силенка была, не жаловался. Ну, что с ними делать? Ведь работа стоит. А они совсем обнаглели, издевались надо мной. В тот раз начал сам «адъютант». Оскорблял меня уже открыто. Провоцировал, конечно. Что делать? Я понял: они меня как бы проверяли... Интеллигентность и сдержанность — это хорошо, конечно. Но в свое время. А тут... Короче, другого выхода не было, они меня и вовсе затравили бы. Ну, я и... с правой... И что же вы думаете?

Я ждал, что они меня прирежут тут же. А нет! Зауважали, наоборот! Да еще как! «Адъютант» челюсть ощупал, поднялся с земли, а потом улыбнулся: «Все понятно, начальник! Все сделаем!» И ведь как шелковые стали все. Что ни скажу — все сделают, сам «адъютант» за этим следил. Потом «адъютант» мне с уважением заявил: «Такой удар только у Мишки-Япончика был. Да и то если в настроении...»

Николай Григорьевич смеялся, сияя своими чисто-голубыми глазами, а мы, право же, еще больше зауважали его. Не часто встретишь человека интеллигентного, который, к тому же, умеет постоять за себя!

А еще довелось как-то будущему ученому состязаться в силе с самим Фиделем Кастро. Приезжал знаменитый кубинский премьер в Академгородок под Новосибирском, была встреча с учеными и студентами.

— Фидель очень живой человек, веселый и крепкий,— настоящий мужчина,— с удовольствием рассказывал Николай Григорьевич.— В борьбе он большой мастер. Любит вызывать на «товарищескую встречу» кого-нибудь из присутствующих. Разумеется, тех, кто поздоровее. И, как правило, одерживает победу. Ну, он меня увидел. Я не отказывался, конечно...

Свет костра играл на лице доктора наук, блестели очки. Мы трое внимательно слушали его, а вокруг на многие километры была глухая тайга. Возможно, и медведь тоже слушал.

— Ну, чувствовал я, что могу его положить,— продолжал Николай Григорьевич.— Но неудобно вроде как. Все же гость! Так ничья у нас и получилась. А Фидель благородный человек, он все понял. Так что мы теперь с Фиделем Кастро на «ты»...

Вот каким он был, наш начальник! И еще вспоминаю: каждое утро он обязательно делал продолжительную гимнастику. А иногда среди дня расслабление по системе йогов. И обливался холодной водой из колодца, и купался в любую погоду, если было где. И в пятьдесят с лишним лет сохранил феноменальную выносливость и силу. Научных монографий у него больше десятка, статей — больше сотни, многое переведено за рубежом.

Проводник Юра и Толя пошли спать, а мы с Николаем Григорьевичем все сидели. Однако бабочек не было. Прилетали какие-то маленькие, ни одной крупной. Но я не жалел.

— Да, странно,— сказал доктор Васильев.— Значит, поздно. В июле бывает знаете сколько! Хороводом вьются. Как хлопья. В костер падают. А на портянки артемиды садятся, брамеи. Значит, поздно. Если они есть, то прилетели бы.

Медведь несколько раз проходил неподалеку. Трещали сучья. Один раз нам даже показалось, что слышно его дыхание. Однако пожаловать к нам в гости на чай с лимонником он так и не решился. Наверное, это и хорошо.

ПОЭТ ТАЙГИ

«Блокнот для размышлений. 3-й Лог» — это на обложке. А затем:

«**Внимание.** Уважаемые товарищи! Вы славно потрудились за долгий день и вот пришли в избушку, затопили печь, нагрели чаю, налили его в кружки и стали пить, медленно, не спеша, предвкушая отдых **и** благодать. Но не каждый из Вас после ужина сможет заснуть, а поэтому я и советую Вам помечтать, а если мечты эти Вам покажутся прекрасными, запишите их в этот блокнот».

И подпись: «Лесной волшебник».

А далее, на следующей странице:

Вы, кто любите природу —
Сумрак леса, шепот листьев
В блеске солнечном долины,
Бурный ливень и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях бора,
И в горах раскаты грома,
Что как хлопанье орлиных
Тяжких крыльев раздаются,
Вам принес я эти саги,
Эту песнь о Гайавате!

Лонгфелло

Затем:

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес...

Сергей Есенин

Вот какую тетрадь я обнаружил на другой день в избушке! Она висела на гвоздике у окна. Увидел я ее, правда, не сразу. Сначала бросились в глаза журналы, обыкновенные, такие привычные наши журналы — «Вокруг света», «Юность», лежащие стопкой на узеньком подоконнике. Обложка одного из журналов была мне особенно знакома: «Юность», № 12 за 1977 год, именно там были напечатаны два моих рассказа.

Встретить журнал со своими рассказами в избушке, затерянной в бог знает каких дебрях на краю земли! Это приятно. Не уверен, конечно, что их здесь читали, но все-таки...

А затем — тетрадь. Довольно толстая тетрадь в светлой обложке: «Блокнот для размышлений».

Ничего особенного не ожидая, я открыл ее.

Следом за классикой в тетради было вот какое стихотворение:

ГИМН ЧАЮ

Когда за окошком и стонет и плачет,
И снежная вьюга по крыше заскачет,
И в злобе, как леший, завоет в трубе,
И бесы как будто запляшут в избе...
В то время, пригревшись у печки железной,
Я чай кипячу, для здоровья полезный.
Чудесный напиток мне мысли бодрит
И кровь будоражит, и спать не велит.
Захлопала крышка, и хохот в избе,
Как будто коты загуляли в трубе.
На нарах в избушке одна благодать —
Кто с чаем не дружит, тому не понять.
Я чай попиваю из кружки железной,
Напиток, скажу вам, бесспорно полезный,—
Таежный, пахучий, наваристый чай...
Попьешь кружек десять — и ночь всю мечтай.

В. С. Храмцов

Вот же кто автор, оказывается, и чья, очевидно, затея с «Блокнотом»! Вспомнилось «лицо аборигена» на древесном капе... В избе, между прочим, было несколько искусно вырезанных деревянных масок, «Сова», разделочная доска с рукояткой в форме фигурки... Вспомнились моложавость, подтянутость и внимательный взгляд

директора заповедника. А теперь стихи... Мне понравился этот самый «Гимн чаю»!

Но дальше, дальше...

НА РЕВУ

Приутихли в дреме сонной
Хлопотливые синицы.
Разлились в тиши бездонной
Запоздавшие зарницы.
Стонет в чаще филин дикий,
Ночь тревожит в криках жутких,
И олень ревнивым криком
Подзывает самок чутких...

Тоже — «В. С. Храмцов».

Далее — целая поэма на нескольких страницах. Привожу с сокращениями:

ПЕСНЯ О ЖИЗНИ ТИГРА

Эти песни, эти сказки
Я принес из дальних сопок,
Из лесов, пропахших хвоей,
Из болот и рек студеных...

...В темном логове под кручей
Два тигренка жили тайно,
Только мать-тигрица знала,
Как найти дорогу к детям.

...Здесь, в излучине меж сопок.
Под крутым речным обрывом,
Человека тигр заметил...
Что здесь надо человеку?

Лев Георгиевич Капланов
Знал тигриные заботы,
Знал тревоги их и страхи,
О повадках знал тигриных,

О владыке темных джунглей
Знал он сказки и легенды...
Знать хотел он и увидеть
Тигра в логове зверином,

Разгадать их тайну жизни
И семейные невзгоды.
Что хотел он, то увидел —
Он ходил по следу тигра,
Ночевал с ним рядом в сопках...

На краю земли и моря
В Тачингоузе далеком,
Где туман лежит на сопках,
Где олени стадом бродят
По долине заповедной,
Лев Георгиевич Капланов
Охранял, рискуя жизнью,
Заповедные угодья.
Всех зверей и птиц таежных
Охранял он. Лес и речки,
Все цветы и травы в поле
Охранял он днем и ночью,
Забывая сон и отдых.

И это — поэма В. С. Храмцова! А о Капланове я уже говорил.

Нет, вы только представьте себе: глухая тайга, на многие километры вокруг — ни человека. Только тигры, медведи, изюбри и всякая другая «меньшая» братия. А тут, в избушке, где люди бывают раз в месяц, а то и реже...

БЛАГОДАТЬ

Все в тайге хорошо,
Все здесь нравится нам.
Что с того, что мешок
Тянет шею к ногам?
    Что с того, что мокра
    Серой наледи хлябь?
    Хорошо нам в тайге
    По тропинке шагать.
От кордона к избушке
Ни присесть, ни поесть.
Мошкары по макушку
И царапин не счесть.
    А мы любим тайгу
    И мы любим зверей,

    Одного не пойму,
    Что мы любим сильней.
Я одно лишь хочу:
Запах кедра понять.
Я одно лишь хочу:
За природу стоять.

ТАЙГА И Я

Был я здесь в таежной мари,
Не один раз здесь я был.
Чем меня тайга прельстила?
Что я здесь в ней позабыл?
Я ходил и в дождь, и в слякоть.
Пробирался в летний зной.
И всегда стихи в котомке,
Как и хлеб, носил с собой.
Эх, тайга, моя невеста!
Полюбил тебя поэт...

И все это — В. С. Храмцов.

Я читал чуть ли не с благоговением. Вот уж воистину: стихи не ради славы, не ради популярности, а для души. Потребность души, истинная ее песня. Он ведь даже не мог быть уверен, что стихи кто-то прочтет.

А вот две строчки из еще одного стихотворения, которое называется «Одиночество».

...Забулькал чайник закопченный,
В окошко леший мне моргнул...

Я почувствовал темень, ночь за окном избушки. Человек пришел на кордон. Он совершенно один. На многие километры вокруг — никого. Только природа. Тайга, звери. Чайник на печке закипел... Возможно, где-то рядом с избушкой бродит медведь — «мишка». Или даже тигр. Ну и что? Тут все свои. Никто никого просто так не тронет. Хотя природа, конечно, полна загадок. «Забулькал чайник закопченный, в окошко леший мне моргнул...» Храмцов пьет свой любимый напиток и мечтает.

Далее в тетради — стихотворения Байрона, Пушкина, Некрасова и даже У. Сарояна. Наверняка писал их В. С. Храмцов по памяти, а следовательно, знал наизусть...

А вот еще его собственное:

Сижу я в избушке,
Как прежде один.
И горько смеюсь,
Как Ходжа Насреддин.
Зачем мне медведи?
Зачем мне тайга?
Зачем мне кривые
Оленьи рога?

А потом совсем коротко:

Опять я в «3-й Лог» пришел
И никого здесь не нашел!

В. С. Храмцов

Далее в «Блокноте для размышлений» шел диалог. Слово первому:

ОЖИДАНИЕ

Я ждал тебя долго.
Я ждал тебя годы.
И в ясные дни,
И в часы непогоды.
Я демоном стал,
Я людей разлюбил
И в небе холодном
Лишь звезды ловил.
А годы летят.
И летят бесконечно,
А я все ищу
И страдаю, конечно.
Я небо просил,
Я судьбу проклинал
И все это время
По свету летал.

Одна мне звезда
Улыбнулась тайком
И снова исчезла
В потоке земном.
И снова зову
И кричу в небеса:
Отдай мне звезду!
Сотвори чудеса!

Сергеев В. С.

Это стихотворение написано другим почерком, не храмцовским. Еще вчера вечером проводник Юра сказал, что в прошлом году здесь были студенты на практике. Очевидно, это стихотворение одного из них.

И тут же, следом за ним, ответ В. С. Сергееву, написанный круглым, аккуратным, очевидно женским, почерком:

НЕ ЖДИ

...Лучше курочка в гнезде, чем чайка в небе...

Не жалей утраченные годы,
Жизнь прими такой, какая есть!
Не стремись лететь туда, где звезды,
Постарайся на земле осесть!
Не лови того, что не поймаешь,
Не ищи того, что не найдешь,
А иначе дров ты наломаешь,
Не за грош-копейку пропадешь.
Научись людей любить, как прежде,
Снова в человека превратись.
Не старайся подражать невежде
И от слов обманчивых очнись.
Не зови того, кто не услышит,
Безнадежно в небо не кричи.
Не лови звезду — она не дышит,
Не пекутся в небе калачи.

24.IX.80 г. *Сергееву В. С.*

И две подписи. Неразборчивых, но явно женских.

Вот так. Две позиции, два взгляда на жизнь. Журавль в небе или синица в руки? Кому что.

Не знаю, как вам, а мне все это очень понравилось. Сама жизнь, кажется, оставила след в этом «Блокноте».

Еще на подоконнике лежал журнал посещений, где предстояло расписаться и нам. Люди на кордоне «3-й Лог» бывали не часто. Промежуток между записями иной раз по полтора-два месяца. Особенно в зимнее время.

Но зато и на нарах, и на скамьях, на столе, на полу, на стенах было много длинных и жестких волосков. На одной из темных бревенчатых стен висела цветная иллюстрация, вырванная из журнала «Огонек». Репродукция картины «Спасение Арсинои» — мужчина и обнаженные женщины среди фантастического пейзажа. На самой картинке — следы огромных когтей. Меня удивило, что покрытый шерстью и обладающий грозными когтями гость и не собирался, видно, срывать со стены картинку. Он просто внимательно ее рассматривал... Не потому ли именно он выламывал дверь, если люди, уходя, ее запирали? Интеллигентный зверь. Интересующийся искусством.

Да, все утро ушло у меня на изучение кордона, его своеобразной летописи и на переписывание стихов. Кто б мог подумать, что здесь я найду столь интересный «фольклор»! Судя по тому, что «Блокнот для размышлений», а также журнал посещений — как и журналы «Вокруг света» и «Юность» — не были тронуты когтями, я решил, что мишка больше интересовался искусством изобразительным, а не литературой.

Первую половину дня я ходил по окрестностям кордона, выходил на отмель Киевки, лазил по высохшим голым стволам гигантского древесного завала, фотографировал растения и редких бабочек. И думал о директоре заповедника В. С. Храмцове.

Сколько людей — столько судеб. Василий Сергеевич сам выбрал себе такую...

И ведь как все-таки много их, людей, посвятивших себя охране природы — не из корысти, а по любви, думал я. Какая уж там корысть! Вот разница: тот, бывший директор «Кедровой пади», «ученый с мировым именем», скорее губивший, чем охранявший то, что само государство поручило ему охранять. И этот простой директор, В. С. Храмцов, без всяких претензий на «мировое имя». Поэт тайги. Не мыслящий, очевидно, себя без нее. И сын, и защитник.

Как же велика разница между людьми! Некоторые чувствуют себя почему-то в самом центре сущего мира, свою ничтожную малость, свою с л у ч а й н о с т ь в мире они считают абсолютом и пытаются огромность, величие, таинственность окружающего низвести до своего ничтожного уровня, поставить все, что только можно, на услужение себе... А результат-то конечный какой? Все равно ведь потом все — все до конца! — даже молекулы своего тела и мозга, придется отдать обратно природе и превратиться в ничто, в небытие — совсем в небытие, ибо так ведь и не было осознано свое родство, свое единство с сущим, а потому и полное фиаско придет со смертью, полная гибель случайного «абсолютного» существования! Да, есть такие люди, увы. Природа, как и вообще все окружающее — люди, звери,— для них ничто. Завоевать, поработить, подчинить...

Но есть и другие. Им не нужно никого и ничего подчинять. Им и так хорошо — с самими собой, с окружающими людьми, с природой. Они не подчиняют — они охраняют и изучают. У в а ж а ю т. Такой человек чувствует себя в мире г о с т е м — уважаемым и уважающим. Он уважает все, что создано до него и не им. Естественно, что уважают и его. И у него есть основания уважать себя. Он ценит то, что дано ему природой — и тело, и ум, и возможность познать, понять, изучить то, что вокруг и в нем самом. Он не ненавидит — он ценит и любит. Причины неудач он находит не вне, а в себе. Неудачи не озлобляют, а учат его. Он любит не себя в мире, а мир в себе... Какая гигантская разница!

И ведь вот что получается, любопытно. Во втором случае даже смерти нет, в сущности. Потому что мир, который был в тебе отражением, не погиб с твоей смертью. А ты, считая именно себя гостем и частью мира, пытался в меру сил не только познать и понять, но, может быть даже, у л у ч ш и т ь его — через себя.

Как же много людей именно таких! И это — прекрасно. Ими жива земля. Скольких таких я встретил даже в этой только своей поездке! И Володя Мещеряков, и егерь Леонид Андреевич Данилевич, и директор «Уссурийского» Морозов Виктор Леонидович, и лесничий «Кедровой пади» Виктор Коркишко, и все члены нашей экспедиции, и вот — наверняка! — Василий Сергеевич Храмцов. Да, видел я его всего только два раза, и то мельком, но ясно, что встреча с ним еще предстоит. А стихи не обманывают.

Демагогические заявления могут обманывать — их делать нетрудно. Но не стихи. Стихи просто так не напишешь. Тем более, если они в затерянной темной избушке в затертом «Блокноте для размышлений».

Привет вам, поэты тайги, поэты Природы, поэты Жизни...

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Обратно мы шли даже быстрее, чем сюда, потому что Юра с Николаем Григорьевичем возвратились из похода в верховья Киевки довольно поздно. Почти не отдыхали — и снова в путь.

Удивительным было небо, когда мы уходили с кордона. Словно гигантский тигр пытался соскрести с него своими когтистыми лапами облака — почему и остались белые рваные полосы. Николай Григорьевич сказал, что так бывает перед тайфуном. Тем более нужно было торопиться.

— Храмцов сколько раз один на один с тигрой встречался,— говорил Юра, когда мы шли опять по камням вдоль реки Киевки, в «Америку».— Вы поговорите с ним, он расскажет. Правда, не любит хвастаться, но вы как-нибудь так, осторожно. Он и с мишками сталкивался сколько раз. Любит один ходить. Бегает по лесу, что изюбрь. Никто из нас за ним не угонится. Вы говорите, я быстро хожу. Я-то что, а вот он так ходит!

Да, истинно полная жизнь у таких, как Храмцов, думал я, слушая Юру. И цель, и смысл.

— А браконьеров приходилось задерживать? — спросил я.

— Сколько раз!

— И с чем же?

— Изюбрей бьют. Кабанов. Женьшень собирают.

«Я одно лишь хочу: запах кедра понять»,— вспомнил я стихотворение Храмцова.

— Ну, как вы сходили в верховье? Удачно? — спросил я Николая Григорьевича.

— Очень удачно. Все сфотографировал, что надо.

— А далеко это?

— Приблизительно так же, как до «Америки». Только дорога труднее. Там камни так уж камни. На некоторые влезать приходилось. Совсем дикая природа, первобытная.

Через завалы перебирались. Тайфун поработал. Но красиво. Исключительно красиво. Совсем другой пейзаж. Северный и дикий. Жаль, что вы не ходили.

Да, жаль. Тем более, что ничего особенно интересного я рядом с кордоном не обнаружил. Если не считать, конечно, того, что в кордоне. Но ради этого как раз и стоило остаться.

В моем рюкзаке лежал кусок чаги с железной березы. Николай Григорьевич принес ее из похода и подарил нам с Толей по куску.

— Кореец за такую чагу и женьшень отдал бы,— сказал он, вручая куски черного жесткого трутовика.— Как надо заваривать, помните?

По дороге мы опять набирали лимонник, а я позорно не смог подкрасться к двум Синим махаонам, которые идиллически сидели у лужи на отмели. Потом мы видели изюбрей...

Мои спутники при виде действительно прекрасных, грациозных оленей так и застыли в восхищении. А Толя даже направился в чащу, в обход, чтобы подогнать их к нам. И я сделал несколько снимков, но — повторяю — испытывал меньшее волнение, чем при встрече с эльцизмой или голубым жуком. Даже Синие махаоны всегда волновали меня больше! Не могу внятно объяснить — почему. Может быть, потому, что чувствую явную несправедливость: если бабочки и жуки маленькие по размеру, то, что же, они уже поэтому и неинтересны? Отнюдь...

Впрочем, нет, могу объяснить. Ведь крупные животные ближе нам, они больше похожи на нас, они почти такие же, как мы, в сущности. А вот насекомые — это совсем другой мир, они иные по размеру, по форме, они живут совсем иначе, условия их жизни не те, что у нас. Они словно с другой планеты, и, когда смотришь на них, есть где разгуляться фантазии.

Лианы лимонника выглядели очень симпатично: резные светло-зеленые листья, аккуратные маленькие кисти блестящих красновато-желтых ягод. Это растение используется и с декоративными целями, оно может расти даже в средней полосе, в Прибалтике, в Западной Сибири, не говоря уже о местах более южных. Доктор Васильев, в частности, занимается выращиванием лимонника на опытном участке в Псковской области. А вот из энциклопедии:

«ЛИМОННИК китайский — деревянистая однодомная

лиана, длиной до 15 метров и толщиной 2 сантиметра... Плоды, как и другие части растения, при растирании имеют вкус и запах лимона, содержат кристаллическое вещество — схизандрин (латинское название лимонника — схизандра), эфирные масла, органические кислоты, углеводы, витамин «С» и другие вещества. Лимонник используется в медицине как средство, возбуждающее центральную нервную систему, стимулирующее сердечно-сосудистую систему и дыхание. Применяют внутрь в виде спиртового настоя, порошка или таблеток при физическом напряжении, умственной усталости, повышенной сонливости и т. п...»

Н. В. Усенко называет ягоды лимонника «плодом пяти вкусов» и пишет в уже упомянутой книге «Дары Уссурийской тайги»: «Лимонник с глубокой старины известен жителям Дальнего Востока. Но научно был впервые описан русским ботаником Н. С. Турчаниновым в 1867 г... Это типичный представитель субтропической растительности, принадлежит к семейству магнолиевых и издавна слывет как ценнейшее лекарственное растение. Коренным дальневосточникам — русским, нанайцам, удэгейцам — хорошо известно, что лимонник устраняет усталость, возвращает силы, придает бодрость. Отправляясь на охоту и в тайгу, его всегда брали с собой... В настоящее время введен в научную медицину... Хорошее действие оказывает на здоровых, но физически или умственно переутомленных людей. На смену усталости и вялости приходит бодрость и жизнерадостность. Даже зрение становится острее... Широко используется в ликеро-водочном и кондитерском производстве. Из плодов лимонника готовят начинки для конфет, сиропы, морсы, а из сока плодов в домашних условиях варят кисели, компоты, квас, варенье. Ароматические вещества, содержащиеся во всем растении, используют в парфюмерии»... Вот как щедра к человеку приморская тайга!

«По отношению к человеку природа безжалостна,— писал, тем не менее, В. К. Арсеньев в незабываемой книге «Дерсу Узала».— После короткой ласки она вдруг нападает и как будто нарочно старается подчеркнуть его беспомощность. Путешественнику постоянно приходится иметь дело со стихиями: дождь, ветер, наводнение, гнус, болота, холод, снег и т. д. Даже самый лес представляет собой стихию».

Но тут же следует добавление:

«Дерсу больше нас был в соответствии с окружающей его обстановкой».

И вот расшифровка:

«Дерсу удивительно приспособился к жизни в тайге. Место для своего ночлега он выбирал где-нибудь под деревом между двумя корнями, так что дупло защищало его от ветра; под себя он подстилал кору пробкового дерева, на сучок где-нибудь вешал унты так, чтобы их не спалило огнем. Винтовка тоже была рядом с ним, но она лежала не на земле, а покоилась на двух коротеньких сошках. Дрова у него всегда горели лучше, чем у нас. Они не бросали искр, и дым от костра относило в сторону. Если ветер начинал меняться, он с подветренной стороны ставил заслон. Все у него было к месту и под рукой».

Так вот же она, разгадка! Не надо навязывать природе свои, выдуманные • досужим и самонадеянным умом законы, надо больше спрашивать у нее, учиться у нее. Природа старше человека. Она существовала на Земле задолго до нашего прихода. А самонадеянность — следствие невежества и лени.

Дерсу Узала, живший в суровой тайге, как дома, погиб не от «безжалостности» природы. Он, как известно, погиб от человеческих рук — его убили грабители. Не дожди, ветры, наводнения, холода погубили этого чистого человека, не «безнравственная», «лишенная морали» природа. Его погубили представители «гомо сапиенс». Так же, как именно они погубили Льва Капланова, одного из отважных борцов за охрану природы в советское время. Как они совсем недавно погубили в африканской саванне знаменитую писательницу, прекрасного ученого Джой Адамсон, которая отлично ладила с самыми сильными, самыми «кровожадными» представителями хищников — львами, леопардами, тиграми.

Кто же безжалостнее? Неужели природа?

...Машина в «Америке» нас ждала давно, а Иван Никитич уже сильно беспокоился.

— Думал, вы заночевать решили, хотел уезжать. А ведь тайфун обещали! — тотчас зазвучал его высокий, сильный голос.— Из райсовета звонили нам, сказали — тайфун по Корее ходит. Может и к нам заглянуть. В гости! Так что давайте, ребята, залезайте скорее. Успеть бы, а то все зальет, перекроет. Вы же к морю — завтра? Скорее нужно, а то как бы не застряли в Лазо. Как

тайфун, так мы отрезаны. Речка разливается, а там дорога близко проходит. Собирались дорогу от реки подальше отводить, но пока нет ее. Ну, с богом! Вперед! Только бы баллоны не подвели...

— Это правда, Николай Григорьевич? Так действительно может быть, что перекроет? — спросил Толя, потому что, как и я, считал авторитет нашего начальника непререкаемым.

— Конечно,— сказал доктор Васильев.— Очень даже может быть. Очень даже может. Тайфун здесь — страшное дело. Что вы! Может отрезать на несколько дней. Вы, Юрий Сергеевич,— обратился он ко мне,— летели из Москвы без посадки, а мы в Хабаровске пересадку делали. Летели над югом Хабаровского края — сплошная вода. Вы читали в газетах о недавнем тайфуне? Так вот, там огромные площади водой залило. На многие километры. Кое-где только верхушки леса торчат. Урожай во многих местах погиб. Здесь, правда, тайфуны реже бывают, как ни странно. Очевидно, мешает хребет Сихотэ-Алинь с севера и востока, с юга — Японские острова. Разве что с запада придет — из Китая, Кореи. Но там тайфуны все-таки реже бывают. Они образуются, главным образом, в океане. Из Кореи действительно может прийти. Надо, надо торопиться!

Хотя и был соблазн понаблюдать воочию разгул стихии, однако перспектива сидеть в поселке несколько дней вместо того, чтобы ехать к морю, где есть еще один кордон Лазовского заповедника, никого из нас не прельщала. И мы страстно желали, чтобы тайфун задержался в Корее хотя бы до завтрашнего вечера. Тогда мы успеем добраться до берега Тихого океана.

В Лазо прибыли в полной темноте. В атмосфере пока было тихо.

ЛЮДИ И ЗВЕРИ

— Тут у нас один кордон есть, там цикады. Удивительные цикады, я нигде больше таких не видел. Вернее, не слышал. У них не вид главное, а голос. Прямо чуть не оглушают. Но приятно. Люблю их слушать! Какие-то особенные цикады, не похожие на других.

Храмцов улыбался как-то даже стеснительно, словно не уверен был, что мы разделим его интерес к цикадам.

— Если хотите, мы можем к ним заехать. Тут недалеко. По пути. Кордон называется «Сухой ключ». Речка там хорошая, красивая. Радоновая вода, лечебная, из ключа...

Юрий Сергеевич и Алиса Львовна со всем нашим багажом отправились первыми к морю, а мы в том же составе, как ходили на «3-й Лог», выехали на директорском «УАЗике» чуть позже той же дорогой, но по пути свернули на кордон «Сухой ключ». Проводником был теперь не лесник Юра, а сам директор.

И вот опять едем таежной дорогой, и опять густые дебри со всех сторон. Погода, к счастью, великолепная. Хотя тайфун действительно обещали. Где-то в нескольких сотнях километров отсюда гнутся деревья от сумасшедшего ветра, льет потоками вода со свинцового неба, тьма кромешная среди дня — а у нас благодать. Храмцов лихо ведет машину, одновременно зорко поглядывая по сторонам: ищет, наверное, потенциальных нарушителей заповедной границы. Выезжали мы от правления заповедника, а перед самым выездом вчерашний проводник Юра нашел для меня десятка полтора японских павлиноглазок, которые за ночь собрались у неоновых фонарей рядом с правлением. Я фотографировал их, а потом решил взять парочку для себя — ведь их было много. Тут как раз подошел Храмцов, и я увидел, как ревниво он наблюдает за мной и с каким облегчением берет осторожно в руки и подбрасывает в воздух — чтоб скорей улетели — тех бабочек, которых я уже снял... И опять тронула меня удивительная двойственность во внешности Храмцова: жилистость его, суровость, аскетизм — и тут же стеснительность и мимолетность робкой улыбки.

Он вообще оказался довольно молчаливым, а если говорил что-то, то тут же и посматривал искоса: а правильно ли поняли его слова? Перед теми ли он раскрывает душу?

Но то, что он повез нас к цикадам, было хорошим признаком. Чувствовалось, что это даже некий акт доверия с его стороны.

Не доезжая до границ заповедника, остановились у довольно солидного деревянного домика, двухэтажного. Рядом стояло несколько грузовых машин, и за длинным столом, расположенным прямо под небом, в тени большого дерева сидели люди. Похоже, было у них нечто наподобие праздника...

Увидев нашу маленькую машину, от стола отделился

невысокий черненький человечек, пожилой и с усами, подошел к нам и о чем-то коротко переговорил с Храмцовым. Храмцов вышел из машины, а через несколько минут вернулся, неся с собой два небольших зеленых арбуза.

Мы поехали дальше, и Храмцов объяснил, что невысокий человек — хозяин дома, кореец по национальности, носящий русское имя Афанасий. И зовут его здесь все Афоней. У него собственная маленькая бахча и приезжают сюда люди «на арбузы», и для каждого приезд сюда — небольшой праздник. Для самого хозяина, правда, получается праздник бесконечный, хотя он, несмотря ни на что, научился быть всегда в рабочей форме. При любых обстоятельствах.

Особенность этого «хутора Афони» в том, что он расположен в непосредственной близости от границ заповедника.

— Но ведет он себя хорошо,— добавил Храмцов, усмехнувшись,— и все, кто к нему приезжают, тоже. Мы даже довольны, что он здесь живет. Это ведь единственная дорога к заповеднику в этом районе, мимо него никто не проедет. А он смотрит. И его уважают. Браконьеров с этой стороны почти не бывает.

Бахча была действительно крошечная, но среди чахлых кустиков лежали не очень крупные и совершенно зеленые дальневосточные арбузы. Любопытно, что вместе со зрелыми плодами были на кустиках и цветы — маленькие, желтенькие, похожие немного на огуречные, только гораздо мельче, как ни странно. Зачем хилым этим кустикам такие гигантские плоды-ягоды? — думал я. Непонятно. Цветочки вполне соразмерны, а вот плоды, право же, смотрелись уродливо. Но как выяснилось вскоре, они весьма вкусны — сочные, сладкие, ярко-красные...

Сразу за плантацией — поле, засеянное гаоляном, высокой желтой травой, отчасти напоминающей просо (его семена — продукт питания многих восточных народов), и тут же — довольно высокий столб с дощечкой: «Лазовский государственный заповедник им. Л. Г. Капланова. Проезд и проход запрещен».

Арбузных бахчей в Приморье мало, тем более почти нигде не встретишь полей гаоляна — так что получилось как бы два заповедника рядом: один большой и один совсем крошечный.

Храмцов остановил машину у границы большого,

на краю гаолянового поля, мы вышли, поднырнули под маленький шлагбаум и вступили на территорию заповедника.

Опять прилипало пристающее — правда, его не так много, как в «Кедровой пади»,— опять высокие травы и кустарник, растущий вплотную к дороге, непроглядные дебри тут же, по обеим ее сторонам, жара, влажность и густой аромат распаренной зелени разных видов. Мухи, мошки — кровососущих среди них, слава богу, не много,— бабочки, стрекозы...

Почти тотчас перешли небольшой ручей и на его мокром мягком берегу увидели свежий след огромных лап медведя. Длина мишкиной стопы была сантиметров двадцать, а может, и больше, Храмцов сказал, что экземпляр приличный и, пожалуй, лучше нам с ним не встречаться.

— А тигры? — спросил я.— Есть они здесь?

Храмцов посмотрел на меня и слегка усмехнулся. Потом начал рассказывать.

— В этот кордон, куда мы с вами идем, как-то приехал один кандидат наук с аспиранткой. Работа у них была. «Оставьте нас,— говорит,— дня на три. А через три дня за нами приезжайте». Ну, ладно, оставить так оставить. Уехали. А они потом рассказывают. В первый же вечер, часов в десять — стемнело уже — слышат: кто-то вроде бы стучится в дверь. Подумали: может, кто из егерей вернулся? Дверь, правда, не открывали, девушка в окошко выглядывает. Смотрит: тигра! Большая и осторожно так лапой дверь пробует. Ну, испугались, ясно. Притихли, как мышки, сидят, не шелохнутся, только занавески задернули. Думали, может, их не заметит, чудаки. А тигра наверх, на крышу запрыгнула. У нас ведь крыша двускатная, а с боков все открыто — вот туда она и вспрыгнула. И по перекрытию ходит. Они как увидели, что бревна под ней прогибаются и вниз, в комнату, пыль и разный мусор сыплется — так и поняли, что это за «кошечка». Какой вес у нее. Тут девчонка — шустрая оказалась — сообразила. Похватали они кастрюльки, сковородки, крышки, ложки, все, что было,— и ну грохотать. Шум подняли, короче говоря, несусветный, да и кричали еще. Ну, тигра походила-походила и ушла. Дождались они утра с грехом пополам, выглянули: никого. И — деру из заповедника по дороге, где мы сейчас идем. К полудню отсюда уже километров за двадцать были — в Киевке! «Ну вас, говорят, с вашими тиграми!..»

— Хорошо еще, с ними собаки не было,— вступил тут в разговор Толя.— Человека тигр не ест, а вот собак любит. Так ведь, Василий Сергеевич?

— Да, собак они любят.

— Ну вот, Юрий Сергеевич,— обратился ко мне доктор Васильев,— приезжайте сюда на будущий год. Место хорошее...

— Только девушку с собой не бери,— добавил Толя.— Я уж про собаку не говорю. Но и девушку тоже не стоит. А то может так ситуация сложиться, что будешь выглядеть не лучшим образом. Если тигрица в гости придет...

— Да это какая женщина, а то и тигрице не уступит,— засмеялся Храмцов.

Ну, в общем, так мы и шли, все-таки постоянно оглядываясь...

— Тигр вообще-то не очень страшен,— серьезно сказал Храмцов.— Вот медведь...

— А вы встречались с медведем? — тотчас спросил я.

— Встречался...

— Расскажите какой-нибудь случай, пожалуйста!

— Случай? Да случаев много. Ну, вот один хотя бы. С шатуном встретились. В марте.

— Шатун — это самое опасное! — тотчас вставил доктор Васильев.

— Да, шатун — конечно. Раз он не лежит в берлоге — значит, его кто-то поднял, испугал. Не в настроении. Да и голодный часто. Ну, вот. Со мной лесник был, Тимонин.

— Оружие было?

— Было. Пистолеты. Ну, обход делали, видели след. Большой след. Удивились. Раньше шатуна здесь не встречали — кто-то, значит, его поднял. Переночевали на кордоне, а на другой день его самого увидели. Под обрывом. Сами поверху шли. Остановились, а он не уходит. Думали, не видит нас, потому и не уходит. Я крикнул.

Он голову поднял, увидел нас и — к нам! А близко ведь... Мы с Тимониным в разные стороны. Он — за Тимониным. Рядом уже, деваться некуда. Тимонин с пистолетом, смотрю, замешкался. Потом сказал — осечка. А медведь прет — уже на задние лапы встал, до Тимонина два шага осталось. Я и выстрелил, почти не

целясь... Вот и сейчас радуюсь: слава богу, не попал, не задел. Второй-то патрон, как назло, заклинило, а он выстрела, видать, испугался, ушел. Никогда патрон не заклинивало, а тут заклинило! И у Тимонина осечка за осечкой! Слава богу, первым выстрелом не задел, а то бы... Видите, как хорошо получилось: все целы.

«Все». Ясно было, что и медведь...

— Больше этого шатуна не встречали? — спросил я.

— Нет, больше нет. Видно, улегся. А может, кто-то из браконьеров его подстрелил. У нас такое бывает.

— А тигры? С тиграми приходилось встречаться?

— Ну, конечно, приходилось. Но тигр — животное благородное. С ним не страшно. Главное, спокойно нужно. И дорогу уступать. Тигра всегда заранее предупредит. Бывает, идешь, а из чащи рык. Тут надо остановиться спокойно. Или потихоньку назад. Бежать лучше не надо. Тихо идти.

— Юра рассказывал, что вы недалеко от «Америки» встречались...

— Было. Ну, иду я там, а впереди метрах в двенадцати — тигра. Редкий случай: не предупредила. Стоит на тропке, на меня смотрит. Я рюкзак тихонько снял на всякий случай, а сам — к деревьям поближе. Если что — полезу, думаю. Но ничего. Постояла-постояла, ушла. Я, конечно, деру назад, в «Америку»...

— А бывало, что на людей нападали?

— Ой, господи, да что там! Один случай за много лет был, да и то... В журнале «Природа» о нем писали. Съела тракториста ночью. Но я до сих пор не верю, что все так просто было. Загадочный какой-то случай. Наверняка раньше с человеком встречалась, раненая небось была. А может быть, они сами, люди, за ней пытались охотиться. Вот одного она и утащила. С вертолета ее потом отстреливали. И вот ведь умный зверь: над ней вертолет, с него стреляют, а она встала на задние лапы и — к дереву прижалась, за ствол спряталась, вытянулась вся. Вертолет с другой стороны подходит, а она — тоже вокруг дерева передвигается. Это ж надо сообразить...

— Убили?

— Убили, конечно. Куда денешься... А ведь никого из работников заповедника к ней так и не допустили. Я спорил, доказывал, что не могла она ни с того ни с сего на человека напасть. Вот мы и хотели удостовериться своими глазами. Точно, ранили ее! Ни с того, ни с сего она никогда

бы не напала! Но нас все равно не пустили... Население их вообще ненавидит, тигров, в этом наша главная трудность. При каждом случае стреляют, если не в заповеднике, то особенно. Втихую убивают. И главное, оправдание у всех: хищник! Кровожадный, мол! А дело разве в том, что хищник? Дело в шкуре — вот в чем! И в усах тоже, усы очень ценятся... При чем тут хищник?

— Самый страшный хищник — это человек,— сказал Толя.

— Вот именно,— убежденно согласился Храмцов.— Характерный случай вам расскажу. Видели самку с тигрятами двумя. Поблизости от заповедника. А потом самка вдруг исчезла. Тигрята одни остались. Куда самка исчезла? Ясно — убили. С машины ведь стреляют: фарами ослепят и бьют. Да и днем если с машины увидят — конечно, уж не пропустят. Ну, ладно. Тигрята одни остались, а маленькие, не доучились еще, охотиться, видно, не умеют. И на большую свалку повадились, неподалеку от поселка. К осени, видно, с едой хуже, они ближе к поселку стали подходить. Видели их несколько раз, бояться стали. Просили охотников прислать, хотя никого они ни разу не тронули. Пока охотники медлили, такой случай анекдотичный был. «Последняя капля»... Пьяный какой-то уснул прямо на дороге, километрах в двух от деревни. А прежде, чем уснуть, желудок свой опорожнил. Тигренок подошел и начал эту гадость лизать — голодный ведь. С дороги слизал — лицо пьяному начал облизывать. Тот очухался, рукой потянулся, думал — друг его ласкается, с которым вместе пили. Потрогал, а «лицо» у «друга» — в шерсти! Открыл глаза, увидел — и как заорет. Тигренок в лес, а этот отрезвел и — опрометью в деревню: напал тигр на меня, кричит! Караул! А он ведь его не только не тронул, а, можно сказать, туалет навел. Ну, тут уж разрешение на отстрел дали. Долго гонялись за тигренком, однажды даже ранили, он ушел. Потом прикончили все же. И вот странность: тигренок-то один. А было два. Где второй? Значит, второго кто-то втихую убил. Когда этого прикончили, посмотрели, а он — без когтя и без одного клыка. Тоже, значит, встречался с кем-то... Заперли труп в сарай. А когда привезли, значит, в поселок, уже и усов нет, кто-то отрезал. Усы ведь у знахарей большим лекарством считаются. И второй клык выбили. На сувенир. А потом и хвост отрубил кто-то... Вот вам и отношение. А ведь тигр в Красной книге. Другой раз думаешь: что же это за зверь такой — человек? Ну, всех ненавидит! Все вокруг готов уничтожить. А природа его кормит, поит, одевает. Ну, не все, конечно, такие люди, а есть. Из-за таких и общая картина неприглядная получается.

Вот как разговорился Храмцов! Я, честно говоря, и не ожидал. Юра говорил, что он не любит рассказывать...

МУЗЫКАНТЫ «СУХОГО КЛЮЧА»

А потом мы сидели рядом с тем самым домиком, откуда бежали кандидат с аспиранткой. Домик оказался маленьким и чрезвычайно опрятным — самым опрятным из кордонов, которые я видел. Ясно стало нам всем троим, что это — любимый кордон Храмцова. Так оно и было. В самом домике много резных вещей, а на полянке рядом очень симпатичная беседка: крыша на четырех столбах и стол с лавками под нею. Но особенность беседки в том, что на каждом из столбов аккуратно и даже талантливо вырезаны фигуры — главным образом женские, а на дощечках под крышей выжжено, очевидно, солнечными лучами при помощи лупы: «Кафе «Русалка».

Вокруг поляны теснились разные кустарники и деревья, но особенно обращали на себя внимание изящно-ажурные деревца амурского бархата. Узенькая тропинка ныряла куда-то вниз, и там, в сплошных зарослях кустарников, среди больших замшелых камней текла чистейшая горная речушка с ледяной прозрачной водой, а из-под скалы вливались в нее струи целебной радоновой воды, пахнущей сероводородом. Тут же сооружена и «ванна» — небольшая запруда, выложенная из камней. Вода вкусная и слегка газированная, но очень холодная — ломило зубы.

Но самое удивительное, самое примечательное здесь — это, конечно, цикады.

Еще когда мы подходили к кордону, что-то возникло в воздухе — мы сразу даже не разобрались что. Но что-то необычайное.

— Ага! Слышите? Это они! Внимание!..— тихонько воскликнул Храмцов, и глаза его озорно засверкали.— Вот! Слышите?

Да, действительно. На общем звуковом фоне, состоявшем из криков разнообразных птиц, шороха листвы, задеваемой нами, щелчков ломаемых сучьев, чавканья ботинок в грязи, жужжания проносящихся мимо лица насеко-

мых, вдруг появились раздельные и резкие звуки — странные и не совсем понятные, но громкие и четкие. По тембру это действительно были знакомые песни цикад — этакий резкий то ли треск, то ли стрекот, то ли скрип открываемой ржавой двери,— но по громкости, а главное, по уверенности, резкости и удивительному построению отдельных тактов и целых «фраз» они были особенными!

Трррь-трррь-трррь-тррррь-трррь,— раскачивала невидимая певунья наши барабанные перепонки, набирая силу, и, наконец: — Тррррррррррр,— словно возглас облегчения, следовала длинная трель. И через несколько секунд снова: — Тррь-тррь-трррь-трррь-тррррь-трррррррррррр...

Удивительно, что в этом незамысловатом наборе звуков явно был скрыт какой-то смысл, и интонация своя была, и настроение. Смысл, конечно, трудно определить сразу, а вот интонация ироническая, настроение же — несомненно, оптимистическое! Цикады словно бы подтрунивали над кем-то — возможно, друг над другом,— и при этом, несомненно, радовались жизни. Блаженство чувствовалось в этих звуках, причем блаженство спокойное, несуетливое, домашнее. Они облюбовали это уютное местечко, которое, очевидно, устраивало их по всем показателям, торопиться им некуда, еды — сладкого сока деревьев — вокруг в достатке, общество тоже вполне подходящее — чего же еще? Так и думалось, что эти цикады достигли настолько высокого уровня развития, что им, помимо телесной, понадобилась уже и духовная пища. А какая духовная пища может быть у музыкальных созданий? Ну, ясно же, что сочинение новых вещей и здоровое соревнование...

И вот когда я, пытаясь найти различие между «песнями» солистов, начал считать количество слогов первой части — этой своеобразной «раскачки»,— то оказалось, что количество это разное, число слогов, как правило, нечетное, их то семь, то девять, а то даже и одиннадцать, но только неясно мне было, что же именно это число слогов означает. Последняя, протяжная часть, казалось мне, всегда была ироничной, словно певунья посмеивалась над тем, что вот, мол, никак не получается больше, чем семь, девять или одиннадцать первых трелей — ну да ладно, чего там, все ведь мы такие: натуживаешься, натуживаешься, а сколько ни пыхти, все равно рано или поздно дух вон! И эта последняя, протяжная трель как будто бы и содержала в себе философскую мысль «суета сует и всяческая суета!» Но только если у древнего мудреца в мысли

этой был все-таки пессимизм, то цикады относились к великому философскому вопросу спокойнее и, может быть, даже мудрее: ну и что, что суета? Ну и что, что «все там будем»? Сейчас-то, посмотрите, как все прекрасно: солнышко светит, зелени вокруг полно, да и мы живы пока — радость-то какая!

Трррь-тррь-тррь-тррь-трррь-трррь-трррь... Трррррррррр!

И, понатужившись, понатужившись, поняв, что ни к чему, в общем-то, чрезмерная натуга, музыканты с облегчением расплывались в широкой улыбке.

Вот какие это были умные цикады! И действительно — прав Храмцов! — хотелось слушать их до бесконечности. Такое спокойствие навевали они, такое блаженство и радость жизни! И может быть, именно благодаря их мудрому аккомпанементу и избушка, и поляна, и рощица амурского бархата, и речка с родником и радоновой ванной казались просто великолепным, совершенно уникальным уголком природы. Но вы бы посмотрели, с какой радостью, с какой веселой, светлой и совершенно детской улыбкой слушал этих цикад Храмцов!

— Это еще что! — чуть ли не кричал он.— Их мало осталось сейчас, а вот в июле они такой концерт дают. Оглушают прямо! Верите, я в первый раз как их здесь услышал, ушам своим не поверил, думал, может, это у меня в ушах трещит? Никогда не думал, что цикады так могут петь! Поразительно, а?! Почему они только здесь, в этом месте? Хотите на них посмотреть? Крупные! И все-таки странно — мухи какие-то, а такие звуки! Вон, вон, глядите, вон, крылышки блестят, видите?

Вот когда окончательно раскрылся худощавый суровый директор! Вот когда заговорила, наконец, без стеснения его душа! Да и правда, чего тужиться-то? Зачем строгость-то на себя нагонять? Посмотрите, сколько прекрасного вокруг! Что это мы тень нагоняем на ясный день? Жить, жить надо, коли жизнь подарена! У цикад всего-то неделя-другая, ну, месяц на взрослую, крылатую жизнь отпущен (до этого они несколько месяцев, а то и лет прозябали червяками-личинками под землей, питаясь корнями и всякой гнилью), а они и не думают горевать. Вот очутимся «там» — тогда и погоревать можно будет. А сейчас зачем?

Давайте же петь, братья и сестры, петь и радоваться: живы, живы пока еще! Солнце светит!

Тррь-тррь-трррь-трррь-трррь-тррь-трррь... Трррррррррр!

Ах, кто же не любит море! Есть такой человек? Вряд ли... Говорят, что в невообразимой дали времен наши предки вообще вышли из моря. Да и не только наши — предки всех существ, заселяющих сейчас земную сушу, будто бы были когда-то морскими животными и растениями, потому что жизнь вообще родилась в океане! Так это или не так — не важно. Важно для нас теперь, что море — прекрасно. Особенно, конечно, южное, теплое море, в которое можно хоть на какое-то время вернуться как в издавна родную стихию.

Есть такие явления, которые человек может наблюдать и слушать часами. Смотреть на костер или на звездное небо, слушать шелест листвы или говор лесного ручья. И конечно, смотреть на море и слушать его. И ловить лицом теплый, остро пахнущий ветер с моря. И брызги. И всем существом ощущать величие его и бесконечность жизни. Если не твоей личной, случайной жизни, то, по крайней мере, жизни вообще. Жизни прекрасной могучей Природы...

Если честно, то отношение у меня к морю все-таки разное. Когда я впервые в жизни увидел его, то это не было для меня таким потрясением, какого я ожидал. Может быть, причина в том, что с раннего детства, не видя моря воочию, я тысячу раз знакомился с ним по телевизору, в кино, на картинках. Раньше времени создался определенный стереотип, и когда наконец я увидел море на самом деле, то не мог уже воспринять его непредвзято. К тому же море было хотя и прекрасное, но слишком обжитое, слишком игрушечное, украшенное многолюдными пляжами и многочисленными вычурными коробочками курортных строений. Мне понравилось плескаться в теплой сине-зеленой воде у берега и даже плавать с маской, наблюдая поросшие водорослями большие камни и маленьких юрких рыбок в них, но я догадывался, что все это — не совсем настоящее. Настоящее море — другое, оно живое, могучее, вовсе не такое игрушечное. Непостижимое. Если честно, то я пока еще моря не понял. И оно, по-моему, пока еще не принимает меня...

Но прибытие наше на храмцовском «УАЗике» к берегу Тихого океана, где располагался еще один кордон Лазовского заповедника и где предстояло нам прожить почти неделю, было просто великолепным.

Послушав музыкантов «Сухого ключа», отдохнув, съев два арбуза, подаренных корейцем Афоней, попробовав радоновой воды из источника, налюбовавшись на окрестные заросли и внимательно рассмотрев храмцовские резные работы, мы вернулись к машине, сели, Храмцов нажал на акселератор — и вот опять замелькало зеленое в окнах, и теплый ветер ударил в лица, и через час, а может быть, даже меньше наша машина вдруг выскочила из сплошных зарослей, обступавших дорогу — и перед нами распахнулось синее, бескрайнее, теплое, могучее и на этот раз, кажется, настоящее...

Широкий и плоский песчаный пляж, светлый, почти белый, с низенькими растеньицами кое-где, расстилался далеко в обе стороны, и он был почти пустынен. Почти — потому что вскоре мы увидели целый палаточный городок, расположенный метрах в двухстах от берега, и редкие люди, которые около моря все-таки были — собирали ракушки,— пришли, очевидно, из этого самого городка.

А метрах в трехстах за палаточным городком, дальше по берегу и ближе к морю, стоял голубоватый беленый домик. Один-одинешенек, если не считать подсобного строения рядом, которое при ближайшем рассмотрении оказалось кухней и столовой одновременно.

Он стоял на небольшой возвышенности у самого начала густых зарослей деревьев, кустарников, трав. От него до берега моря всего метров сто. Пологие и сплошь покрытые лесом сопки возвышались почти сразу за домиком.

Это и был кордон Лазовского заповедника.

Солнце садилось, и в последних золотистых его лучах море до самого горизонта казалось совершенно синим, густо-синим, как будто окрашенным. Тем более выделялись на нем белые кулички и чайки. Песок у самой воды был тоже почти совсем белым, разве что с золотым оттенком. Вода едва шевелилась, тонкие, стеклянно-прозрачные язычки волн осторожно полизывали мокрую отмель, словно пробуя ее на вкус. Прямо напротив домика, приблизительно в полукилометре от берега, темнел высокий лесистый остров, похожий на высунувшегося из воды кита. Левее еще один, поменьше. А у самого горизонта, особенно с правой, западной стороны — это я только теперь заметил,— темнела ровная свинцовая полоска сплошных облаков. Очевидно, это край приближающегося из Кореи тайфуна.

Насколько приветливым и благостным был вечер нашего приезда к морю, настолько неуютно и тревожно началось первое утро. Нет, тайфун пока еще не пришел, «большой ветер» не начался, но стало пасмурно, моросил дождь, а на море беспокойно толпились пока еще не очень большие, но ощутимые волны.

И все же Николай Григорьевич решил, что можно сплавать на катере на заповедный остров Петрова. Потому что если тайфун придет, то острова нам не видать, ибо все оставшиеся дни определенно придется сидеть на берегу. Будет дождь, будет шторм, неизвестно, что еще будет, и хорошо, если стихия уляжется в три-четыре дня, а то, глядишь, и недели не хватит.

Остров Петрова — это и был тот самый, похожий на кита, высокий и лесистый. Никакого храма Солнца на нем не было видно, но когда-то он действительно существовал. И не только прекрасный храм, но и удобная, прочная дамба, которая соединяла остров с материком. Ее длина — метров четыреста, высота местами в несколько, а то и в десятки метров, считая от дна, а построили ее не меньше семисот лет назад подданные Золотой империи чжурджэней, и до сих пор дамба окончательно не размыта морем — до сих пор в ясную погоду с ближайших сопок можно видеть под водой светло-зеленую полоску, соединяющую остров с берегом. Больше того — по остатку дамбы можно дойти до самого острова, и нигде вода не поднимается выше груди! Вот как строили чжурджэни — действительно на века,— а ведь техника тогда была разве такая, как сейчас? Дамба была настолько широка, что по ней свободно проезжала колесница, запряженная несколькими лошадьми.

Я вспомнил рассказ Николая Григорьевича о высоком развитии этих тунгусских племен, о стопроцентной грамотности в их государстве, о том, что юноша не имел права жениться, если не прошел курс наук... И все же их завоевали монголы, и разрушили прекрасный храм, и стерли Золотую империю с лица земли. Погибло и великое когда-то государство инков в Южной Америке, тоже достигшее высокой культуры — и тоже под натиском завоевателей. Но если бы только они... А Древняя Греция, Рим, Древний Египет, многочисленные великие империи Азии... И сама Монгольская империя Чингисхана распалась в конце концов, перейдя в руки его внука Батыя и став на какое-то время великой империей Золотая Орда,— но распалась же... Кто поднимет меч, тот от меча и гибнет.

Но не по количеству завоеванной площади, не по числу трупов врагов оцениваем мы теперь достижения государств прошлого. Хотя и смогли орды Чингисхана, пользуясь, очевидно, превосходящей численностью и умением убивать, уничтожить защитников Золотой империи; удалось им разрушить и храм. Однако по храму Солнца судим мы теперь, кто был прав. По курсу наук. По грамотности. Где сами завоеватели, где их «великие» завоеванные империи? А храм Солнца и дамба, воздвигнутая прямо в море и ведущая к нему, существует. Пусть только в нашем воображении, в памяти человечества, но — существует. И монголо-татарское иго интересно нам прежде всего не само по себе, а как темная сила, с которой другие государства вынуждены были бороться. Как предостережение. Не «успехи» завоевателей в убийствах заслуживают пристального нашего изучения, а как можно им противостоять.

Как каждому народу, даже самому слабому, сохранить свою культуру, свой «курс наук», свой «храм Солнца»?

Как слабому стать сильным, чтобы все на земле стали сильными, и никакой сильный не мог бы завоевать другого сильного, сделав его слабым?

Как бы все-таки научиться не завоевывать, а строить!

Волны сердито били в борт катера, но мы все же кое-как погрузились — все пятеро, в полном составе! — и сквозь ветер и брызги помчались к острову и скоро высадились на его берегу, неуютном сейчас и мокром. Но дождь перестал, ветра на острове тоже не чувствовалось, и мы, миновав пологое, заросшее кустарником и мелкими деревьями пространство, где когда-то стоял храм, вступили в знаменитую и уникальную, самую крупную на Дальнем Востоке тисовую рощу.

Тис остроконечный, растущий здесь во множестве,— это дерево истинно реликтовое и интересное во многих отношениях. Во-первых, он рекордсмен-долгожитель, некоторые деревья могут дожить до двух-трех тысяч лет. В Уссурийском заповеднике, к примеру, есть патриарх, перешедший тысячелетний рубеж. Во-вторых, на протяжении всего этого времени дерево растет, прибавляя в год в высоту по нескольку сантиметров, хотя выше тридцати метров дерево тиса не вырастает. Почему? Да потому, что вершина тисового дерева обычно отмирает, вершинами становятся

соседние ветви, и тис, таким образом,— дерево со многими вершинами. В-третьих, нижние ветви тиса опускаются низко к земле, а бывает, там и укореняются. В-четвертых, у некоторых видов тиса вокруг главного ствола вырастают иногда дополнительные стволы, которые соединяются с главным и образуют, таким образом, толстенный конгломерат до десяти — пятнадцати метров в окружности. В-пятых, вечнозеленая хвоя тиса ядовита, и, главным образом, она ядовита для лошадей — и именно это свойство помогло в свое время уцелеть молодым деревцам тиса, потому что там, где они росли, паслись многочисленные стада предков всем известных современных четвероногих. В-шестых, при ядовитости хвои вполне съедобны и даже вкусны его плоды-ягоды, небольшие, размером с клюкву, очень красивые, рубиновые и полупрозрачные. По словам доктора Васильева, они даже находят применение в тибетской медицине. И это — тоже выгодное свойство тиса, ибо его ягоды с удовольствием клюют птицы, глотают их вместе с семенами-косточками, которые не только не перевариваются в птичьем желудке, а, наоборот, получают необходимую обработку, этакую культивацию, которая способствует всхожести. Птицы, таким образом, расселяют тис. В-седьмых, хвоя этого дерева настолько густа, что в тисовой роще темно и совсем нет подлеска — в его тени не уживается даже его собственный молодняк...

И вообще загадочно происхождение уникальной рощи на острове — ведь нигде больше в Приморье тис не растет в таких количествах и так густо. Да и сам остров Петрова — своеобразный ботанический сад. Его площадь всего 28 гектаров, и на этом пространстве растет приблизительно восемьдесят процентов всех видов деревьев Приморья.

...Мы вступили в сказочные дебри. Поистине сказочные — потому что внизу в полумраке были только стволы, кривые, перекореженные, с огромными, бугристыми наростами-капами кое-где, с голыми корявыми лианами и непонятно откуда и куда тянущимися ветвями, тонкими, узловатыми, морщинистыми, словно руки мумий. Ни травинки, ни листика внизу, ни даже свежей хвоинки — мертво, пусто, голо, темно... Только наверху сплошное переплетение ветвей, покрытых густой, пушистой, темно-зеленой хвоей, в которой, словно драгоценные украшения, рдеют рубины ягод.

Солнца не было, для фотографии это плохо, но пасмурная погода только подчеркивала состояние сказочной зачарованности, в котором мы все оказались. Кощей Бессмертный, Баба-Яга, Соловей-разбойник, черти, бесы... Не в таком ли дремучем и странном лесу рождались сказки?

Только специальные таблички с надписями портили картину — таблички для туристов, которых, увы, бывает здесь очень много: обязательное посещение заповедного острова входит в один из туристских маршрутов, а палаточный городок, мимо которого мы проезжали вчера,— это и есть стоянка очередной туристической группы. Да, тут тоже проблема: с одной стороны, какая цена заповедным дебрям, если их никто не видит? Но с другой — что же это за заповедность, если в месяц посещают рощу и остров тысячи человек? Причем так, запросто, без специальной подготовки, без трудностей, организованным порядком, в числе других запрограммированных мероприятий, пользуясь современным транспортом. Какая уж тут сказка!

И действительно, не успели мы насладиться сказочностью момента, как сзади послышались бодрые, веселые голоса. Шла группа.

Мы поскорее покинули рощу и по тропинке стали подниматься наверх — на своеобразную «спину кита». Да, растительность была здесь великолепная... А на самом верху распахнулась необозримая, захватившая дух панорама. Тихий океан был мрачен и грозен, бескрайнее серое небо казалось неприветливым. Что оно готовило нам?

ДЕНЬ СОЛНЦА

И все-таки тайфун до нас не дошел! На следующий день после поездки на остров Петрова дождь перестал, небо расчистилось, солнце сияло. И началось наше счастливое пребывание на берегу Тихого океана.

Доктор Васильев изучал флору Лазовского заповедника, а Юрий Сергеевич, Толя, Алиса Львовна помогали ему, чем могли, и, конечно же, старались увидеть как можно больше в этом краю, где, вероятно, никогда не удастся побывать снова. Увидеть здесь можно многое: одних только редких растений, занесенных в Красную книгу, больше десятка. А сколько еще не занесенных, но заслуживающих самого пристального внимания!

Граница заповедника начиналась от кордона, а та обширная плоская низина, по которой мы ехали сюда, не

входила в его состав. В непосредственной близости от кордона летали Синие махаоны и ксуты.

Каждый день в Стране Синих махаонов на берегу Тихого океана был прекрасен по-своему. Но один, самый последний, запомнился особенно. Это был погожий, солнечный день — день Солнца.

...Почему-то я часто вспоминал индийского адмирала, которого видел на Живой горе у первого поворота, но так и не сфотографировал. Потом еще раз встретил: мы ехали в Лазовский заповедник и ненадолго остановились у перекрестка, а я пошел вдоль дороги и на придорожных цветах увидел экзотическую эту бабочку. Опять у меня ничего не вышло — адмирал улетел, да к тому же и погода была пасмурная, невыгодная для фотографии.

Но ведь они должны летать! Даже 6 сентября я повстречал на лесной дороге неподалеку от моря радужницу Шренка — хотя их лёт, как правило, заканчивается в конце июля. Время лёта индийских адмиралов — позже.

И вот накануне отъезда с утра я отправился на поиски индийского адмирала. Раньше всегда ходил на восток вдоль моря, в сторону, противоположную заповеднику, а теперь — на запад. Это была территория заповедника.

Никогда раньше я не видел таких пустынных и диких пляжей. Вот истинное море! Камни громоздились, словно развалины фантастических городов. Единственными — по крайней мере единственно заметными — обитателями их были чайки и бакланы. Солнце сияло безудержно, воздух, казалось, был до предела насыщен светом, но особой жары не чувствовалось: с моря дул легкий ветер. Он нежно поглаживал загоревшую кожу.

Я забрался на сопку, с которой видно было несколько бухт, и ни в одной из них не увидел ни человека. Уютно, пустынно...

Остров Петрова отлично виден весь, целиком, и светлая бирюзовая полоска тянулась по воде от восточного его конца к берегу — остаток дамбы чжурджэней. Море было ослепительно синим, а у самого берега вода приобретала зеленоватый оттенок, камни просвечивали сквозь нее. Сапфир и изумруд — все то же знакомое сочетание.

Солнце сияло, я стоял на сопке и был один на один с этим бескрайним, напоенным теплом и светом простором, с землей и океаном, и я испытал такое острое чувство счастья и единства с сущим, что, уж наверное, не забуду его до конца жизни.

Зависть к путешественникам прошлого сидит во многих из нас. Выйти вот так на незнакомый, необитаемый берег, открыть новую, прекрасную землю, увидеть то, чего до тебя еще никто не видел... Люди посвящали этому всю свою жизнь, пренебрегая комфортом, удобствами цивилизации, даже постоянным общением с родственниками и друзьями. Неужели это уйдет совсем? — думал я.— Неужели только лишь в старых книгах мы сможем прочитать слова, подобные признанию Григория Ефимовича Грум-Гржимайло: «Мечта моей жизни осуществилась: я стою на берегу Иртыша»? Или надеяться только на космические полеты в далеком будущем?

Человек не может без путешествий. Человек не может без красоты. Человек не может без постоянного движения по пути познания и открытий. И ведь пока еще не оскудела Земля. Пока...

Изменить свою жизнь ради поимки редкой, считавшейся вымершей бабочки; вступить в рискованную борьбу за сохранение жизней «меньших братьев»; подвергаться постоянной опасности встретиться один на один с вооруженным браконьером, рассчитывающим на свою безнаказанность в дремучем лесу и без свидетелей; изучать этот прекрасный мир и ратовать за его сохранение — вот романтика нового времени! А путешествовать можно и в джунглях лесной поляны. Только бы сохранить свежесть чувств...

Индийского адмирала я не нашел. Летали другие бабочки, но его не было. Да это не так уж и важно.

Солнце сияло, и море сверкало под ним и переливалось аквамариновыми оттенками. Цветы усеяли жесткую поверхность сопки...

Вот гвоздики. Они лепятся по щелям, в камнях, среди скал — где есть хоть щепотка земли, они уже тут как тут. И цветут обильно, украшая голый морщинистый камень фиолетово-розовыми цветочками, каждая тычинка и пестик, каждый лепесток которого — само совершенство. Никакой халтуры! Добротный цвет, добротный узор, затейливо вырезанный край каждого лепестка.

Колокольчик крупноцветковый занесен в Красную книгу. Крошечное — высотой всего сантиметров пять — растеньице выбрасывает, однако, цветок, по сравнению со своим ростом огромный — диаметром сантиметра три, а глубиной и того больше. И цветок этот — высокохудожественная чаша волшебно синего цвета, утонченной, изящной формы. Увеличенная точная копия ее сделала бы честь-

любой нашей выставке, соразмерности и гармонии ее позавидовал бы самый искусный мастер.

Амурский мак — нежно-белый, становящийся к центру канареечно-желтым. Словно модель хрупкого солнышка на длинном тоненьком стебельке — детский рисунок. И действительно, что-то детски беззащитное есть в этом субтильном создании, вырастающем среди суровых, диких камней,— выпавший из гнезда птенец в заскорузлой ладони каменотеса.

Какой цветок ни рассматривать, мы не найдем безвкусицы, спешки, попытки сделать что-то «на авось». Совершенство и красота... В который уж раз думаю я: ну, ладно, если бы мы были так же совершенны, как все в природе, ладно, если бы мы могли так же — запросто и во множестве — создавать такое. Ладно, если бы мы, переделывая природу по-своему, вносили бы в нее свои радости, свое счастье, свою гармонию. Но ведь этого не происходит. Вернее сказать, не происходит и этого. Наоборот. Мы, как правило, несем в природу прежде всего свой хаос, свою неустроенность и дисгармонию своих взаимоотношений. Не случайно уничтожено столько видов животных и растений на Земле, испорчено столько земель, отравлено столько воды и воздуха!

Если природа живого на нашей планете — растения, животные — находится в несомненной гармонии и, конечно же, долго еще пребывала бы в ней, не вмешайся человек в ее сообщества, то человеческая природа, наоборот, пока еще, увы, несовершенна. Так зачем же такая самонадеянность? Мы пока не понимаем друг друга в той степени, как хотелось бы, мы страдаем некоммуникабельностью, непониманием даже самих себя, нам свойственна дисгармония не только общечеловеческих отношений, но и внутри себя. Мы не в состоянии осознать и освоить те богатства тела и духа, которые даны нам природой! Нам далеко не всегда приносят радость огромные потенциальные богатства внутри нас... И мы с удивительным самомнением и самонадеянностью несем эту болезнь, это непонимание и неосвоенность собственных богатств — на природу! И заражаем сущее своими болезнями.

Разумно ли это? Не мудрее было бы вместо того, чтобы нести свое несовершенство, свою болезнь в здоровое окружение, то есть в среду своего обитания, хотя бы с чуть большим вниманием оглядеться?

Впрочем, именно это сейчас и происходит. Сколько людей уже осознали это! И во всем мире. И в нашей стране. Может быть, и действительно наступит день___день когда мы наконец договоримся. Когда воцарится та самая красота...

Вот для чего нужна еще, просто жизненно необходима нам дикая природа. Чтобы сравнивать. Чтобы не превратиться, подобно женьшеню на грядках, в акселерированные и внешне благополучные существа, которые, тем не менее, что-то безнадежно утратили.

Чтобы не забывать, что такое истинная красота.

ДО НОВОЙ ВСТРЕЧИ, ПРИМОРЬЕ!

После дня Солнца мы перебрались в ближайший крупный поселок, и оттуда самолет перенес нас во Владивосток. Наконец-то можно было получше познакомиться со столицей Приморского края! Три дня мы жили в пригороде Владивостока, а в сам город ездили каждый день и побывали, в частности, в Биолого-почвенном институте, где видели коллекцию бабочек — богатейшую коллекцию и наших, и тропических, среди которых были и наша Пенелопа, и бразильский Улисс, или Одиссей, ослепительно синяя крупная бабочка из семейства морфид. Мы встретились со сподвижником и постоянным спутником А. И. Куренцова Дмитрием Гавриловичем Кононовым. Мы о многом говорили и вспоминали дни экспедиции и уникальную природу Приморского края, которая пока еще жива и местами даже почти в первозданном блеске.

И все же опять понял я, что увидел Приморье только мельком. И на этот раз. Конечно, лучше, чем во время давнего велопутешествия, но все же очень и очень поверхностно.

И я не нашел своего женьшеня, который рос бы в Уссурийской тайге, набирая силу и оставаясь со мной как бы в тайной связи... А лотос? Это розовое живое солнце я тоже видел только мельком. Хотелось бы подольше пожить и на каком-нибудь глухом кордоне, чтобы почувствовать жизнь тайги, прикоснуться к ее тайне. «Я одно лишь хочу: запах кедра понять...» — эти слова В. С. Храмцова не выходили из головы.

— Что тебе больше всего понравилось в нашей поездке? — спросил я однажды своего тезку Юрия Сергеевича.

— Природа... Синие махаоны, ксуты. Понравилось, как

на Змеинку ходили. Ну, и океан, конечно, бесконечные пляжи... Да, остров Петрова — особенно! Остановившееся время... Еще бы приехать сюда!

— А вам, Алиса Львовна?

— Природа прекрасная. Цветы, деревья, махаоны Синие... Просторные пляжи... Не хочется уезжать.

— А тебе, Толя?

— Природа поразительная здесь. Потрясающая! Но для меня очень важны были отношения между всеми нами. Приятно встретиться с хорошими людьми. Да, еще приехать сюда не мешало бы! В том же составе...

Николая Григорьевича я не спрашивал. Он весь был в том, что нас окружало, он был в единстве с сущим. В тайге и везде он был дома. И конечно, он побывает здесь еще не раз.

Как — обязательно! — постараюсь и я.

До новой встречи, Приморье!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I

ЖЕНЬШЕНЬ, ЛОТОС И ПЕНЕЛОПА

Немного о Приморье . . . 5
Приглашение . . . 11
Статья в газете . . . 12
Волнующая охота . . . 14
Фантазии . . . 19
Заочный знакомый . . . 21
Володя-пессимист и Володя-оптимист . . . 23
Здравствуй, Приморье! . . . 26
Утро . . . 28
Первый махаон . . . 31
Живая гора . . . 36
Вечер . . . 41
Возвращающий молодость . . . 43
Растительное Эльдорадо . . . 47
История Володи Мещерякова . . . 54
Охотник-исследователь . . . 59
«А гусеницы кусаются?» . . . 65
Ночной лов . . . 68
Лотос . . . 75
Важные переговоры . . . 82
На такси за Пенелопой . . . 86
Охота на осыпи . . . 88
Загадочное превращение . . . 93
Подарки напоследок . . . 95

Часть II

РОЗАЛИЯ УССУРИЙСКАЯ И ЭЛЬЦИЗМА

В Уссурийск! . . . 99
Каллипогон реликтус . . . 102
Кордон под ильмом . . . 106

Змеиная гора . . . 111
Коварство вируса . . . 118
«Спящая красавица» . . . 124
«Крокодиловка» . . . 127
«Кедровая падь» . . . 137
Через тайгу . . . 141
Неизвестная бабочка и голубой жук . . . 145
Лесничий . . . 150
«Человечество остановилось на полпути!» . . . 153
Ксуты на узкой, длинной гряде . . . 158
В «Америку» и еще дальше! . . . 160
Свободноягодник колючий, или «чертов куст» . . . 162
В зеленом океане . . . 165
Кордон «Третий Лог» . . . 170
Поэт тайги . . . 173
Размышления на тему . . . 180
Обратный путь . . . 182
Люди и звери . . . 186
Музыканты «Сухого ключа» . . . 193
Море! . . . 196
Остров Петрова . . . 198
День Солнца . . . 201
До новой встречи, Приморье! . . . 205

Для среднего и старшего возраста

Юрий Сергеевич Аракчеев

В СТРАНЕ СИНИХ МАХАОНОВ

ИБ № 6960

Ответственный редактор *И. Б. Шустова.* Художественный редактор *В. А. Горячева.* Технический редактор *И. Г. Мохова.* Корректор *Л. А. Рогова.*
Сдано в набор 01.10.84. Подписано к печати 08.08.85. А10770. Формат 84X108'/32 Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 22,26. Уч.-изд. л. 12+24 вкл.=15,55. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6128. Цена 2 руб. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

2 руб